

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

Алек Д. Эпштейн

**БЕСКОНЕЧНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ.
ИЗРАИЛЬ И АРАБСКИЙ МИР: ВОЙНЫ И ДИПЛОМАТИЯ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Москва 2003

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

Бесконечное противостояние.

Израиль и арабский мир: войны и дипломатия

История и современность

М., 2003, 230 стр.

ISBN 5-89394-081-4

ISBN 5-89394-081-4

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

© А.Д. Эпштейн

**An Everlasting Confrontation
Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy**

Dr. Alek D. Epstein,
Shalem Center, Jerusalem
Department of Sociology and Political Science,
Open University of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	9
I. РЕАЛИИ И МИФЫ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА	12
II. ПОИСКИ ПУТЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА МЕЖДУ АРАБАМИ И ЕВРЕЯМИ В ПАЛЕСТИНЕ В ПЕРИОД БРИТАНСКОГО МАНДАТА	23
III. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И БОРЬБА ИЗРАИЛЯ ЗА ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ В КОНЦЕ 40-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ	30
IV. СИНАЙСКАЯ ВОЙНА 1956 ГОДА	42
V. ПОБЕДНЫЙ БЛИЦКРИГ: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА (ИЮНЬ 1967 Г.) И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	49
VI. ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ (ОКТАБРЬ 1973 Г.) И ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС	83
VII. НОВЫЕ ВИТКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИЗРАИЛЬ И АРАБСКИЙ МИР В КОНЦЕ 70-Х – НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ	96
VIII. БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА: ИЗРАИЛЬ В ЛИВАНЕ	106
IX. ПРАГМАТИЗМ БЕРЕТ ВЕРХ: ДОСТИЖЕНИЕ МИРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ С ЕГИПТОМ И ИОРДАНИЕЙ	115
X. РАЗВИТИЕ И КРАХ «ПРОЦЕССА ОСЛО»	137
XI. ИЗРАИЛЬСКИЕ АРАБЫ: ДИАЛЕКТИКА ГРАЖДАНСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	150
XII. ПАРАДОКСЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ПРОГРЕССА В АРАБО- ИЗРАИЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО	165
XIII. АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ И ИЗРАИЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ	180
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	193
КАРТЫ	199
ПРИМЕЧАНИЯ	203

CONTENTS

ABOUT THE AUTHOR	
FOREWORD	7
THE AUTHOR'S FOREWORD	9
I. THE ARAB-ISRAELI CONFLICT: FACTS AND MYTHS	12
II. LOOKING FOR A POLITICAL COMPROMISE BETWEEN ARABS AND JEWES IN PALESTINE DURING THE BRITISH MANDATE PERIOD.	23
III. THE WAR OF INDEPENDENCE AND ISRAEL'S STRUGGLE FOR SURVIVAL IN THE LATE 1940S	30
IV. THE SINAI CAMPAIGN (1956)	42
V. THE GREAT VICTORY: THE SIX-DAY WAR (JUNE 1967)	49
VI. THE <i>YOM KIPPUR</i> WAR (OCTOBER 1973) AND THE CRISIS IN THE AFTERMATH	83
VII. THE NEW CYCLES OF CONFRONTATION: ISRAEL AND THE ARAB WORLD BETWEEN THE LATE 1970S AND THE EARLY 1980S.	96
VIII. AN ENDLESS WAR: ISRAEL AND THE LEBANON PROBLEM	106
IX. PRAGMATISM HAS TAKEN OVER: THE ACHIEVEMENT OF PEACE AGREEMENTS WITH EGYPT AND JORDAN	115
X. THE RISE AND THE COLLAPSE OF THE "OSLO PROCESS"	137
XI. THE ISRAELI ARABS: THE DUALITY OF CIVIL AND NATIONAL IDENTITY	150
XII. THE PARADOXES OF CONFLICT RESOLUTION: THE IMPACT OF PROGRESS AT THE ARAB-ISRAELI NEGOTIATIONS ON THE ISRAELI SOCIETY	165
XIII. THE ARAB-ISRAELI CONFLICT AND THE ISRAELI DEMOCRACY	180
INSTEAD OF CONCLUSION	193
MAPS	199
NOTES	203

Об авторе

Доктор социологии Алек Эпштейн закончил Еврейский университет в Иерусалиме, где в 2001 г. защитил написанную на языке иврит диссертацию (Ph.D.) о роли израильской интеллигенции в общественно-политической полемике и развитии гражданских свобод в стране. Лауреат премии им. Теодора Герцля Института исследований современного еврейства за 1999 г.

С 1996 г. он преподает в различных израильских и российских вузах, среди которых Еврейский университет в Иерусалиме, Открытый университет Израиля, Колледж управления (Тель-Авив), а также Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Организатор и сопредседатель прошедшей в Москве 8–11 сентября 2000 г. международной конференции «Общество, политика и культура современного Израиля».

А.Эпштейн был научным редактором и одним из соавторов книг «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество» (Москва, 2000), «Формирование судебной системы и внешнеполитической ориентации Израиля» (Тель-Авив, 2001) и «Общество и политика современного Израиля» (Москва/Иерусалим, 2002). Провел ряд социологических и политологических исследований, результаты которых обобщены в многочисленных статьях, опубликованных на русском языке, на английском и на иврите в научных журналах и книгах в России, Израиле, США, Канаде, Великобритании, Австралии, Нидерландах и Украине. Около тридцати его аналитических статей и интервью опубликованы в израильских газетах «Время», «Новости недели», «Jerusalem Post» и «Вести», где он ведет постоянную рубрику «Кафедра/Открытый университет». Выступал с докладами на более чем трех десятках научных конференций в Израиле и за его пределами, в том числе на симпозиумах Международного института социологии, Международной ассоциации политологов и Международной ассоциации политической психологии. В настоящее время в иерусалимском институте «Шалем» руководит исследованием о развитии социологии в Израиле.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История арабо-израильского противостояния как основа ближневосточного конфликта подробно описана в отечественной и мировой научной литературе. По причинам естественным русскоязычный читатель знаком более всего с превалировавшей в советский период истории нашей страны версией, основанной на понимании «сионизма как формы расизма» и лозунге «сионизм - враг всего человечества». Исчезновение в 90-е годы идеологической составляющей «ближневосточного заказа» открыло дорогу на российский рынок книгам, написанным с противоположной точки зрения. При этом большая их часть отличалась идеологической страстностью и полемичностью, характерной для сионизма не меньше, чем для коммунизма.

Работа молодого израильского ученого А.Эпштейна является примечательным исключением в этом ряду. Широко известная в Израиле приверженность автора не просто к лагерю мира, но к его крайне левому пацифистскому флангу, история его личного противостояния с истеблишментом страны исключают возможность обвинения его в расизме или предвзятости по отношению к арабам. Нельзя не отметить при этом не только стремления израильского ученого к максимальной объективности в освещении истории конфликта, но и той эволюции, которую его взгляды претерпели за два года «интифады Аль-Акса».

К какой части политического спектра могут быть отнесены взгляды автора сегодня, определить нелегко. Он никогда не был увлечен мифологией правого лагеря и более не является приверженцем иллюзий лагеря левого. Следствием этого стала лишенная яркой идеологической окраски позиция, которую можно условно охарактеризовать как правоконсервативный центризм – позиция, к которой склоняется в последнее время под давлением обстоятельств не только подавляющее число израильтян, но и все большая часть израильского академического сообщества и политического истеблишмента.

Книга д-ра Эпштейна – работа человека, живущего в стране, поставленной перед проблемой физического выживания, отнес-

нившей в сферу теории дискуссии о допустимости использования армии и сил безопасности в противостоянии насилию со стороны «гражданского населения» и грани, отделяющей террористов от «борцов за национальную независимость». Его пример имеет для российского читателя особое значение, ибо наша страна, как и Израиль, является одним из основных фронтов борьбы современной цивилизации с исламским экстремизмом и международным терроризмом. Вряд ли случайно есть так много общего в методах борьбы за «палестинское государство» против «израильской оккупации» и «чеченскую независимость» против «оккупации российской». Вряд ли случайно совпадение в отношении к палестинским и чеченским шахидам «мирового сообщества», в первую очередь государств Европы.

Опыт Израиля в борьбе за сохранение национальной государственности жизненно важен для современной России. Предлагаемая вниманию читателя книга — составляющая этого опыта.

Евгений Сатановский
Президент ИИИиБВ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История арабо-израильского конфликта не только многократно описана как в академической, так и в научно-популярной литературе, но и стала едва ли не неотъемлемой темой всех ведущих мировых СМИ. Однако анализ существующих на сегодняшний день публикаций показал, что на русском языке не существует ни одной сколько-нибудь всеобъемлющей, но при этом компактной монографии об истории арабо-израильского конфликта и попытках его урегулирования. Едва ли не единственная подробная книга на эту тему, написанная бывшим президентом Израиля Хаимом Герцогом, и позже переведенная на русский язык, вышла в свет в Лондоне почти двадцать лет назад, но даже и эта работа не может удовлетворить взыскательного современного читателя. Во-первых, эта книга посвящена почти исключительно арабо-израильским войнам и не затрагивает процесс политического урегулирования конфликта. Во-вторых, за двадцать лет, прошедших с момента выхода в свет книги Х.Герцога, произошли огромные изменения, среди которых достаточно упомянуть два витка палестинской интифады, мирную конференцию в Мадриде, подписание мирного договора с Иорданией и серии договоров с палестинцами, вывод израильских войск из Ливана. Эти события, естественно, не могли быть отражены в книге Х. Герцога. В-третьих, огромный массив документов, исследований и мемуаров, опубликованных в последние годы, серьезным образом повлиял на восприятие историками и политологами событий недавнего прошлого. Других же обзорных работ об арабо-израильском конфликте и попытках его урегулирования на русском языке нет. Иерусалимскими издательствами «Библиотека Алия» и «Мосты культуры» и Открытым университетом Израиля были выпущены важные исследования об отдельных войнах и антитеррористических операциях, проведенных Израилем за прошедшие годы, есть немало книг, акцентирующих внимание читателей на тех или иных положительных и отрицательных аспектах арабо-израильского переговорного процесса,

изданы мемуары государственных деятелей, изложивших свое видение конфликтов и возможных путей их преодоления. Однако профессионально добротной компактной монографии, охватывающей тему в целом, так и не было издано.

Хотелось бы надеяться, что данная работа, построенная по хронологическому принципу, сможет восполнить этот досадный пробел и поможет читателям лучше разобраться в хитросплетениях продолжающегося уже многие десятилетия конфликта, где, как правило, нет правых и нет виноватых, где каждым народом выстрадана и отстаивается своя правда, а столкновение стоило каждому из вовлеченных в него народов огромных жертв. О войнах и мирных переговорах, об обретениях и утратах и рассказывается в данной монографии.

Безупречно объективное представление об арабо-израильском конфликте составить очень трудно. Во многих публикациях представлен только «арабский» или только «израильский» взгляд на это противостояние, согласно которому именно на второй стороне лежит вся полнота ответственности за существование конфликта и любое его обострение. В своем крайнем выражении «арабский» взгляд на проблему вовсе отрицает само право Израиля на существование. В этой монографии сделана попытка уйти от обеих крайностей в оценках ближневосточного конфликта, не считая ни одну из указанных точек зрения правильной, и отказаться от желания навязывать какую-либо определенную позицию читателю. Представляется, что взвешенный анализ фактов, лишенный, насколько это возможно, политических пристрастий, будет в настоящее время наиболее полезен.

Хотя я как автор монографии несу полную ответственность за ее содержание, мне приятно выразить благодарность моим коллегам и ученикам, помогавшим мне в процессе работы над отдельными главами. В работе над главой о Шестидневной войне принимал участие научный сотрудник иерусалимского института «Шалем» М.А.Урицкий, над главами о Войне Судного дня и Ливанской кампании – кандидат исторических наук В.А.Дворянов, над главой о развитии и крахе «процесса Осло» – студентка Еврейского университета в Москве И.Баулина, над главой о влиянии арабо-израильского конфликта на израильских арабов – аспирантка Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова О.А.Зайцева, над главой о влиянии конфликта на демократические институты власти в Израиле – вы-

пускник Института стран Азии и Африки В.В.Марченко, над заключительной главой – студент Института стран Азии и Африки И.Б.Филиппов. Я благодарю их, а также своих учителей, других коллег и студентов в российских и израильских университетах за помощь и участие в подготовке данной монографии, принимая на себя единоличную ответственность за неизбежные даже при самой кропотливой работе ошибки и неточности.

В заключение я хотел бы поблагодарить редакторов российских и израильских издательств, благодаря усилиям которых были впервые опубликованы отдельные фрагменты настоящей монографии. Кроме того, я говорю спасибо своему другу и коллеге Владимиру Ханину, чья профессиональная поддержка и человеческое участие имели и имеют для меня необычайную значимость.

Алек Эпштейн,
доктор философских наук, научный сотрудник
иерусалимского Института «Шалем»,
преподаватель кафедры социологии и политологии
Открытого университета Израиля и Центра им. Чейза
Еврейского университета в Иерусалиме

I. РЕАЛИИ И МИФЫ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Прежде чем дать читателям возможность ознакомиться с историей арабо-израильского конфликта, видится необходимым сделать несколько замечаний концептуального характера. Историография арабо-израильского конфликта представляет собой такую вереницу вымыслов, мифов, сознательных и невольных искажений, что по-настоящему разобраться в происходящем становится почти невозможно. Ни в коей мере не подменяя собой необходимость тщательного исторического разбора событий, подобные замечания помогут сформировать адекватные рамки восприятия социологического и исторического анализа.

Во-первых, следует отметить, что практически вся история сионистского движения, становления еврейского ишува в Палестине, создания Государства Израиль, развития арабо-израильского конфликта и поисков путей его разрешения может быть адекватно рассмотрена только в связи с общемировыми и региональными политическими, экономическими и культурологическими тенденциями. Сионистское движение сформировалось в период заката «золотого века» европейского национализма, что в значительной степени предопределило и успех сионистского проекта, и трудности в его воплощении в жизнь. Представляется очевидным, что идеология, видевшая своей главной целью создание (или воссоздание) еврейского национального государства, лишь в некоторой мере могла считаться исключительной. Идеология политического сионизма развивалась в контексте тех исторических процессов, которые происходили в исследуемый период в странах Западной и Центральной Европы. Как отмечает Алан Даути, «национализм был движущей силой не только сионистского движения, но и отличительным признаком целой эпохи как таковой. В конце XIX столетия во многих западных странах восторжествовала концепция, согласно которой политический суверенитет должен соответствовать национальному делению, что основой политической организации мирового порядка должны стать национальные государства,

а не монархии или многонациональные империи. Поэтому не удивительно, что еврейское движение также объявило национальное государство не только наилучшим средством решения «национального вопроса», но и необходимым условием своего национального возрождения»¹.

За полвека, предшествовавших написанию Львом Пинскером знаменитой книги «Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам» – первой работы, где недвусмысленно выдвигался тезис о необходимости создания еврейского государства, были созданы и получили международное признание такие государства, как Германия, Италия, Бельгия, Греция, Сербия, Румыния и Болгария. Как отмечает Э.Хобсбаум, в этот период возник новый тип политического национализма, основанный на предположении, «что принцип национального самоопределения вплоть до (и включая) образования независимых суверенных государств, может быть применен ... ко всем (и к любым) группам населения, объявившим себя «нациями»². Политический сионизм был одним из проявлений этой динамики, выдвинув идею о том, что различные еврейские общины, рассеянные по странам и континентам, являются единым народом, который должен воссоздать государство, последний раз существовавшее на карте мира до 63 года до новой эры. Более того, языком еврейского национального возрождения был объявлен иврит, который перестал функционировать как разговорный язык в Иудее самое позднее в IV веке новой эры и с тех пор не использовался как язык повседневного общения ни в одной из еврейских общин мира. Утверждение ставшего в 1918 г. главой новой независимой Польши Юзефа Пилсудского о том, что «государство создает нацию, а не нация создает государство», в полной мере применимо к сионистскому проекту (вос)создания еврейской государственности.

Избрав национальное государство в качестве политической модели для достижения своих национальных чаяний, лидеры сионистского движения приняли повсеместно распространенную форму политического национализма, посредством которой многие народы уже осуществили свое право на самоопределение и суверенитет. Об этой взаимосвязи между сионизмом и другими национальными движениями Европы писал еще в 1902 г. Макс Нордау. Сионизм, согласно Нордау, вырос из всего комплекса настойчивых требований нового времени, и решение, которое он ищет – это современное решение, свя-

занное с национальными движениями поколения: «Национальная идея воспитала все народы на сознании собственной ценности, научила их рассматривать свои особые качества как достоинства и поселила в их сердцах мощное стремление к самостоятельности. Она не могла пройти мимо просвещенных евреев, не отложив своего отпечатка и на них. Она направляла их, заставляя задуматься о себе самих, вновь почувствовать себя тем, о чем они уже забыли, – особым народом – и потребовать для себя как для народа нормального будущего»³.

Хотя основоположником политического сионизма принято считать Т.Герцля, следует отметить, что «идеи, сходные с идеями Герцля, многие высказывали и до него, а некоторые, и в первую очередь Лев Пинскер, придали им не менее точные формулировки»⁴. По словам профессора истории Тель-авивского университета Давида Виталья, «в определенном смысле появление Герцля можно считать поздним, неосознанным и случайным ответом на призыв Пинскера, особенно, если принять во внимание поразительное совпадение их взглядов в некоторых теоретических и практических вопросах»⁵. Вместе с тем именно талант убеждения Т.Герцля и его воля к действию позволили превратить идею о создании национального государства евреев из интеллектуальной утопии, разделяемой лишь небольшим числом сторонников, в политическую платформу, с которой более невозможно было не считаться.

Еврейский ишув в Палестине был одним из многих переселенческих обществ, сформированных волнами массовой миграции; парадигмы интеграции и аккультурации репатриантов в Израиле не многим отличались от аналогичных концепций в отношении иммигрантов в других переселенческих обществах. И в настоящее время общие тенденции мировой геополитики оказывают критическое влияние как на то, что происходит в Государстве Израиль, так и на развитие арабо-израильского конфликта.

Важнейшее влияние тенденций развития мировой дипломатии на Государство Израиль проявилось уже в том, что само решение о создании государства было принято не в ходе двухсторонних или многосторонних переговоров с участием жителей Палестины, а на заседании самой представительной из международных организаций – Генеральной Ассамблеи ООН. Даже войны между Израилем и арабскими странами во многом проходят по «сценарию извне». Так, опасения США по поводу

возможного военного вмешательства Советского Союза в ближневосточные конфликты (как в самой Палестине, так и за ее пределами) как следствие американской помощи Израилю⁶ фактически оставили Израиль без значительной американской поддержки в ходе Войны за независимость, что значительно затянуло войну и привело к большим потерям с израильской стороны. Без участия Англии и Франции Израиль почти наверняка не начал бы в 1956 г. операцию против Египта. Израильско-египетская Война на истощение закончилась лишь после того, как 30 июля 1970 г. в тридцати километрах к западу от Суэцкого канала израильские истребители сбили четыре советских самолета, пилотируемые русскими пилотами, и опасаясь советской военной интервенции, правительство Голды Мейр декларировало свое согласие на прекращение огня и на выполнение резолюции № 242 Совета Безопасности ООН «во всех ее пунктах»⁷. Трудно сказать, какой баланс сил сложился бы на Ближнем Востоке в случае, если бы попытки американских посредников добиться прекращения огня в состоявшейся в 1973 г. Войне Судного дня потерпели крах. До начала ведомой американцами операции против Ирака в январе 1991 года территория Израиля не обстреливалась ракетами СКАД, коих затем упало на израильской территории более сорока штук. Иными словами, тенденции развития арабо-израильского конфликта, равно как и всех переговоров между сторонами, напрямую зависят от общей расстановки сил в мире, что превращает Ближний Восток в едва ли не наиболее нестабильную арену мировой политики, однако в целом обеспечивает сохранение сформировавшейся еще в конце 40-х годов системы взаимоотношений между вовлеченными в конфликт сторонами.

Арабо-израильский конфликт – яркий пример того, как политические интересы, обостряясь, приводят к разжиганию межнационального и межконфессионального противостояния. Немаловажной причиной постоянно подогреваемой напряженности в арабо-еврейских отношениях стало влияние великих держав, пытавшихся за счет той или иной стороны ослабить позиции своих конкурентов на Ближнем Востоке. Особенно сильно это влияние сказалось на сионистском движении, политически зависимом от признания со стороны Турции (до 1917 года) и Великобритании (после 1917 года), а также США, Советского Союза и других стран. Таким образом, «еврейская проблема» в Палестине с самого начала стала международной

проблемой. Поэтому едва ли имеет смысл представлять события, связанные с возникновением Израиля, так, как будто исключительная заслуга в этом принадлежит сионистскому движению и его лидерам. Их усилий оказалось бы недостаточно, если бы они не предпринимались в благоприятной для этого международной обстановке, одним из основных факторов которой стало сильное чувство вины современной цивилизации перед еврейским народом, которое не могло не возникнуть после Холокоста.

Во-вторых, вопреки расхожему мнению, арабо-израильское противостояние началось задолго до создания Государства Израиль; его корни уходят в арабские волнения 1921, 1929 и 1936–1939 гг., отчетливо выявившие невозможность компромисса между руководством еврейской общины и экстремистски настроенными мусульманскими религиозными лидерами Палестины. Похожим образом развиваются события и в наши дни: экстремистская позиция авторитарного лидера Палестинской национальной администрации Я.Арафата стала основным фактором, сорвавшим достижение урегулирования между израильтянами и палестинцами в ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде и в Табе в 2000 году.

В-третьих, вопреки расхожему восприятию, арабо-израильский конфликт едва ли имеет смысл определять как «неразрешимый», ссылаясь на то, что арабы якобы никогда не смогут договориться с израильтянами. Опровержением этого служат соглашения о перемирии, подписанные в 1949 г. при посредничестве ООН: в феврале – с Египтом, в марте – с Ливаном, в апреле – с Иорданией и в июле – с Сирией. Эти соглашения подвели итог под самой ожесточенной из всех арабо-израильских войн – Войной за независимость. В определенной мере они стали моделью для достижения полноценных мирных договоров в будущем: с Египтом – в марте 1979 г. и с Иорданией – в октябре 1994 г. В 1983 г. был подписан и мирный договор с президентом Ливана Б.Жмайелем, сорванный и не воплощенный в жизнь из-за его убийства несколько месяцев спустя. Как бы то ни было, представляется очевидным, что историю арабо-израильского противостояния нельзя рассматривать в отрыве от процесса политического урегулирования конфликта между сторонами.

В-четвертых, в арабо-израильских отношениях война совсем не обязательно оканчивается достижением мирных со-

глашений. Хотя договоры о прекращении огня были подписаны Израилем со всеми граничащими с ним арабскими странами еще в 1949 г., прошло тридцать долгих лет, прежде чем был подписан первый всеобъемлющий мирный договор между Израилем и какой-либо из арабских стран. Надежда министра иностранных дел Израиля Моше Шарета на скорое превращение временных соглашений в постоянные мирные договоры не воплотилась в жизнь. Представляется, что именно этот урок не был усвоен архитекторами соглашений в Осло, даже не взявшими в расчет возможность того, что подписываемые ими с палестинцами промежуточные договоры могут не восприниматься палестинской стороной как пролог к достижению стабильного мира между двумя народами. Согласие арабской стороны на подписание промежуточных соглашений совсем не обязательно является индикатором ее готовности заключить постоянные всеобъемлющие мирные договоры – наоборот, история показала, что, как правило, события развиваются совершенно иначе.

Хотя подписание целого ряда соглашений (прежде всего, мирного договора между Израилем и Египтом в 1978 г.), призванных добиться хотя бы частичного урегулирования ближневосточной проблемы, не могло не повлиять на систему региональных связей, воздействие самого факта подписания документов на двусторонние и региональные отношения не было достаточно изучено исследователями и политическими аналитиками. Подавляющее большинство государственных деятелей и ученых рассматривает подписание мирного соглашения не как один из этапов отношений между странами, а как своего рода самодостаточный завершающий аккорд переговорного процесса. При этом специфические особенности отношений, которые складываются после подписания этих договоренностей, практически не анализируются. Выражаясь более простым языком, утверждение «пусть и плохой, но мир лучше доброй ссоры», обычно воспринимается как аксиома. В тех немногих работах, в которых делается попытка оценить последствия подписания мирных соглашений, рассмотрение вопроса носит статический характер: последствия мирных соглашений рассматриваются (с той или иной степенью достоверности и аутентичности) исключительно с позиций сегодняшнего дня, при этом тенденции, повлиявшие на подобное (а не какое-либо иное) развитие событий фактически не анализируются. Например, известный российский

политолог К.З.Хамзин в своей статье, опубликованной в 2000 г. в сборнике «Ближний Восток и современность», оценивая соглашение, заключенное в Кэмп-Дэвиде более двадцати лет назад, писал: «В Израиле договор с Египтом прозвали «холодным миром», не стоившим того, чтобы отдавать за него Синай и демонтировать поселения, существовавшие на полуострове в момент подписания Кэмп-Дэвидских соглашений»⁸. Если дело обстоит именно таким образом (что, кстати, далеко не факт), напрашивается целый ряд вопросов, важнейшие из которых сводятся к попытке понять динамику и причины подобного развития событий.

Ставя вопрос шире, уясним для себя, насколько вообще можно считать подписание мирных соглашений гарантией установления добрососедских отношений? Каковы те причины и мотивы, которые толкают отдельные арабские страны на переговоры с еврейским государством и на подписание мирных соглашений с ним, и что может ожидать Израиль в этой связи? Какой вклад могут внести международные организации и страны – спонсоры переговорного процесса в налаживание подлинно мирных отношений между Израилем и арабскими странами не только до, но и после официальной церемонии подписания соглашения? Какие причины объясняют тот факт, что, несмотря на произошедший четверть века назад прорыв египетским руководством дипломатической блокады Израиля и на подписанные за последние десять лет многочисленные договоры между Израилем и палестинцами, подлинный мир так и не достигнут – ни в Палестине, ни на Ближнем Востоке в целом? Эти вопросы представляются крайне важными, и они анализируются на страницах настоящей книги.

В-пятых, при всей важности арабо-израильских противоречий для общей ситуации на Ближнем Востоке они не являются единственным фактором, определяющим ситуацию в регионе. Этот конфликт – лишь один из сегментов борьбы за распределение сфер политического и экономического влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Арабо-израильские противоречия еще более обостряются из-за происходящего в ряде стран Ближнего Востока усиления антимодернистских традиционалистских настроений. В сознании многих арабских политических лидеров Израиль является олицетворением чуждого восточному менталитету начала, которое надо изгнать из Палестины, исторически относящейся к миру ислама. Усиление радикального

исламизма в последние годы (в том числе и в таких странах, как Египет и Турция) крайне затрудняет возможность достижения прочного мирного урегулирования, основанного на взаимном доверии между сторонами.

Принято считать, что именно арабо-израильское противостояние лежит в основе всех проблем ближневосточного региона. Как отмечает Е.Я.Сатановский, «как следствие, аксиомой стала готовность мирового сообщества видеть в урегулировании этого конфликта панацеею от всех ближневосточных бед»⁹. Однако в действительности происходящие на Ближнем Востоке политические процессы являются намного более сложными. По словам Е.Я.Сатановского, «представляется очевидным, что арабо-израильский конфликт, при всей его значимости, – не более чем часть (важная, но относительно небольшая) масштабных процессов на пространстве, захватывающем не только бывшую Османскую империю, но и районы Среднего Востока. На этой территории продолжается перераспределение ресурсов и изменение границ между государствами; усиливается этнический сепаратизм и агрессивный религиозный фундаментализм; ряд стран региона перешел в фазу кризиса – экономического, демографического и экологического»¹⁰.

В-шестых, необходимо отметить, что арабо-израильский конфликт оказывал и продолжает оказывать важнейшее воздействие практически на все стороны жизни израильского общества. Это влияние ослабевает в периоды относительного затишья, когда на первый план выходят внутренние межэтнические и межконфессиональные противоречия, существующие среди еврейского населения Израиля, однако оно приобретает критическое значение в периоды обострения конфликта. Такова ситуация и в наши дни.

Формально не отмененное до сих пор чрезвычайное положение, существование (в эпоху интернета!) военной цензуры, кризис в области туризма (а кто поедет в страну, где террористические акты стали едва ли не неотъемлемой частью любой сводки новостей?) и застой в строительстве (вызванный строгими ограничениями, наложенными силами безопасности на работу палестинских арабов в Израиле), многолетняя практика отказа еврейских иммигрантов от языка стран исхода (во многом из-за того, что для сотен тысяч переселившихся в Израиль евреев языком повседневного общения был арабский), тенденции развития внешнеполитических отношений Израиля с

великими державами и Организацией Объединенных Наций – на все перечисленные выше факторы критическое воздействие арабо-израильского конфликта представляется очевидным. Более того, его динамика является хотя и не единственным, но едва ли не основным фактором, влияющим как на формирование электоральных предпочтений израильских избирателей, так и на уровень сплоченности полиэтнического израильского общества в целом¹¹.

При этом следует отметить, что позиция Израиля в ближневосточном противостоянии принципиально отличается от позиционирования большинства стран в различных конфликтах. Если для большинства государств дипломатия представляет собой искусство *сосуществования*, то для Израиля – это искусство *существования*. На протяжении десятилетий у нескольких поколений израильтян выработалась психология жителей «осажденной крепости». После шести войн и двух витков палестинского восстания (интифады) за период в пятьдесят с небольшим лет граждане еврейского государства не без оснований воспринимают свою страну как маленький островок, окруженный враждебными арабскими соседями, которые не хотят мира и считают уничтожение Израиля одной из своих основных задач. В той или иной степени эта точка зрения разделяется всеми участниками внутриизраильской дискуссии о возможности достижения «мира в обмен на территории».

В-седьмых, продвижение переговорного процесса отчетливо показало, что готовность пойти на далеко идущие территориальные компромиссы продемонстрировали как лидеры израильских социал-демократов, так и политики правоцентристской ориентации. На израильской политической сцене два основных подхода к вопросу о мире в недавнем прошлом представляли попеременно стоявшие у власти партии «Ликуд» [«Единство»] и «Авода» [Партия труда]¹², однако в настоящее время различия между ними не кажутся принципиальными. Ни одна из этих партий не выступает за повторную израильскую аннексию каких-либо территорий, переданных палестинцам или арабским странам в ходе переговоров, обе партии выражают готовность пойти на довольно значительные территориальные уступки при обеспечении действенных гарантий безопасности страны. Договор о полной отдаче территории Синайского полуострова Египту был подписан бывшим лидером еврейских подпольщиков, наиболее преданным последователем

непримиримого З.Жаботинского Менахемом Бегиним, а руководителем израильской делегации на международной конференции в Мадриде был еще более непримиримый радикал, в прошлом – вожак боевой организации ЛЕХИ Ицхак Шамир. Соглашение о шестикратном увеличении находящейся под полным палестинским контролем территории зоны А в Иудее и Самарии было подписано в Уай-Плантейшн также лидерами правоцентристского движения «Ликуд» [«Единство»] Бениамином Нетаньяху и Ариэлем Шароном. Опыт правления так называемого «национального» лагеря свидетельствует: для того, чтобы развивать и углублять отношения с палестинцами и арабскими странами, совсем не обязательно облачать всей полнотой власти социал-демократов. Достижение тех или иных договоренностей между Израилем и арабами в гораздо большей степени зависит от готовности или неготовности тех или иных арабских лидеров идти на соглашение с Израилем, чем от того, какая именно политическая партия находится у власти в Израиле. Этот факт стал абсолютно очевидным в период правления Эхуда Барака, который ценой любых, прежде казавшихся невероятными, уступок пытался достичь мира с палестинцами, результатом чего стал не мирный договор, а новый виток палестинской интифады.

В-восьмых, распространенное в массовом сознании деление политических лидеров – как арабских, так и израильских – на «ястребов» и «миротворцев» является в корне ошибочным. Президент Египта Анвар Садат, ставший первым арабским руководителем, посетившим Израиль и подписавшим с еврейским государством мирный договор, был инициатором войны 1973 года; король Иордании Хусейн, заключавший мир с Израилем в 1994 г., выступил на стороне Египта в войне 1967 г.; удостоенный Нобелевской премии мира палестинский лидер Ясир Арафат лично руководит разветвленной сетью палестинского террора; готовность к самым большим уступкам – как на палестинском, так и на сирийском направлении – была продемонстрирована премьер-министром Израиля Эхудом Бараком, посвятившим едва ли не всю свою жизнь службе в частях спецназа и военной разведке и удостоенным за это пяти воинских знаков отличия (беспрецедентный случай в истории Израиля); нынешний министр иностранных дел Израиля Шимон Перес, заслуженно считающийся фактическим инициатором соглашений в Осло, три года спустя, в мае 1996 г., будучи пре-

мьер-министром, отдал распоряжение о начале одной из самых жестких антитеррористических операций в истории Израиля – «Суд и воздаяние», в ходе которой погибли сотни жителей Южного Ливана, а еще сотни тысяч вынуждены были покинуть свои дома, опасаясь налетов израильской авиации. Иными словами, сам факт, что тот или иной политик принимал активное участие в различных мирных переговорах, совсем не означает, что вся его жизнь была посвящена поиску путей установления мира на Ближнем Востоке.

Собственно, таких политиков (высокого ранга) на Ближнем Востоке, пожалуй, нет вообще. Весь ход ближневосточной политики в последние полвека (да и раньше) представляет собой циклическую историю войн, перемирий, переговоров и новых войн, которая не может быть представлена ни как сплошная летопись противостояния, ни как заранее предопределенный, несмотря на всевозможные коллизии, путь к миру. Напротив, самые тяжелые войны, как, например, Война за независимость Израиля (1948–1949 гг.) и Война Судного дня (1973 г.), привели к достижению мирных соглашений, а иные мирные соглашения совсем не обязательно означали конец вооруженного противостояния. Например, договор, подписанный Израилем с президентом Ливана Б.Жмайелем в 1983 г. никоим образом не способствовал прекращению войны в Ливане, а серия соглашений с палестинцами в 90-е годы кончилась беспрецедентным взрывом насилия и террора, который продолжается уже два года.

Представляется, что перечисленные выше восемь факторов, большинство из которых парадоксальным образом противоречит сложившейся мифологии об арабо-израильском конфликте, должны быть приняты во внимание при анализе всех стадий развития отношений стран и народов ближневосточного региона – от периода колониального и мандатного владычества империалистических держав до наших дней. Адекватное понимание процессов, происходящих в ближневосточном регионе, возможно лишь при отказе от искажающих реальность идеологических догм, в большом количестве сформулированных представителями всех противоборствующих сторон. История арабо-израильского противостояния представляет собой конфликт народов, у каждого из которых – своя правда, так и не воплотившаяся в полной мере на многострадальной земле Ближнего Востока.

II. ПОИСКИ ПУТЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА МЕЖДУ АРАБАМИ И ЕВРЕЯМИ В ПАЛЕСТИНЕ В ПЕРИОД БРИТАНСКОГО МАНДАТА

До принятия Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 1947 г. резолюции № 181 о создании на территории британского мандата двух независимых государств – еврейского и арабского евреи были меньшинством в Палестине. На момент получения англичанами на состоявшейся в 1920 г. конференции в Сан-Ремо мандата на управление Палестиной арабы составляли 90% ее жителей. Массовая еврейская иммиграция (за годы британского правления в Палестину иммигрировали почти 483 тыс. евреев из стран диаспоры) привела к троекратному увеличению удельного веса еврейского населения в общей численности жителей Палестины: к ноябрю 1947 г., когда Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины и создании на ее территории двух независимых государств, евреи составляли уже 31% населения территории¹³. Следует отметить, что после начала в 1936 г. арабского восстания мандатные власти ввели значительные ограничения на иммиграцию евреев, которые не были отменены или хотя бы смягчены даже и в годы Холокоста, когда миллионы евреев были убиты в нацистских лагерях смерти. Сотрудничество с гитлеровским режимом иерусалимского муфтия Хаджа Амина эль-Хусейни (его совместная фотография 1941 года с Адольфом Гитлером в кабинете последнего в Берлине получила широкую известность), ставшего в 1936 г. лидером руководившего восстанием Верховного арабского комитета, значительно осложнило возможность достижения политического согласия между арабами и евреями в Палестине.

Нельзя не отметить, что еще в период британского мандата были предприняты многочисленные попытки достижения политических соглашений между лидерами еврейской общины Палестины и различными течениями арабского националистического движения. Из них необходимо выделить четыре основных. Во-первых, соглашение между эмиром Фейсалом, сыном меккского шерифа Хусейна, и будущим первым президентом

Израиля Хаимом Вейцманом от 3 января 1919 г.¹⁴ Во-вторых, заявление главы сирийской делегации Шукри Инама на мирной конференции после окончания первой мировой войны о том, что в рамках стремления к созданию независимой и суверенной Сирии сирийское национальное движение готово прийти к компромиссу с сионистским движением в соответствии с которым «врата Палестины будут открыты перед еврейской иммиграцией, и евреи получают в свои руки управление страной, достигнув численного большинства; до тех пор Палестина будет автономной частью в составе Сирии». В-третьих, подписание в 1920 г. соглашения между Иехошуа Хенкиным и так называемой Националистической сирийско-ливанской группой, во главе которой стоял Наджиб Спайр (вместе с ним соглашение подписали Йусуф Муазин, д-р Рашид Карем, Наджиб Хашем и Антуан Шахада). В первом пункте этого соглашения сказано: «Правительства Сирии и Ливана признают независимость Палестины и право сионистского движения строить в ней национальный дом для еврейского народа». И, наконец, в-четвертых, подписание соглашения между Бернардом Джозефом (впоследствии взявшим себе имя Дова Йосефа) от имени Еврейского агентства (Сохнута) и Тауфиком Авадом от имени маронитского патриарха Ливана Антуана Пьера Арида¹⁵.

Важно упомянуть и о состоявшихся в 30-е годы переговорах между Мусой Алами и тогдашним президентом Еврейского университета в Иерусалиме И.Л.Магнесом. Уже из одного перечисления взаимных контактов и соглашений очевидно, что и в арабском националистическом движении были силы, стремившиеся к взаимопониманию с сионизмом, еврейским национальным движением, которое, в свою очередь, всеми силами стремилось к тому же.

Показательно в этой связи заявление эмира Фейсала, процитированное 12 декабря 1918 г. в газете «Таймс». По его словам, «обе главные ветви семитской семьи понимают друг друга: арабы не испытывают чувства зависти по отношению к сионистски настроенным евреям и намерены вести с ними честную игру, а евреи, со своей стороны, обещали национально настроенным арабам ответить тем же»¹⁶. 1 марта 1919 г. эмир Фейсал отправил письмо одному из лидеров американских сионистов профессору Феликсу Франкфуртеру, в котором, в частности, говорилось: «Мы считаем, что арабы и евреи – двоюродные братья по крови, одинаково страдающие под властью превосходящих сил и по счастливому совпадению одно-

временно получившие возможность сделать первые шаги к осуществлению своих национальных идеалов. Мы, арабы, в особенности наш просвещенный слой, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению. Наша делегация в Париже ознакомилась с предложениями, сделанными Сионистской организацией на мирной конференции [в феврале 1919 г.]¹⁷, и считает их умеренными и разумными. Со своей стороны, мы сделаем все возможное, чтобы эти предложения были приняты; мы будем рады приветствовать евреев на их родине»¹⁸.

Эмир Фейсал признавал, что «еврейское движение является национальным, а не империалистическим»; таким же считал он и арабский национализм, полагая, что «успех одного из наших народов немислим без успеха другого»¹⁹.

Однако подобная компромиссная позиция не стала доминирующей, напротив, среди арабских националистов уже к 1920 г. сформировалось организованное сопротивление самой идее любого диалога с сионистским движением, причем тон в этой экстремистской группе задавали палестинские националисты во главе с иерусалимским муфтием Хаджем Амином эль-Хусейни, который не останавливался ни перед чем в своих попытках сорвать всякую возможность достижения согласия между арабским и еврейским националистическими движениями. Первые массовые нападения арабов на евреев произошли в Иерусалиме в апреле 1920 г. Толпы арабов нападали на евреев, главным образом в Старом городе, грабили магазины, бесчинствовали и убивали беззащитных жителей. В следующий раз антиеврейские погромы произошли в начале мая 1921 г., тогда их эпицентром стал город Яффа; всего погибло сорок три человека, среди них – выдающийся писатель Иосиф-Хаим Бреннер.

Таким образом, уже в 20-е годы обозначились два различных пути, причем среди палестинских арабов очевидно доминировала резко конфликтная идеология, подстрекавшая арабов к бунту против еврейского ишува, а в более поздний период – ко всеобщей арабской мобилизации против сионизма и Государства Израиль. В конце апреля 1936 г. Верховный арабский комитет предъявил мандатным властям три требования: запрет еврейской иммиграции; запрет продажи земель евреям и создание арабского национального правительства. Чтобы добиться удовлетворения этих требований, была объявлена всеобщая забастовка, длившаяся со значительным успехом полгода. Арабские вооруженные отряды под командованием Фаузи эль-Каукджи совершали многочисленные

диверсии, подкладывали мины на шоссейных и железных дорогах, старались изолировать еврейские поселения и поджигали их поля. Для выяснения положения в Палестине английское правительство назначило комиссию во главе с лордом Пилем.

Комиссия Пиля опубликовала свой отчет 7 июля 1937 г. В нем было сказано, что в результате чрезвычайно внушительного развития Палестины, обусловленного прежде всего еврейской иммиграцией и притоком капитала, заметно улучшились экономика, сельское хозяйство и система здравоохранения в стране. При этом члены комиссии констатировали, что несмотря на то, что еврейская иммиграция привела и к значительному росту уровня жизни палестинских арабов, их стремление к национальной независимости и обретению суверенитета вызвало всплеск начавшегося незадолго до этого восстания. Комиссия Пиля пришла к выводу, что еврейские и арабские чаяния несовместимы, а потому порекомендовала разделить Палестину на два государства: арабское и еврейское, между которыми должна была сохраниться сравнительно небольшая, но крайне важная территория под британским контролем (в нее должны были войти порт в Яффе, дорога из Яффы в Иерусалим, а также Иерусалим и Вифлеем с пригородами). В предложениях Комиссии Пиля содержались две важнейшие составляющие, десять лет спустя ставшие интегральной частью резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: в них говорилось и о невозможности арабо-еврейского сосуществования в рамках единого государства и, как следствие, о необходимости раздела Палестины, и о передаче района Иерусалима под внешний контроль. При этом предложенный Комиссией Пиля план раздела до крайности сокращал территорию будущего еврейского государства (к нему должна была отойти лишь узкая прибрежная полоса от Тель-Авива до Хайфы, Израэльская долина и часть Галилеи), однако сионистские лидеры, хоть и с тяжелым сердцем, приняли этот план. Лидеры палестинских арабов заняли крайне негативную позицию по плану раздела, настаивая на передаче под свой контроль всей территории Палестины. В сентябре 1937 г. в сирийском городе Блудане состоялся панарабский конгресс, участники которого высказались за борьбу до полной ликвидации еврейского и британского присутствия в Палестине. Подобный крайне максималистский подход отличает руководство палестинских арабов на протяжении вот уже шестидесяти пяти лет, очень за-

трудняя шансы на поиск взаимоприемлемого мирного урегулирования в ближневосточном регионе.

Первая арабо-израильская война (ставшая для Израиля Войной за независимость) началась фактически сразу после принятия Генеральной Ассамблеей ООН плана раздела Палестины 29 ноября 1947 г. На протяжении первых месяцев эта война представляла собой ограниченную по масштабам борьбу арабов против еврейского населения Палестины, причем эта борьба велась в основном вокруг контроля над транспортными артериями. В середине мая 1948 г. закончился срок британского мандата на Палестину. Еврейское руководство приняло решение, что после окончания мандата будет объявлено о создании в Палестине еврейского государства на территории, определенной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. В ходе обсуждения, предшествовавшего этому решению, некоторые еврейские лидеры открыто высказывали свои сомнения и опасения по поводу этого шага. Они боялись реакции арабских стран и великих держав и призывали – кто прямо, кто косвенно – отложить провозглашение независимости на более поздний срок²⁰. Еще в декабре 1947 г. в Палестине начались боевые действия, которые к маю 1948 г. превратились в войну пяти арабских стран (Египта, Иордании, Сирии, Ливана и Ирака) против Израиля. Зимой 1948 г. среди евреев Палестины царил тяжелая атмосфера: еврейские вооруженные формирования не могли справиться даже с плохо организованными отрядами местных арабов. 9 января в Палестину проник первый арабский вооруженный отряд из Сирии, после чего прибытие иностранных войск стало все более интенсивным. Так, 30 января восемьсот вооруженных арабов на пятидесяти грузовиках перешли палестино-иорданскую границу. К началу марта в Палестине уже находились сирийские, иракские, египетские и ливанские войска общей численностью около шести тысяч человек (согласно арабским источникам, их численность достигала пятнадцати тысяч человек). Вооружение палестинские арабы получали из арабских стран, которые снабжала Англия; кроме того, орудия и танки закупались арабами во Франции. Трансиорданский Арабский легион, находившийся на содержании и под командованием англичан, принимал активное участие в боях против еврейского ишува²¹.

По официальным данным английской мандатной администрации, в Палестине за четыре месяца до 1 апреля 1948 г. было убито почти две тысячи человек, в том числе восемьсот евреев.

Даже и в этих условиях руководители еврейского ишува стремились к достижению компромисса с арабами. 26 марта 1948 г. пятеро высокопоставленных сотрудников Политического отдела Еврейского агентства, среди которых был и будущий президент Израиля Хаим Герцог, подготовили «Меморандум по политическим вопросам», в котором подчеркивали, что «необходимо приложить все возможные усилия для установления политических контактов с арабскими странами даже в условиях, когда бои в Палестине продолжаются и усиливаются». Авторы меморандума считали: «Мы не вправе ни на минуту забывать о том, чтобы с достоинством для себя и для арабов выйти из конфликта, найти решение, которое сможет привести к миру»²². Арабы же были непримиримыми противниками плана раздела Палестины. Решение ООН было ими решительно отвергнуто. Среди них не было ни одной сколько-нибудь влиятельной фигуры, готовой пойти на компромисс, содержащий признание хоть какого-то элемента еврейской государственности. Решения ООН по палестинскому вопросу вызвали резкие отклики в арабских кругах и были отмечены трехдневной забастовкой протеста, проведенной под руководством Высшего арабского комитета.

Показательна в этой связи позиция короля Иордании Абдаллы I (прадеда нынешнего короля Иордании Абдаллы II), считавшегося одним из наиболее умеренных арабских правителей. В автобиографии Голда Меир рассказывает о своих встречах с королем Абдаллой, состоявшихся в критический для определения будущего государства период – в ноябре 1947 и в первой половине мая 1948 г. Первая встреча состоялась в расположенном в Иорданской долине Нахараиме, в доме, где помещалась администрация построенной Пинхасом Рутенбергом электростанции; кроме Голды Меир, во встрече участвовали Эзра Данин и Элиягу Сассон, один из ведущих израильских дипломатов, впоследствии ставший членом правительства страны. Голда Меир сохранила самые радужные воспоминания об этой встрече: «Мы выпили, как полагалось по этикету, по чашечке кофе и потом начали беседовать. Абдалла был невысокий, очень стройный человек, обладавший большим обаянием. Вскоре главное стало ясным: он не присоединится к нападающим на нас арабам. Он сказал, что всегда останется нашим другом, и больше всего, как и мы, он хочет мира. [...] Мало того: он предложил, чтобы после голосования в ООН мы встретились опять»²³.

Однако следующая встреча прошла в куда менее обнадеживающей атмосфере; сама Голда Меир назвала ее «полным провалом»²⁴. Иорданский король известил Голду Меир о том, что он не может не вступить в создаваемую против Израиля коалицию арабских стран (в нее, кроме Иордании, вошли Египет, Сирия, Ливан и Ирак). Король Абдалла недвусмысленно дал понять, что провозглашение Государства Израиль неминуемо приведет к войне²⁵, в которой Иордания не сможет оставаться в стороне. Это известие было тяжелейшим ударом для еврейского ишува: во-первых, обученный и руководимый английскими офицерами иорданский Арабский легион был наиболее боеспособной из всех армий, готовившихся ко вторжению в Израиль; во-вторых, участие Иордании в военных действиях открывало возможность иракской армии участвовать в антиизраильской интервенции, с трудом возможной при сохранении Иорданией нейтралитета (у Израиля и Ирака не было и нет общей границы); в-третьих, граница с Иорданией – наиболее протяженная из всех израильских границ, и участие Иордании в войне означало возможность проникновения арабских войск буквально по всей территории Израиля – от озера Кинерет на севере до пустыни Негев и побережья Красного моря – на юге.

Однако несмотря ни на что, руководство еврейской общины Палестины приняло решение провозгласить создание еврейского государства в Палестине. 14 мая 1948 г., выступая с Декларацией о независимости Израиля, Д.Бен-Гурион говорил: «Даже в условиях кровавых нападений на нас, которые продолжаются уже месяцы, мы призываем сынов арабского народа, проживающих в Государстве Израиль, сохранять мир и участвовать в построении государства на основе полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех его учреждениях, временных и постоянных». Кроме того, Бен-Гурион прямо обратился ко всему арабскому миру с призывом воздержаться от действий, которые могут привести к тотальной войне в регионе: «Мы протягиваем руку мира и добрососедства всем государствам региона и их народам и призываем их к сотрудничеству с еврейским народом, обретшим независимость в своей стране. Государство Израиль готово внести свой вклад в совместные усилия по развитию всего Ближнего Востока»²⁶.

Однако призыв Бен-Гуриона не был услышан в арабских столицах. В ту же ночь, немедленно после провозглашения

независимости Израиля руководители арабских стран объявили вновь созданному государству войну на уничтожение.

III. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И БОРЬБА ИЗРАИЛЯ ЗА ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ В КОНЦЕ 40-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Хронологически Война за независимость делится на два этапа²⁷. Первый этап начался 30 ноября 1947 г., на следующий день после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины, и продолжался до 14 мая 1948 г. включительно, когда британские войска и администрация мандата покинули страну. Второй этап, начало которому положила эвакуация англичан, завершился 20 июля 1949 г. подписанием соглашения о перемирии с Сирией, после того как подобные соглашения были подписаны Израилем с Египтом и Трансиорданией.

Война началась нападением на евреев полуорганизованных арабских отрядов, возглавляемых представителями политических организаций палестинских арабов. Их первые атаки натолкнулись на сопротивление мобилизованных частей и резервистов Хаганы, организации еврейской самообороны, которая состояла, помимо штабов, вспомогательных частей и многочисленных подразделений артиллерии, из четырех батальонов ПАЛЬМАХа. В течение декабря постепенно было проведено размежевание районов, находившихся под еврейским и арабским контролем. В городах со смешанным населением жители домов из «пограничных» еврейских и арабских кварталов были эвакуированы, а сами здания стали объектом борьбы между двумя сторонами.

10 января 1948 г. было отражено нападение на кибуц Кфар-Сольд в Верхней Галилее отряда численностью в 900 человек, входившего в состав Арабской Армии Освобождения, созданной для уничтожения Израиля совместными усилиями нескольких государств. Арабы атаковали одиночные еврейские поселения, расположенные в холмистых районах Иерусалима и Хеврона, в Верхней Галилее и Негеве. Было зверски убито 35 человек из иерусалимского отряда, направлявшегося на укрепление изолированных поселений района Гуш-Эцион око-

ло Бейт-Лехема. Еврейские районы Хайфы серьезно пострадали от разрушений, вызванных заложенными зарядами взрывчатки. В Иерусалиме взрывами были повреждены здания газеты «Palestine Post» и Еврейского агентства. Три военных грузовика, наполненных взрывчаткой, были взорваны на улице Бен-Иехуда. В результате были разрушены многие дома, десятки евреев убиты и ранены. В марте после неудачной попытки овладеть еврейскими поселениями арабы бросили главные силы на борьбу за дороги, одновременно продолжая атаки на окраины городов со смешанным населением и на поселения на севере, в Иерусалимских горах и в Негеве. За этот период борьбы вооруженные формирования ишува добились значительных успехов в деле организации и обучения личного состава. К концу марта было мобилизовано более двадцати тысяч человек в возрасте 17–25 лет. Расширилось производство противотанковых огнеметов, автоматов и взрывчатых веществ. Ожидалось прибытие крупной партии легкого оружия, закупленного в Чехословакии. Военно-воздушные силы еврейской обороны состояли из тридцати легких самолетов, которые использовались для разведки, транспортировки и снабжения изолированных районов.

Предстоящая эвакуация британских войск побудила еврейское командование приступить к активным военным операциям в целях обеспечения контроля над территорией, выделенной ООН под будущее еврейское государство, и укрепления оборонительных позиций для отражения ожидавшегося арабского вторжения. Первой задачей было освобождение дороги на Иерусалим, которая была успешно решена в ходе операции «Нахшон», и 15 апреля три крупные транспортные колонны доставили в Иерусалим продовольствие и оружие. Тогда же Арабская Армия Освобождения предприняла безуспешную попытку овладеть киббуцем Мишмар ха-Эмек в Израильской долине, подвергнув его артиллерийскому обстрелу. 14 апреля части ПАЛЬМАХа пробились в главный город Галилеи – Цфат, усилив оборону осажденного еврейского квартала. 18 апреля отряды ПАЛЬМАХа и соединения бригады «Голани» заняли Тверию, после чего арабы решили оставить город и были эвакуированы с помощью англичан. 21 апреля началась битва за Хайфу. В течение суток еврейские войска овладели городом. Несмотря на заверения руководителей ишува о том, что они гарантируют безопасность арабского населения,

большинство арабов покинуло Хайфу. 28 апреля 1948 г. в ходе выполнения операции «Ифтах», целью которой было занятие Верхней Галилеи и установление контроля над ее важнейшими дорогами, силы Хаганы овладели укрепленным полицейским фортом Рош-Пина и соседним военным лагерем после эвакуации оттуда англичан. 29 апреля было завершено окружение города Яффы, причем большинство семидесятитысячного арабского населения бежало. 3 мая второй батальон ПАЛЬ-МАХа вступил в Цфат и 10 мая овладел ключевыми позициями в городе. Арабское население Цфата, насчитывавшее 10 тысяч человек, бежало; за ним последовали жители арабских деревень долины Хула. Накануне вторжения армий арабских государств под контролем еврейских вооруженных сил находилась вся территория Восточной и Верхней Галилеи. 12 мая вооруженные силы Хаганы овладели также городом Бейт-Шеан и рядом деревень в районе горы Тавор. 17 мая войска ишува заняли город Акко.

Бои в районе Иерусалима были особенно тяжелыми. 9 апреля объединенные силы ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ атаковали Дир-Ясин, арабскую деревню в окрестностях Иерусалима. 254 араба, в том числе женщины и дети, оказавшиеся в районе военных действий, были убиты. Предав широкой огласке события в Дир-Ясине и изобразив действия евреев как умышленное убийство безоружного мирного населения (что в данном случае в определенной мере соответствовало действительности, однако никоим образом не выражало общей политики руководства ишува), арабская пропаганда способствовала усилению паники среди арабского населения и его бегству. Ответный удар арабов не заставил себя долго ждать: 13 апреля колонна, направлявшаяся к больнице «Хадасса», расположенной в Иерусалиме на горе Скопус, подверглась нападению арабов; 78 человек, преимущественно врачи и медицинские работники, были убиты. Арабская Армия Освобождения овладела опорными пунктами, господствовавшими над дорогой в Иерусалим, и снова отрезала город. 4 мая арабы атаковали поселения района Гуш-Эцион.

В канун 12 мая арабским силам удалось вклиниться в израильскую линию обороны; солдаты Трансиорданского Легиона проникли в самое крупное поселение этого блока – Кфар-Эцион, почти все защитники которого были убиты. 14 мая 1948 г., когда британские войска оставили Иерусалим, силы иерусалимской

пехотной бригады «Эциони» приступили к осуществлению операции «Кишон» с целью предотвратить возможность захвата арабами укрепленных районов города. Почти все эти районы были сразу же заняты еврейскими вооруженными силами. Достижения войск ишува были значительными, но их боеспособность истощалась в многочисленных операциях. Находившейся в процессе формирования накануне провозглашения государства израильской армии, чрезвычайно скудно оснащенной, предстояло теперь сражаться не с разношерстными военизированными отрядами палестинских арабов, которым, впрочем, помогали сирийцы и иракцы, а с регулярными и обученными армиями соседних арабских стран.

В течение шести недель, предшествовавших провозглашению Государства Израиль и вторжению войск соседних арабских государств, вооруженные силы ишува заняли Хайфу, Яффу, Цфат и Тверию, окружили Акко и захватили около сотни арабских деревень. Вооруженные силы ишува получили возможность свободно передвигаться по всем главным артериям страны, кроме дороги из Иерусалима в прибрежную полосу в районе Латруна. Отряды палестинских арабов были разбиты, а Арабская Армия Освобождения потерпела поражение на севере и в Иерусалимском коридоре. Вооруженные силы ишува потеряли несколько сотен бойцов, но уже к середине мая 1948 г. насчитывали тридцать тысяч вооруженных молодых солдат. Боеспособность была значительно усилена прибытием первого транспорта с оружием из Чехословакии и приобретением противотанковых и противовоздушных артиллерийских орудий. Но молодой армии еще недоставало полевой артиллерии и самолетов-истребителей.

15 мая 1948 г., в день истечения срока британского мандата, армии пяти арабских государств – Египта, Трансиордании, Ливана, Сирии и Ирака – вторглись на территорию Государства Израиль, провозглашенного за день до этого. Руководство генерального штаба и командиры Хаганы продолжали выполнять свои обязанности в новых рамках быстро формировавшейся регулярной армии, но теперь их личности уже не были засекречены. К концу мая завершилась мобилизация в ряды действующей армии, которая с 31 мая 1948 г. стала называться Армией Обороны Израиля (ЦАХАЛ). ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ согласились прекратить самостоятельные действия и влиться в ЦАХАЛ по всей территории Государства Израиль за исключением Иерусалима, который по

плану раздела Палестины, утвержденному ООН, должен был перейти под международный контроль.

На юге египетская армия перешла в наступление и пересекла границу. Пройдя район, населенный арабами, крупная колонна двинулась вдоль морского побережья к Газе; другая часть египетских войск высадилась с моря севернее Газы, а третья наступала в северо-восточном направлении на Беэр-Шеву. Некоторые части продвигались к арабским городам Хеврон и Бейт-Лехем, где, соединившись с отрядами трансйорданского Арабского легиона, они заняли позиции южнее Иерусалима. На территории всех этих районов находилось двадцать семь еврейских поселений, причем в двадцати двух из них число защитников составляло менее тридцати человек. Пять киббуцев были расположены на территории, получившей впоследствии название полосы Газы. Египетское командование решило уничтожить эти поселения, чтобы, прежде чем предпринять наступление на Тель-Авив, обезопасить свой тыл и фланги. Но, несмотря на непрерывные атаки с участием танков, им не удалось добиться успеха. Высокая боевая готовность и исключительная стойкость почти безоружных защитников киббуцев Негба, Кфар-Даром, Нирим и Яд-Мордехай расстроили планы египтян. Хотя защитникам двух последних киббуцев пришлось отступить, а их жителям оставить свои поселения, пять дней сопротивления решили судьбу египетского наступления: их главные силы были остановлены, а израильское командование успело усилить свои позиции в окрестностях Тель-Авива, послало подкрепления на юг, в том числе часть полученного артиллерийского вооружения и несколько истребителей, сыгравших важную роль в решающем сражении. Главная фаза этого сражения началась 29 мая, когда египетские силы после боя у Яд-Мордехай были перегруппированы, и колонна, составлявшая одну бригаду и насчитывавшая пятьсот машин, миновав Ашдод, была задержана у моста, расположенного в трех километрах к северу от города. Саперы бригады «Гивати», действовавшей в этом районе, накануне подорвали мост. Израильское командование ввело в бой только что поступившие первые четыре самолета марки «Мессершмитт». Но египтянам удалось закрепиться в этом месте. Разрушенный мост около Ашдода, находящийся в 32 километрах от Тель-Авива, был самым северным пунктом, которого достигли египетские войска за все время войны. Однако поселения Негева оказались отрезанными от центра Израиля.

На иерусалимском фронте иорданский Арабский легион добился значительных успехов. Несмотря на то, что в Иерусалиме немногочисленным бойцам дважды удавалось прорваться в окруженный крепостной стеной Старый город, защитники еврейского квартала не смогли удержать свои позиции; 28 мая 1948 г. они были вынуждены сдаться в плен. Оставлены были и еврейские населенные пункты, расположенные севернее Иерусалима. Заняв Латрунский монастырь, легион перекрыл путь по главному шоссе из Тель-Авива в Иерусалим; отрезан был также и водопровод, по которому вода доставлялась в город из прибрежной равнины. Осажденный Иерусалим был лишен всех источников снабжения. Вода и продукты питания выдавались населению в самом ограниченном количестве. Город подвергался беспрестанному артиллерийскому обстрелу Арабским легионом, со дня на день увеличивалось число жертв, главным образом среди гражданского населения. Арабский легион атаковал киббуц Рамат-Рахель на южной окраине Иерусалима и гору Скопус на севере, но все же его атаки были отбиты горсткой защитников. Три попытки еврейских вооруженных сил занять Латрун потерпели неудачу и были сопряжены с большими потерями. На подступах к Иерусалиму были отражены атаки легиона на киббуц Маале-ха-Хамиша и другие опорные пункты, и связь с городом была возобновлена по новой грунтовой дороге, в обход Латруна, проложенной в неимоверно тяжелых условиях добровольцами – жителями Иерусалима.

В центральной части Израиля иракская армия, состоящая из одной бронетанковой и двух пехотных бригад, 24 мая овладела «треугольником» арабских городов Шхем – Дженин – Туль-Карм и на следующий день попыталась прорваться к Нетании. Иракцы заняли один киббуц и атаковали три других вблизи Туль-Карма. Для того чтобы вынудить вражеские силы перейти к обороне, бригада «Голани» проникла в «треугольник» с севера и овладела Дженином. Не располагая достаточными резервами для выравнивания линии фронта, израильское командование отдало приказ о планомерном отходе из Дженина. Единственным успехом, достигнутым иракскими войсками, был захват ими истоков реки Яркон и насосной станции в Рош-Айн.

На севере сирийские войска вторглись в Израиль южнее озера Кинерет и в ночь на 15 мая предприняли наступление силами отборной пехотной бригады, батальона броневосто-

билей, артиллерийской дивизии и танковой роты. Несмотря на тяжелые потери, вооруженные силы ишува удержали все свои позиции. 18 мая противник снова бросил свои силы на поселения Цемах и Шаар-ха-Голан в районе озера Кинерет. После ожесточенных боев сирийцам удалось овладеть этими поселениями. Сирийское наступление было приостановлено в районе kibбуца Дгания. Однако оно возобновилось 6 июня, когда сирийцы атаковали поселение Мишмар-ха-Ярден, расположенное севернее озера Кинерет. Первая атака, сопровождавшаяся большими потерями с обеих сторон, была отражена, но в результате новой атаки 10 июня противник захватил плацдарм на израильском берегу Иордана. Мишмар-ха-Ярден был захвачен, поселение разрушено, а его жители взяты в плен. В тот же день защитникам Эйн-Гева, единственного еврейского kibбуца на восточном берегу озера Кинерет, удалось отбить мощную атаку сирийцев.

6 июня одновременно с сирийским наступлением на Мишмар-ха-Ярден объединенные силы сирийцев, ливанцев и реорганизованной Арабской Армии Освобождения, состоящие из двух бригад, атаковали Малкию и нанесли поражение малочисленному еврейскому гарнизону. Через Малкию части арабской армии устремились в Центральную Галилею, где преобладало арабское население, и закрепились в этом районе.

11 июня вступило в силу соглашение о перемирии, заключенное между воюющими сторонами благодаря усилиям посредника, назначенного Генеральной Ассамблеей ООН, графа Фольке Бернадота. Арабская и израильская армии использовали перемирие для укрепления своих позиций. При посредничестве Бернадота удалось достигнуть соглашения между сторонами о демилитаризации территории горы Скопус в Иерусалиме. Срок перемирия истек в 6 часов утра 9 июля, после чего военные действия возобновились. Они продолжались в течение 10 дней, на протяжении которых две израильские бригады вели непрерывные бои, чтобы сдержать мощный натиск египтян и, прорвав их линии, прийти на выручку защитникам местных kibбуцев, удерживавшим свои позиции, отражая атаки превосходящих сил противника. В ночь на 17 июля израильские войска предприняли мощную атаку на две позиции, расположенные в тылу египетской линии обороны. Решающую роль в этой операции, проведенной объединенными силами бригад «Гивати» и «Негев», сыграл батальон десантников соз-

данной накануне бронетанковой бригады, которая за несколько дней до этого совершила прорыв фронта в районе Лода. Вечером 18 июля 1948 г., когда вступило в силу соглашение о прекращении огня, израильские войска установили прямую сухопутную связь с Негевом.

Крупнейшее наступление ЦАХАЛа в течение этих десяти дней боев было направлено против иорданского Арабского легиона на центральном фронте, в районе между Тель-Авивом и Иерусалимом. Через полтора дня после возобновления военных действий в результате боев, в которых впервые участвовали израильские бронетанковые части, был взят крупнейший на Ближнем Востоке аэропорт в Лодде. Танковый батальон совершил внезапный бросок на Лод, ворвался в город, преодолев арабское сопротивление, обстрелял вражеские объекты и вернулся к исходным позициям. Это была одна из наиболее дерзких операций за все время войны. В Иерусалиме местные части в течение десяти дней вели тяжелые бои в разных кварталах города. Однако все попытки ЦАХАЛа овладеть Латруном и прорваться в Старый город Иерусалима оказались безуспешными. Наиболее важной операцией на севере в эти дни была операция «Декель», завершившаяся 16 июля взятием Назарета. В результате этой операции от войск противника был очищен весь пояс Нижней Галилеи – от Хайфской бухты до озера Кинерет.

Второе соглашение о перемирии вошло в силу 18 июля. Однако нарушения этого соглашения начались сразу же после его подписания. В течение июля – октября 1948 г. еврейская часть Иерусалима почти каждую ночь подвергалась обстрелу трансйорданским легионом. На севере Арабская Армия Освобождения продолжала время от времени совершать неожиданные атаки на еврейские позиции. 15 октября, после того как египтяне атаковали колонну, направлявшуюся на юг, и ряд дорог, связывавших киббуцы, израильские сухопутные силы при поддержке авиации перешли в наступление. В ходе кратковременной семидневной операции, условно названной «Йоав», дорога на Негев была освобождена и весь район очищен от войск противника. Эта операция была проведена силами трех пехотных бригад («Негев», «Гивати» и «Ифтах») совместно с бронетанковым батальоном из восьмой бронетанковой бригады и крупным артиллерийским подразделением израильской армии. Тогда же израильская авиация впервые добилась каче-

ственного превосходства в воздухе, а израильский военноморской флот одержал крупную победу, потопив вблизи побережья Газы флагманский корабль египтян «Эмир Фарук». Рано утром 21 октября израильские войска начали упорные бои за Беэр-Шеву. В 8 часов утра белый флаг был поднят над полицейским фортом, а в 9 часов 15 минут город был взят. Бригада «Харэль», действовавшая в холмистой местности между Иерусалимским коридором и Бейт-Гуврином, значительно расширила подступы к Иерусалиму и перерезала египетскую линию снабжения, связывавшую Бейт-Гуврин с Бейт-Лехемом. После отхода египтян к югу от Ашдода (28 октября) к Газе израильские силы овладели прибрежной полосой до кибуца Яд-Мордехай. На севере ЦАХАЛ также добился значительных военных успехов, заняв всю территорию Галилеи. 31 октября 1948 г. вступило в силу новое соглашение о прекращении огня.

В течение октября 1948 г. командование ЦАХАЛа разработало план операции «Хорев», целью которого было отбросить египетские войска от южных границ Израиля. В полдень 22 декабря прибрежная полоса подверглась интенсивному обстрелу из орудий, а ночью введены в действие части бригады «Голани». В результате связь между Рафияхом и Газой перерезали; была совершена попытка занять ключевые высоты. Главной целью этих операций было отвлечь внимание противника от восточного фланга, где готовился решающий удар. Наступление на укрепленные бастионы египтян началось утром 27 декабря. Вскоре вся территория юга Израиля была полностью освобождена от египетских войск. Преследуя отступающих египтян на западном и северо-западном направлениях, израильские войска вступили в Синай. После ожесточенных боев были взяты Абу-Агейла, расположенная в 48 километрах к западу от границы, установленной ООН, и Эль-Ариш на территории Египта. Несмотря на налеты египетской авиации, израильские вооруженные силы продолжали продвигаться в глубь Синайского полуострова. Однако в этот момент на правительство Израиля было оказано международное дипломатическое давление, в результате которого военному командованию был отдан приказ оставить Синай до 2 января.

Продолжались операции и в пределах подмандатной Палестины. В течение нескольких дней бригады «Голани» и «Харэль» при поддержке бригады «Негев» и бронетанковых частей вели тяжелые бои в районе Рафияха. Оттеснив противника к

побережью, израильская армия готовилась атаковать Рафиях, но не успела провести эту операцию, так как в полдень 7 января 1949 г. вступило в силу соглашение о прекращении огня. В начале марта бригады «Негев» и «Голани» начали с двух сторон наступление на Южный Негев, отнесенный по плану раздела Палестины к территории Государства Израиль. В полдень 10 марта 1949 г. израильский флаг был поднят над несколькими постройками, покинутыми войсками Трансиордании на северном берегу Акабского (Эйлатского) залива Красного моря, к западу от Акабы. На этом месте вскоре вырос портовый город Эйлат.

В конце 1948 г. после долгих и кровопролитных боев обе воюющие стороны заключили соглашение о прекращении огня. Это соглашение последовало за решением Совета Безопасности ООН от 16 ноября 1948 г., призвавшим все стороны, участвующие в конфликте в Палестине, стремиться к скорейшему заключению соглашения о перемирии путем прямых (или с участием признанных посредников) переговоров о немедленном прекращении огня. Совет Безопасности также постановил, что соглашение о перемирии должно включать в себя пункты об установлении постоянных линий прекращения огня, за пределами которых будут запрещены какие-либо перемещения войск любой стороны, а также о сокращении вооруженных сил обеих сторон в той мере, в которой это будет необходимо для поддержания состояния прекращения огня в переходный период к прочному миру в Палестине.

На основании этого решения 14 января 1949 г. на греческом острове Родос начались переговоры между израильской и египетской делегациями. Спустя шесть недель, 25 февраля 1949 г., было подписано соглашение о прекращении огня между этими двумя государствами, а уже в начале марта начались переговоры о прекращении огня между Израилем и Иорданией. Соглашение между ними было подписано 3 апреля 1949 г. Еще до этого, 23 марта, было подписано соглашение между Израилем и Ливаном, а 20 июля 1949 г. заключено последнее соглашение о прекращении огня – между Израилем и Сирией²⁸.

После подписания соглашений о прекращении огня у израильского руководства сложилось мнение, что эти соглашения являются промежуточным шагом по направлению к достиже-

нию полноценных мирных договоров между Израилем и арабскими странами, причем эти договоры могут быть подписаны в скором времени. Показателен в этой связи параграф 5(2) соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом, который гласит: «Линия прекращения огня ни в коем отношении не рассматривается как политическая или территориальная граница и проводится без ущерба для прав, претензий и позиций какой-либо из сторон в том, что касается окончательного урегулирования палестинского вопроса»²⁹. Ожидание скорого начала всеобъемлющих политических переговоров основывалась, помимо всего прочего, на предположении, будто поражение в войне было для арабского мира столь сильной травмой, что это непременно приведет его к выводу о том, что существование Государства Израиль является непреложным и свершившимся фактом. Иными словами, по мнению израильских руководителей, арабские лидеры не могли не понимать, что ход истории невозможно повернуть вспять, и если Государство Израиль стало неотъемлемой частью политической карты Ближнего Востока, то арабским странам имеет смысл примириться с этим и извлечь из сотрудничества с Израилем максимальную пользу.

Этого, однако, не случилось. С каждым годом военная напряженность между Израилем и его соседями возрастала. Постепенно выяснилось, что в Израиле и в арабских странах придерживаются различных мнений едва ли не по всем актуальным вопросам внешней политики, в том числе и связанным с подписанными в 1949 г. соглашениями о прекращении огня. В Израиле все больше понимали, что арабские страны рассматривают эти соглашения не как этап на пути к мирному урегулированию, то есть к прекращению состояния войны, а лишь как передышку в военной кампании. В свете такой полярности оценок Израиль должен был изменить свою позицию в отношении соглашений о прекращении огня. Если в момент подписания соглашений и некоторое время спустя Израиль представлял их как относящиеся только к военным аспектам временные правила, которые должны быть заменены полноценными мирными договорами, то впоследствии израильские лидеры подчеркивали политический характер этих соглашений. Как отмечал известный израильский военный аналитик И.Гаркави, «парадоксальным образом прекращение огня пре-

вратилось из моста на пути к миру в суррогат мира»³⁰. Такое положение дел сохранялось на протяжении тридцати лет, а в отношениях Израиля с Сирией и Ливаном сохраняется и в наши дни.

Оценивая стратегические последствия Войны за независимость, можно выделить ряд основных факторов. Во-первых, Государство Израиль почти на 50% увеличило собственную территорию относительно тех границ, в которых оно должно было быть основано согласно резолюции № 181 Совета Безопасности ООН. Во-вторых, палестинское государство вообще не было создано, а большинство палестинских арабов стало беженцами. В-третьих, отошла в прошлое идея о международном контроле над Иерусалимом. В-четвертых, Государство Израиль подписало хоть и промежуточные, но соглашения со всеми граничащими с ним арабскими странами. В-пятых, после ухода британских мандатных властей и победы в Войне за независимость впервые стало реальностью неограниченное право всех евреев мира на иммиграцию в Израиль. Именно после этой войны существование еврейского государства стало непреложным фактом.

IV. СИНАЙСКАЯ ВОЙНА 1956 ГОДА

Страшное поражение, постигшее арабские армии в 1948 г., привело к обострению внутренних арабских проблем и позволило экстремистам выдвинуться на политической сцене в арабском мире. Во многих арабских странах начались волнения, ощущалась близость революции. В июле 1951 года на ступенях мечети Аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме был убит король Иордании Абдалла I. После поражения в войне в Египте был убит премьер-министр Нокраши-паша. В 1949 г. генерал Хусни Заим сверг правительство Сирии, а в 1951 г. и он сам был низложен. В Сирии начались частые военные перевороты. 23 июля 1952 г. в Египте группа так называемых «Свободных офицеров» под предводительством подполковника Гамалы Абдель Насера совершила переворот и свергла режим короля Фарука. Король бежал. Поначалу «Свободные офицеры» избрали главой правительства генерала Мухаммада Нагиба, снискавшего себе популярность в войне 1948 г., но позднее он был смещен, и вся власть в молодой республике перешла в руки Насера. Британское правительство пыталось склонить Иорданию к вхождению в прозападный ближневосточный союз, однако в декабре 1954 г. в Иордании вспыхнули волнения. Вслед за этим иорданское правительство изменило курс и заняло антизападную и пронасеровскую позицию: генерал Глабб и другие британские офицеры Арабского легиона были уволены. Участились атаки вооруженных групп федаюнов на израильские объекты.

В конце 1955 г. Египет и Чехословакия заключили договор о передаче значительного количества военной техники, в рамках которого Египет получил 530 единиц бронетанковой техники (230 танков, 200 бронетранспортеров, 100 самоходных орудий), около 500 стволов артиллерии и 200 истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, а также эсминцы, торпедные катера и подводные лодки. Договор о поставках оружия из стран Восточного блока усилил амбиции Г.А.Насера, ставшего лидером в борьбе с «империализмом Запада» на Ближнем Востоке. Противодействие политике Насера породило

ло общность интересов Израиля и Франции. В результате Израиль стал получать оружие из Франции, однако, несмотря на эти поставки, в канун Синайской кампании у Египта было вчетверо больше оружия, чем у Израиля.

В нарушение соглашения о перемирии 1949 г. и норм международного права египетские власти объявили о блокаде израильского судоходства. Израильские суда, плывшие из южного израильского порта Эйлат в порты Африки и Дальнего Востока, должны были проходить через Тиранский пролив, ворота Красного моря. Г.А.Насер закрыл пролив, установив береговую артиллерию в Рас-Насрани. Египет также запретил израильским судам проходить и по Суэцкому каналу – вопреки резолюции Совета Безопасности ООН от 1951 г., осудившей этот шаг. Но и после вынесения этой резолюции Египет при политической поддержке Советского Союза препятствовал свободе мореплавания и задерживал израильские суда, грузы и моряков.

В переговорах с Великобританией Г.А.Насер добился вывода британских войск из зоны Суэцкого канала, где они по договору между Англией и Египтом стояли более восьмидесяти лет. Г.А.Насер вел переговоры с Соединенными Штатами и Великобританией о получении займа от Международного банка реконструкции и развития для финансирования строительства Асуанской плотины на Ниле. Плотины могла дать стране необходимую ей электроэнергию, оросить пустыни, значительно увеличить посевные площади Египта. Параллельно Г.А.Насер вел переговоры с Советским Союзом. Его попытка сыграть на противоречиях между Западом и Востоком вызвала гнев государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса. В июле 1956 г. США объявили о своем отказе финансировать данный проект. 27 июля 1956 г. возмущенный Г.А.Насер национализировал Компанию Суэцкого канала (большинство акций которой принадлежало английскому правительству) и объявил о расторжении в одностороннем порядке договора между Египтом и Великобританией. Англия и Франция сочли национализацию канала угрозой своим стратегическим интересам и путям доставки нефти и приступили к подготовке операции, направленной на восстановление своих интересов в зоне Суэцкого канала. Они рассчитывали, что косвенным образом это приведет к падению Г.А.Насера. Для этого Англия и Франция начали переброску войск на Мальту и Кипр. Хотя, строго говоря, эта кампания не была связана с арабско-израильским кон-

фликтом, она не могла не повлиять на ход дела в регионе. Израильское правительство понимало это и принимало соответствующие решения.

28 февраля 1955 г. отряды израильских парашютистов совершили широкомасштабную операцию возмездия в секторе Газа³¹. Кодовое название этой операции было «Черная стрела». В приказе начальника Генштаба частям, выполнявшим операцию, говорилось:

«1. Цель – ответить на акты убийства и шпионажа, планирующиеся в Газе и проводимые с находящихся на территории Газы военных баз.

2. Задача – проникнуть в военный лагерь около Газы, взорвать и разрушить его, взорвать также водохранилище и железнодорожную станцию.

3. Поражать солдат противника лишь в том случае, если они мешают выполнению операции.

4. Не оставлять раненых на территории противника»³².

Эта операция была совершена в ответ на целый ряд актов насилия, в том числе убийство израильтянина в городе Реховоте отрядом террористов, проникших из сектора Газа. В правительстве не было разногласий по поводу необходимости проведения военной операции. Моше Шарет, критиковавший эту операцию после ее совершения, писал в своем дневнике накануне операции: «Я одобрил этот план. Проникновение террористов в Реховот, примерно за тридцать километров от границы с сектором Газа, потрясло общество; не ответить на это невозможно»³³.

На практике операция в Газе вышла гораздо более широкомасштабной, чем планировалось. Было убито около сорока египтян и тридцать ранено, израильская армия потеряла восемь человек убитыми, тринадцать человек были ранены. Одним из командиров этой операции был Мордехай Гур, ставший впоследствии начальником Генерального штаба. По его словам, «впечатление от нападения Армии Обороны Израиля на военный лагерь в Газе 28 февраля 1955 г. отличалось от того, которое производила любая другая операция, проведенная до того, а в некоторых отношениях – и от всех других операций, которые за ней последовали. [...] До операции в Газе операции возмездия проводились в более узких рамках, а условия войны по принципу «зуб за зуб» приводили к тому, что поражались по преимуществу гражданские объекты. Операция в Газе вызвала

сильный отклик. Впервые операция возмездия израильской армии широко освещалась в прессе, причем участие в операции солдат и офицеров ЦАХАЛа не отрицалось. Эта операция нанесла серьезный удар по египтянам»³⁴.

После проведения операции возросла военная напряженность на израильско-египетской границе, и увеличилось число пограничных инцидентов. Шарет утверждал, что это ухудшение ситуации является прямым или косвенным следствием операции в Газе: «Я выразил свое личное мнение, что бесчинства вдоль всей границы, в особенности установка мин и обстрел постов, которые собрали и продолжают собирать свой кровавый урожай, – это прямое следствие операции в Газе. Это либо обдуманная месть, либо неизбежный результат напряжения, создавшегося в результате операции»³⁵.

Многие годы Г.А.Насер утверждал, что именно операция Израиля в Газе и необходимость восстановить поправленное достоинство египетских войск были основной причиной того, что Египет обратился к СССР с просьбой обеспечить его оружием для защиты страны, после чего была подписана египетско-чехословацкая сделка о поставке вооружений. Моше Шарет считал, что «до тех пор Насер был склонен верить заверениям американских и английских руководителей о том, что Израиль стремится к миру и желает добрососедских отношений с арабскими странами. Операция в Газе стала для Насера тяжелым потрясением, разрушившим его веру в Англию, Америку и в Израиль»³⁶. Египетско-чехословацкая сделка вызвала в Израиле серьезные опасения, ибо она кардинальным образом нарушала баланс сил между Израилем и Египтом и послужила еще одним поводом, кроме действий террористов и закрытия Египтом Суэцкого канала для израильского судоходства, для вступления Израиля в Синайскую операцию в октябре 1956 г.

К тому времени израильское руководство пришло к заключению, что Г.А.Насер готовится к решающей войне с Израилем. Об этом говорило создание в октябре 1955 г. совместного военного командования Сирии и Египта (в 1956 г. к нему присоединилась Иордания). Блокада Суэцкого канала и Акабского (Эйлатского) залива была частью тотальной экономической войны Египта против Израиля. Рейды федаюнов на израильскую территорию участились, принося новые и новые жертвы: так, в 1955 г. 260 израильских граждан были убиты или ранены федаюнами. Поставляемое Советским Союзом вооружение

немедленно осваивалось египетской армией. Израиль не мог сидеть сложа руки, пока Г.А.Насер готовился к войне. Поэтому в июле 1956 г. Давид Бен-Гурион пришел к выводу, что Израиль должен нанести превентивный удар. Он дал указания израильскому генштабу подготовиться к проведению кампании в том же году, сосредоточив усилия прежде всего на открытии Тиранского пролива для израильских судов.

К октябрю 1956 г. египетские угрозы Израилю стали принимать все более и более активные формы. Налеты федаюнов множилось, а проводимая Израилем тактика ответных карательных операций не приводила к полному и убедительному решению этой проблемы. Сложившаяся в целом ситуация в регионе давала Израилю шанс прорвать египетскую блокаду израильских морских путей и ликвидировать военную угрозу приграничным районам. Синайская кампания преследовала три цели: ликвидация (полная или частичная) угрозы, представляемой египетской армией в Синае; разрушение структуры групп федаюнов; обеспечение свободы навигации в Тиранском проливе.

Синайская война была непродолжительной: она началась 29 октября, а закончилась 6 ноября 1956 г. За пять дней войны израильская армия разгромила три египетские дивизии в Синае и в секторе Газа, разрушила все базы федаюнов и уничтожила или захватила значительную часть египетского вооружения – морского, воздушного и сухопутного. Израильские войска заняли сектор Газа и Синайский полуостров, площадь которого втрое превышала территорию Государства Израиль. В этой войне погибло 170 израильских солдат и офицеров, один человек попал в плен. Говоря об амбициях Г.А.Насера и последствиях Синайской кампании, Д.Бен-Гурион подчеркнул, что она «нанесла мощный удар по престижу египетского диктатора, который стремится к власти над всеми народами Ближнего Востока, а возможно, – и над всей Африкой. [...] Напряжение, целый год, пока Египет набирал силы, владевшее нами, ослабло после Синайской кампании, и мы вздохнули спокойно»³⁷.

Синайская кампания была негативно воспринята и в руководстве США, и в ООН. В Совете Безопасности ООН были предприняты значительные усилия, чтобы добиться прекращения огня, но Англия и Франция дважды наложили вето на готовящиеся резолюции. Когда же цели войны были достигнуты, 8 ноября 1956 г. Израиль сообщил президенту США и Генераль-

ному секретарю ООН о своей готовности вывести войска из Синая после соответствующей договоренности с силами ООН. Израиль добивался обеспечения свободы мореплавания в Эйлатском заливе и в Тиранском проливе и через них – свободного прохода в Красное море, а также ликвидации угрозы федаюнов и их баз.

Канадское правительство предложило создать Чрезвычайные силы Организации Объединенных Наций, и это предложение было принято ООН. Хотя Израиль пытался удержать в своих руках важные районы Шарм-аль-Шейха и сектора Газа, США вынудили его вывести войска из этих районов в обмен на гарантию судоходства в Тиранском проливе и на участие ООН в управлении сектором Газа. Сектор Газа и район Шарм-аль-Шейха должны были перейти под контроль Чрезвычайных войск ООН. Израиль постепенно вывел оттуда свои войска, сообщив, что делает это при условии, что вплоть до мирного урегулирования в секторе останется власть ООН, объявив о сохранении за собой свободы действий в случае ухудшения положения.

Подобное решение далось израильским руководителям нелегко; в правительстве существовали серьезные разногласия по данному вопросу. Необходимо отметить и оправданный скептицизм Д.Бен-Гуриона, который, выступая 5 марта 1957 г. на пленарном заседании Кнессета, говорил: «Я должен сказать, что нет полной уверенности, что египтяне не вернуться в сектор Газа или не будут возвращены в качестве гражданской администрации или военной оккупационной силы якобы в соответствии с договором о перемирии. [...] Но я обязан разрушить ошибочную иллюзию, укоренившуюся в сознании многих из нас: при любом режиме и при любом управлении сектор Газа останется источником бед, пока беженцы не вернуться в другую страну. Тот, кто говорит о секторе Газа, не видя всех опасностей, связанных с составом его населения, живет в раю для сумасшедших. Я ни секунды не боялся санкций, хотя и не преуменьшал их тяжести, но никогда, ни до, ни после Синайской кампании, не укрывались от меня связанные с сектором Газа опасности: угроза безопасности поселений и положению Израиля среди других наций, особенно если мы одни будем ответственны за управление сектором. Я всегда был уверен, что наименее плохой и наименее опасный вариант – это совместное управление Израиля и ООН. Наихудший вариант –

это, конечно, власть Египта. Власть одного Израиля или одной ООН менее безопасны, чем совместное управление до решения проблемы беженцев и мирного урегулирования с Египтом. Однако это невозможно, а при нынешнем составе ООН невозможно ни сейчас, ни впоследствии»³⁸.

В Газе вывод израильских войск привел к волне насилия и к массовым казням лиц, обвиненных в сотрудничестве с израильскими оккупационными войсками с ноября 1956 г. по март 1957 г. (пока войска стояли в секторе). Солдаты ООН не смогли справиться с бандами федаюнов и обеспечить контроль над ситуацией в целом. Через два дня после передачи Газы под контроль ООН Насер назначил военного губернатора сектора, и тот без согласования с ООН переехал в Газу со своим штабом. Вскоре мэр Газы был смещен и заменен проегипетским мэром. Под давлением Египта ООН приказала своим войскам покинуть сектор Газы и ограничиться патрулированием вдоль его границ. Чрезвычайные силы ООН заняли позиции на израильско-египетской границе и в Шарм-аль-Шейхе.

Израильские суда, наконец, смогли свободно проходить Тиранским проливом в Африку и Азию. На израильско-египетской границе наступило относительное затишье. Однако через десять лет гарантии израильского судоходства в Тиранском проливе были забыты. Насер потребовал от ООН вывести войска из Синая, и с их уходом над регионом вновь нависла угроза войны.

V. ПОБЕДНЫЙ БЛИЦКРИГ: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА (ИЮНЬ 1967 Г.) И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Хотя в результате Синайской кампании были уничтожены базы египетских террористов, она в конечном итоге не привела к изменениям существовавших дотоле границ и лишь несколько снизила уровень военной угрозы Израилю со стороны арабских стран. После вывода израильских войск были восстановлены дипломатические отношения с Советским Союзом (демонстративно разорванные в феврале 1953 г.), но систематические поставки советского оружия Египту значительно сократили возможность построения доверительных отношений между двумя странами. В описываемый период главным поставщиком вооружений Израилю продолжала оставаться Франция.

Период 1956–1965 гг. можно считать затишьем в арабо-израильском конфликте, однако ситуация в арабском мире продолжала оставаться нестабильной. В 1958 г. был свергнут король Ирака Фейсал, убитый вместе со всей королевской семьей. Пришедший к власти генерал Абд-эль-Карим Касем уничтожил и многих других представителей старой иракской политической элиты, в том числе премьер-министра Нури Саида. Изменение ситуации в Ираке дало возможность Советскому Союзу укрепить свое политическое присутствие в районе Персидского залива. В феврале 1958 г. было объявлено о создании Объединенной Арабской Республики (ОАР), состоявшей из Сирии и Египта, ставшей крупнейшей политической силой на Ближнем Востоке.

В этом же году мероприятия египетских спецслужб спровоцировали начало гражданской войны в Ливане, и по экстренной просьбе ливанского президента Шамуна для защиты режима и стабилизации обстановки в стране высадился десант морской пехоты Шестого флота США. Созданием единой Объединенной Арабской Республики в Сирии был образован северный фронт кампании Насера против Израиля, в то время как присутствие войск ООН на израильско-египетской границе ограничивало возможности Насера на южном фронте.

Опираясь на свой плацдарм в Сирии, египетские спецслужбы попытались совершить политический переворот в Иордании. В сентябре 1960 г. агентами Г.А.Насера был убит премьер-министр Иордании Хаза эль-Маджали. Это убийство чуть было не вызвало вторжение иорданской армии в Сирию, не состоявшееся во многом благодаря усилиям британских и американских дипломатов.

Объединение с Египтом фактически обернулось установлением в Сирии египетского оккупационного режима, что привело к восстанию против ставленника Г.А.Насера фельдмаршала Абд-эль-Хаким Амера; в сентябре 1961 г. Сирия вышла из ОАР и «великий арабский союз» рухнул. Сирийцы обстреливали израильские поселения с командных высот Голанского плато, минировали дороги и поля и вели «войну на истощение» на границе. 1 февраля 1960 г. ЦАХАЛ провел карательную операцию против сирийцев у озера Кинерет, впрочем, не остановившую ни нападения на суда израильских рыбаков и обстрелы деревень в долине Хула, ни нападения на израильских фермеров, работавших в демилитаризованной зоне вдоль границы³⁹.

Египет в 1962 г. ввязался в затяжной военный конфликт в Йемене. Кроме того, соперничество между Насером и королем Иордании Хусейном раскололо и без того лишь иллюзорное единство арабского мира. Крайне антиизраильская политика Г.А.Насера все больше набирала обороты, будучи прежде всего средством продвижения египетских интересов в арабском мире. В 1964 г. в Каире прошла конференция глав арабских государств, на которой были приняты две резолюции: первая из них призывала лишить Израиль воды, отведя истоки Иордана, другая провозглашала создание нового палестинского движения, позднее названного Организацией освобождения Палестины (ООП). Глава ООП Ахмад Шукейри был признан всеми арабскими государствами. Выполняя решения конференции, он приступил к формированию Армии освобождения Палестины.

В 1965 г. ООП была оформлена юридически. Был принят основополагающий документ организации – Палестинская Хартия. В окончательной редакции Хартия была утверждена на заседании Палестинского национального совета в Каире в 1968 г. Она гласила: «Освобождение Палестины является, с арабской точки зрения, национальным долгом – отразить сионистскую империалистическую агрессию против великой арабской нации и ликвидировать сионистское присутствие в Палестине» (статья 15);

«Раздел Палестины в 1947 г. и создание Израиля не обладают и никогда не будут обладать ни малейшей реальностью, потому что это противоречило воле народа Палестины и его естественному праву на отечество...» (статья 19); «Палестинский арабский народ, самовыражением которого является вооруженная палестинская революция, отвергает всякое решение, кроме полного освобождения Палестины, и всякий план, направленный на урегулирование палестинской проблемы или ее международное решение» (статья 21); «Вооруженная борьба – единственный путь к освобождению Палестины...» (статья 9). Характерно, что заявляемая ООП в качестве изначальной цель создания палестинского государства в границах, определенных резолюцией ООН от 29 ноября 1947 г., вполне могла быть реализована в 60-е годы, когда Иордания контролировала Западный берег, а Египет оккупировал сектор Газа. Но палестинские лидеры и не думали ставить тогда вопрос об этом.

В 1964 г. в Ливане и Сирии начались работы по отводу вод двух основных притоков Иордана – реки Хацабани с истоком в Ливане и реки Баниас с истоком в Сирии – с целью перебросить воды в реку Ярмук, протекающую по иорданской территории. Это лишило бы Израиль двух третей всей воды реки Иордан. Израиль объявил эти попытки актом объявления войны и обстрелял территорию проведения работ. В ноябре 1964 г. израильская авиация разбомбила участки строительства, находившиеся вне досягаемости артиллерии. Это привело к остановке работ, поскольку начала войны с Израилем сирийское руководство в тот момент не желало. Но за последовавшим вскоре приходом к власти крайних кругов партии Баас Сирия активизировала засылку в Израиль диверсантов через иорданскую и ливанскую территорию. Основанная в 1958 г. Ясиром Арафатом палестинская террористическая организация ФАТХ предприняла в 1965 г. около тридцати рейдов на территорию Израиля. В ответ на них в ноябре 1966 г. израильская армия нанесла удар по базе террористов в деревне Эль-Саму в горах Хеврона. Операция, в которой участвовали авиация и бронетанковые части, вызвала вспышку волнений в Иордании, пошатнувших власть короля Хусейна. Удержаться на троне ему удалось лишь благодаря экстренной военной помощи со стороны США.

В марте 1967 г. начались почти ежедневные стычки с террористами на границе с Сирией. В апреле сирийцы стали проводить массированные артобстрелы деревень в районе озера Ки-

нерет. В качестве акции возмездия израильские ВВС сбили 7 апреля в бою над Дамаском 7 сирийских самолетов. Израильская разведка оценила сирийские провокации как попытку создать предлог для нового вооруженного конфликта с Израилем. Начальник генштаба Израиля Рабин дал интервью, в котором предупредил сирийское правительство, что в случае дальнейших провокаций израильская армия не остановится перед нанесением удара с целью сместить агрессивный дамасский режим. В ответ на это предупреждение Сирия начала интенсивные дипломатические консультации с Египтом и Советским Союзом. Основная часть египетской армии в это время продолжала участвовать на стороне левых революционеров в длившейся уже пять лет гражданской войне в Йемене. Война затягивалась, поскольку Саудовская Аравия и ряд других стран оказывали военную помощь королевским силам Йемена. В этой ситуации отношения между Г.А.Насером и руководителями Иордании и Саудовской Аравии значительно ухудшились.

Г.А.Насер предпочитал игнорировать призывы Иордании возобновить блокаду Тиранского пролива, а также настойчивые просьбы Сирии помочь ей в срыве израильских ирригационных проектов в бассейне реки Иордан, ограничиваясь заявлениями о том, что арабы пока еще не готовы к широкомасштабной войне с евреями. Все это, разумеется, серьезно пошатнуло его позиции, как в глазах всего арабского мира, так и в глазах его собственных сограждан. Присутствие сил ООН на территории Египта также не способствовало повышению статуса Г.А.Насера, которому необходимо было предпринять какие-то решительные действия, которые бы укрепили его попорченное достоинство и одновременно с этим не привели бы к вооруженному столкновению с Израилем. Г.А.Насер искренне полагал, что арабский мир не был готов к подобному столкновению.

В начале мая 1967 г. Г.А.Насер потребовал от сил ООН под Газой (насчитывавших 3400 человек) перебазироваться на территорию самого сектора. В ответ на это требование Генеральный секретарь ООН У Тан проинформировал египетского представителя Мухаммеда Аль-Кони о том, что ООН не согласится на «полумеры»: либо ее войска останутся на прежних позициях, либо они вовсе покинут территорию Египта. Возможно, У Тан и его заместитель Ральф Банч, который являлся инициатором данного решения, рассчитывали, что Г.А.Насер не сочтет возможным полностью изгнать силы ООН. Если дело

обстояло именно так, то это было явным просчетом с их стороны. Для Насера отказ от выдвинутых им требований означал бы откровенную капитуляцию, поэтому он вынужден был принять вызов и потребовать полной и безоговорочной эвакуации сил ООН, на что теперь уже У Тан вынужден был согласиться.

Как отмечает Говард Сакер, «к своему величайшему изумлению Насер, почти не шевельнув пальцем, одержал блестящую дипломатическую победу. Теперь он снова получил возможность утвердить себя в качестве бесспорного арабского лидера. Нужно было только действовать соответственно этой роли»⁴⁰. «Действовать соответственно этой роли» означало восстановить блокаду Тиранского пролива, которая была снята в 1957 году. 22 мая Г.А.Насер сделал судьбоносное заявление: «Тиранский пролив является частью наших территориальных вод. Ни одно израильское судно не будет впредь пропущено через него. Одновременно мы запрещаем доставку через этот пролив в Израиль стратегических товаров на судах других стран»⁴¹.

Единственным политиком Запада, возмущившимся этим действием, оказался премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон, безрезультатно пытавшийся убедить канадское и американское правительства общими усилиями снять египетскую блокаду. Мировые державы попытались сформировать военноморской конвой для срыва блокады – во исполнение гарантий, данных Израилю в 1957 г., но сделать этого они не смогли. Попытки Генерального секретаря ООН У Тана договориться с Г.А.Насером закончились столь же безрезультатно, как и попытки министра иностранных дел Израиля Аббы Эвена взывать к правительствам Франции, Англии и США о выполнении гарантий, данных ими Израилю в 1956 г. Более того, Франция, традиционно поддерживавшая Израиль (чувствуя общность с ним, в том числе, в силу того, что алжирские повстанцы, воевавшие с Францией, пользовались поддержкой всего арабского мусульманского мира), внезапно изменила свою внешнеполитическую линию. Президент Де Голль заявил, что после ухода из Алжира у Франции нет общих интересов с Израилем и наложил эмбарго на поставки вооружений еврейскому государству.

Вместе с тем вполне вероятно, что как размещение египетских войск в Синае, так и высылка сил ООН, носили символический характер и совсем не обязательно являлись подготовкой к войне. Если бы Г.А.Насер действительно намеревался напасть на Израиль, он мог бы сделать это, игнорируя силы ООН, точно

так же, как это сделал Израиль в 1982 г. в Ливане. Скорее, Г.А.Насер лишь пытался создать видимость того, что он бросает вызов еврейскому государству. Закрытие Тиранского пролива также было призвано компенсировать то унижение, которому подвергся Египет после Синайской войны 1956 г. Как ни странно, именно реакция мирового сообщества на эти действия и привела в результате к развязыванию вооруженного конфликта.

26 мая, выступая перед съездом арабских профсоюзов, Г.А.Насер заявил, что настало время уничтожить Израиль. Услышав этот призыв, Алжир и Кувейт направили на помощь Египту свои экспедиционные силы. 30 мая король Иордании Хусейн подписал с Насером военный пакт, направленный против Израиля. 4 июня пакт о взаимной обороне подписали Египет и Ирак. Вслед за этим иракские военные части вошли на территорию Иордании. В арабских странах начались массовые демонстрации под лозунгами «Смерть Израилю!». Стало очевидно, что новая война неизбежна. Об этом же говорили данные разведки. Арабские армии начали мобилизацию и перегруппировку для удара по израильской территории, к ходе которой два батальона египетских десантников были переброшены из Египта в район Латруна (Иордания), чтобы перерезать главную транспортную артерию Израиля – шоссе Тель-Авив-Иерусалим. Король Хусейн, которого еще недавно Насер называл в своих выступлениях «лакеем империалистов», вылетев в Каир для примирения с Насером, подписал с ним соглашение о военной взаимопомощи и согласился на назначение египетского генерала Абд-эль-Мунем Рияда на пост командующего всеми арабскими войсками на иорданском фронте. 2 июня генерал Рияд со своим штабом прибыл в Иорданию и начал проводить рекогносцировку иордано-израильской границы. Еще ранее, 30 мая, туда прилетел из Египта лидер ООП А.Шукейри, боевики которого должны были перейти границу вместе с отрядами армейских диверсантов.

В Израиле между тем наблюдалась двойственная реакция на арабские приготовления. Во время празднования девятнадцатой годовщины Дня независимости Израиля, 15 мая 1967 г., было опубликовано интервью начальника Генерального штаба ЦАХАЛа генерала И.Рабина, в котором он предсказал долгий период спокойствия в отношениях с арабскими странами. Арабские военные маневры на границах Израиля вынудили правительство начать мобилизацию резервистов, но многие израиль-

тяне сомневались, решится ли правительство Леви Эшколя начать войну. Общую нервозность усилило то, что И.Рабин в результате никотинового отравления слег на двое суток в больницу. Под нажимом общественного мнения Леви Эшколь сформировал правительство национального единства, в котором министром обороны стал Моше Даян, а глава оппозиции Менахем Бегин вошел в него в качестве министра без портфеля. Новое правительство исходило из того, что война неизбежна и каждый день промедления в ее начале дает лишние шансы арабским армиям.

Ввиду численного превосходства противостоящих арабских сил израильское руководство (инициатива в этом вопросе исходила от Генерального штаба армии) приняло решение нанести превентивный удар. В 7:30 утра 5 июня 1967 г. началось наступление израильской армии на Синайском полуострове, спланированное по образцу наступления 1956 г.; в течение трех часов израильские ВВС наносили удары по военным аэродромам Египта. Аналогичные по тактике удары были нанесены позднее по авиации Иордании, Сирии и Ирака, лишь часть которой успела подняться в воздух для атаки израильских объектов. Обеспечив себе господство в воздухе, Израиль развернул наступление на Синайском полуострове. Тактика ЦАХАЛа основывалась на нанесении мощных ударов силами бронетанковых подразделений, подкрепляемых высадкой десантных отрядов, сеющих панику в тылах противника и разрушающих его коммуникации. Благодаря этому уже в первый день израильтянам удалось разорвать оборону египетской армии на трех участках фронта, обеспечив себе плацдармы для дальнейшего наступления. Но египетские СМИ сообщали, что танки Египта совершают марш по Негеву на Хевронские горы, Тель-Авив подвергся массовой бомбардировке, а нефтеочистительные заводы Хайфы пылают.

Правда о положении на фронте была оглашена лишь на третий день войны. Фельдмаршал Амер, растерявшись, начал отдавать противоречивые приказы, еще больше усилившие общую панику на фронте. Многие египетские командиры, видя поражение своих частей, бросали их и бежали на западный берег Суэцкого канала. В результате уже на второй день боев командирам трех израильских дивизий на Синайском фронте (среди которых был и нынешний премьер-министр Израиля Ариэль Шарон) была поставлена задача ускорить продвижение вперед,

чтобы отрезать египетским войскам путь к отступлению на запад. В ходе боев 6 июня была взята одна из главных египетских баз в глубине Синайского полуострова – Джебель-Либни. 7 июня части ЦАХАЛа столкнулись с большой концентрацией египетской бронетанковой техники в Центральном Синае. Продолжавшееся два дня сражение, в котором израильские танковые части противостояли подразделениям, оснащенным не только устаревшими танками Т-34, но и новыми советскими танками Т-55, стало одним из крупнейших танковых сражений в военной истории. К утру 8 июня израильские силы дошли до берегов Суэцкого канала. Еще 7 июня морской десант занял Шарм-аль-Шейх, не обнаружив там войск противника. Тогда же закончилась ожесточенная битва в секторе Газа, в которой жители расположенных там лагерей беженцев с оружием в руках поддерживали защищавшую его Палестинскую дивизию.

8 июня в районе Эль-Ариша израильские ВВС атаковали разведывательное судно ВМС США «Либерти», приняв его за корабль египетского флота, в результате чего было убито 34 члена экипажа. Но правительство США удовлетворилось извинениями Израиля, возложив ответственность за этот инцидент на тех, кто должен был предупредить израильтян о местонахождении американского судна, но не сделал этого.

5 июня Алжир, Ирак, Кувейт, Судан и Йемен объявили войну Израилю, Конференция стран-экспортеров нефти заявила о решимости объявить эмбарго на поставку нефти любой стране, которая окажет Израилю помощь. На собравшейся в Нью-Йорке чрезвычайной сессии ООН Египет при поддержке СССР потребовал принять решение о прекращении огня, но в отличие от 1956 г. встретил на этот раз резкое противодействие со стороны США. Тем не менее Совет Безопасности ООН принял резолюцию о прекращении огня 7 июня с 8 часов вечера, но она была проигнорирована арабскими странами. А министр иностранных дел Израиля Абба Эвен сразу же дал понять, что Израиль будет соблюдать это соглашение лишь в случае, если арабы последуют его примеру⁴².

После начала военных действий премьер-министр Израиля Леви Эшколь предостерег короля Иордании Хусейна против враждебных действий в отношении еврейской части Иерусалима и других израильских поселений. Но это предупреждение было проигнорировано, и в 11 часов утра 5 июня иорданская армия открыла артиллерийский и ружейный огонь по израиль-

ским объектам, в том числе по Тель-Авиву и Иерусалиму. Одновременно иорданская авиация, поверив ложным сообщениям египтян и иракцев (некоторые источники утверждают, что речь шла об инициированной израильтянами умышленной дезинформации) об уничтожении 70% израильских ВВС, атаковала второстепенный аэродром Кфар-Виткин возле Петах-Тиквы. После этого иорданская армия вошла в южную часть Иерусалима и заняла штаб-квартиру наблюдателей ООН во дворце наместника, находящегося в демилитаризованной зоне. В ответ израильские ВВС уничтожили иорданскую авиацию, находившуюся на базах возле Мафрака и Аммана, лишив сухопутные силы Иордании воздушного прикрытия.

ЦАХАЛ начал контрнаступление, уничтожил иорданские позиции вокруг Иерусалима и в 23.00 5 июня начал штурм города. Одновременно были нанесены удары по ключевым пунктам иорданских сил в Самарии. Утром 7 июня израильские десантники достигли Стены Плача, в честь чего состоялась специальная церемония. Тогда же к командиру израильских сил, прорвавшихся в Старый город, полковнику Моте Гуру (ставшему впоследствии начальником Генерального штаба и заместителем министра обороны страны) явились арабские старейшины и сообщили ему о прекращении организованного сопротивления. 8 июня иерусалимская бригада полковника Амитая, продвигаясь к югу от города, почти не встречая сопротивления, заняла Бейт-Лехем, Гуш-Эцион и Хеврон, после чего соединилась с частями израильского южного фронта. В этот же день был завершен захват всей прилегающей территории вплоть до реки Иордан. Еще 7 июня в 20.00 Израиль и Иордания формально согласились прекратить боевые действия.

С началом Шестидневной войны Сирия сначала лишь создавала видимость своего участия в ней. Авиация Сирии пыталась бомбить нефтеочистительные заводы Хайфы, но в ответ была полностью уничтожена израильскими ВВС. Трижды сирийская армия пыталась провести разведку боем, посылая разведывательные роты в районы киббуца Дан и поселения Шеар-Яшув. Атаки были отбиты. И в дальнейшем сирийцы ограничивались лишь обстрелом позиций израильтян в Восточной Галилее, несмотря на настойчивые просьбы Иордании прийти ей на помощь.

На начальной стадии войны министр обороны Израиля Моше Даян сомневался, стоит ли начинать наступление на Сирию, опасаясь втянуться в военный конфликт с СССР. Но

жители поселений Северного Израиля требовали уничтожить сирийскую артиллерию на плато Голан. После того, как египетская и иорданская армии были разгромлены, М.Даян приказал командующему Северным фронтом генералу Давиду Элазару атаковать сирийцев.

Утром 9 июня израильские вооруженные силы начали наступление на сирийские укрепления на Голанских высотах, откуда, начиная с 5 июня, не прекращался массированный обстрел израильской территории. Горы в этом районе были настолько крутыми, что сирийцы не стали устанавливать здесь противотанковые заграждения, однако израильтянам все же удалось поднять на них танки. По остальным направлениям были нанесены отвлекающие удары. Разгромив оборону противника и достигнув Кунейтры, израильская армия остановилась. С занимаемых ею позиций просматривалась долина Дамаска, и в любой момент можно было перейти в наступление на сирийскую столицу. Остановка подразделений ЦАХАЛа произошла 10 июня ровно в 19.30 в соответствии с соглашением о прекращении огня, достигнутым в результате повторного призыва Совета Безопасности ООН прекратить военные действия и согласия Израиля и Сирии последовать этому призыву⁴³. Этот момент считается официальным окончанием Шестидневной войны.

В результате Шестидневной войны территория, находящаяся под контролем Израиля, увеличилась более чем втрое. Согласно признанным международным сообществом соглашениям о прекращении огня, заключенным Израилем и арабскими странами после Войны за независимость, территория страны составляла немногим более двадцати с половиной тысяч квадратных километров. В ходе Шестидневной войны Израиль завладел Синайским полуостровом (площадью более шестидесяти тысяч квадратных километров), Голанскими высотами (тысяча двести квадратных километров), Западным берегом реки Иордан (более шести тысяч километров), небольшим, но густо заселенным сектором Газа и, что самое главное, Восточным Иерусалимом, включая Старый город. Немедленно по окончании войны Восточный Иерусалим был аннексирован, после чего 28 июня 1967 г. объединенный город был провозглашен единой и неделимой столицей страны. Этот статус вечного города был зафиксирован позднее в первой статье принятого 5 августа 1980 г. Основного закона о Иерусалиме – столице Израиля.

Не столько даже на территориально-географическом, сколько на символическом уровне значение победной для Израиля Шестидневной войны невозможно переоценить: после многих столетий изгнания объединенный Иерусалим оказался под контролем еврейского государства. Именно поэтому сразу же по окончании войны израильское правительство развернуло интенсивную деятельность по восстановлению города, как западной, так и восточной его частей. С самого начала было принято решение предоставить всем жителям объединенного Иерусалима равные права, гарантировать всем без исключения – как евреям, так и арабам – свободу вероисповедания и эффективное социальное обслуживание. В восточной части города был в кратчайшие сроки отремонтирован водопровод, были разобраны дорожные заграждения и существовавшие на протяжении девятнадцати лет заслоны из колючей проволоки. Энергетическая и телефонная сеть восточной части города были подключены к общеизраильской.

Надо заметить, однако, что израильское правительство руководствовалось не только гуманитарными соображениями, но и стремлением продемонстрировать всему миру, что отныне и впредь Иерусалим будет оставаться неделимой столицей Государства Израиль. В ответ на принятую Генеральной Ассамблеей ООН 4 июля 1967 г. резолюцию № 2253, которая объявляла «одностороннее изменение статуса Иерусалима» недействительным (за эту резолюцию, инициированную представителем Пакистана, проголосовали делегаты от 99 государств, 20 делегатов воздержались, трое отсутствовали, проголосовавших против не было), министр иностранных дел Израиля Абба Эвен заявил, что «термин аннексия в данном случае абсолютно неуместен. Принятые Израилем меры направлены на интеграцию Иерусалима в административном и муниципальном плане и создают надежную базу для защиты иерусалимских святых мест»⁴⁴. 27 июня 1967 г., за день до провозглашения израильского суверенитета в Восточном Иерусалиме, Кнессетом был принят Закон об охране святых мест, обеспечивший надежные гарантии соблюдения в городе прав на свободу вероисповедания для представителей всех конфессий⁴⁵.

Интересно отметить, что после окончания Шестидневной войны Государство Израиль выступило с инициативой уравнять статус святых мест в Иерусалиме со статусом дипломатических представительств. Кроме того, предлагалось признать

главу римско-католической церкви полномочным представителем всех христианских религиозных групп и организаций в городе. Переговоры об этом велись между полномочными представителями Израиля и Ватикана, однако в конце концов глава римско-католической церкви отказался подписать в целом согласованный вариант двухстороннего договора, утверждая, что данный документ будет воспринят как признание Ватиканом израильской аннексии Восточного Иерусалима⁴⁶.

Иерусалим являлся, пожалуй, единственной захваченной в ходе Шестидневной войны территорией, относительно которой в израильском обществе существовал широкий консенсус. Однако в результате Шестидневной войны под контролем Израиля, помимо Иерусалима, оказались все территории, на которых, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г., должно было быть создано палестинское государство. После проигранной арабами войны 1948–1949 гг. эти территории отошли к Израилю (Северо-западный Неgev, Северная Галилея, так называемый «иерусалимский коридор» и район Беэр-Шевы), Иордании (Западный берег реки Иордан) и Египту (сектор Газа). Ни одна из этих трех стран не была заинтересована в создании палестинского государства и не сделала ни малейших шагов в этом направлении. В июне 1967 г. ситуация кардинальным образом изменилась: захватив Западный берег Иордана и сектор Газа (где жило тогда более шестисот тысяч палестинских арабов), Израиль вольно или невольно оказался единственным препятствием для создания независимого палестинского государства.

Тот факт, что на протяжении девятнадцати предшествующих лет ни Египет, ни Иордания не предоставили палестинцам не только государственности, но даже и автономии, был быстро забыт, а Израиль был объявлен средоточием мирового зла. Уже 1 сентября 1967 г. состоявшая в Хартуме конференция Лиги арабских государств приняла постановление, значительно осложнившее поиск решения арабо-израильского урегулирования: нет – миру с Израилем, нет – признанию Израиля, нет – переговорам с Израилем⁴⁷. Ситуация, бывшая и без того напряженной, обострилась еще больше. Именно в результате Шестидневной войны произошла кристаллизация политической идентичности палестинских арабов: если раньше они действовали против Израиля в рамках той войны, которую вели против него арабские страны, то теперь они, оказавшись под юрис-

дикцией Израиля, в собственных глазах, в глазах международного сообщества и всего арабского мира стали самостоятельной политической единицей. Одновременно с этим организация ФАТХ из небольшого партизанского отряда, поддерживаемого Египтом и Сирией и используемого для провокационных вылазок вглубь израильской территории, превратилась в повсеместно признанного выразителя чаяний палестинского народа. Ни одна арабская страна и прежде официально не признала право Израиля на существование в безопасных границах, однако обострение проблемы палестинских арабов в результате Шестидневной войны придало этой непримиримой позиции видимость легитимности.

Результаты Шестидневной войны косвенным образом привели к объединению двух, ранее изолированных секторов – израильских арабов и палестинцев сектора Газа и Западного берега р. Иордан. Вне сомнения, это объединение сыграло большую роль в формировании политических настроений израильских арабов. За годы раздельного существования палестинцы в границах «зеленой черты» и за ее пределами превратились в две во многом различные группы населения. Впервые со времен войны 1948–1949 гг. психологическая проблема двойственности самосознания арабского меньшинства Израиля снова проявилась со всей остротой: «Мой народ находится в состоянии войны с моим государством»⁴⁸.

В результате Шестидневной войны под контролем Израиля оказались значительные территории, руководство страны не приняло решения о распространении на них израильской юрисдикции. Так сложилась беспрецедентная в современном мире ситуация, во многом продолжающаяся до сих пор: под контролем израильских войск находятся земли, даже с израильской точки зрения не являющиеся частью территории страны, на которых живут люди, 90% которых не имеют израильского гражданства. Единственной категорией жителей Западного берега (Иудеи и Самарию) и сектора Газа, имеющих израильское гражданство, являются еврейские поселенцы. Кроме Восточного Иерусалима, израильская юрисдикция была распространена только на Голанские высоты (специальным законом, принятым Кнессетом 15 декабря 1981 года). Синайский полуостров был в 1979–1982 гг. поэтапно возвращен Египту, в Газе и городах Западного берега в 1993–1995 гг. была создана Палестинская национальная администрация, однако проблема-

тичный статус большей части территорий Иудеи и Самарии остается неурегулированным до сих пор.

В результате Шестидневной войны сложились три категории палестинских арабов, причем их статус практически никак не изменился до настоящего времени. Представители одной категории – палестинские беженцы, покинувшие свои дома в ходе проигранной арабами войны 1948–1949 гг. – живут в различных странах за пределами Израиля. Точная численность палестинских беженцев неизвестна, более или менее достоверные подсчеты позволяют говорить о 550–600 тыс. палестинских арабов, оказавшихся в 1947–1949 гг. в Ливане, Сирии, Иордании, Ираке, Египте и других странах. Однако большинство палестинских беженцев 1947–1949 гг. осело именно на территориях, завоеванных Израилем в ходе Шестидневной войны: на Западном берегу Иордана и в Газе. Сто с лишним тысяч палестинцев, оставшихся на территории Израиля, получили израильское гражданство, а после отмены в декабре 1966 г. режима военных администраций – и более или менее полные гражданские права.

Как отмечает Б.Нойбергер, до 1967 г. преданность израильских арабов государству и их верность своему арабскому происхождению уравновешивали друг друга: в условиях изоляции от соплеменников, под давлением военной администрации арабскому населению пришлось примириться с существующей действительностью. При этом политическая умеренность арабских жителей Израиля в 1949–1967 гг. была обусловлена, по крайней мере отчасти, страхом и отчаянием. Кроме того, политическому «приспособленчеству» в значительной мере способствовало улучшение экономического положения арабского населения в 50–60-х гг. В 1967–1977 гг. израильские арабы перешли на позиции, существенным образом отличающиеся от тех, которые они занимали в предшествующий период. До Шестидневной войны представители арабского сектора чаще всего называли себя израильянами или арабами-израильянами, однако в 70-х годах значительно возрос удельный вес носителей преимущественно палестинского самосознания. Эта радикализация проявилась в первую очередь в электоральной сфере: все больше и больше голосов на выборах стали получать коммунисты и арабские националисты, не связанные с еврейским руководством страны, а поддержка списков во главе с умеренными арабскими старейшинами значительно ослабела⁴⁹.

Как отмечалось выше, палестинцы, проживавшие на территориях, завоеванных в 1967 г., не получили израильского гражданства. Двадцать лет политического и юридического бесправия вызвали интифаду, конца которой не видно, несмотря на всевозможные предложения и уступки, инициированные израильским руководством на протяжении последнего десятилетия.

В конце войны в распоряжении Израиля оказалась вся подмандатная Палестина и, в отличие от 1948 г. лишь незначительное число арабов покинуло захваченные в ходе войны земли. Согласно различным оценкам, в сентябре 1967 г. на оккупированных территориях проживало более миллиона арабских жителей: шестьсот тысяч человек – на Западном берегу реки Иордан, семьдесят тысяч – в Иерусалиме и триста пятьдесят тысяч – в Газе. Сто двадцать тысяч палестинских арабов бежали с контролируемых территорий. Согласно решению израильского правительства от 2 июля 1967 г., им было позволено вернуться в свои дома до 10 августа (впоследствии этот срок был продлен до 13 сентября), однако лишь четырнадцать тысяч человек воспользовались этим правом⁵⁰. Жители западного берега реки Иордан не составляли с жителями сектора Газа однородной массы, поскольку первые находились в довоенное время под властью Иордании, тогда как последние – под властью Египта. И если арабы, населявшие Западный берег, как постоянные жители, так и беженцы, получили иорданское гражданство и имели возможность свободно передвигаться и работать в Иордании, то жители сектора Газа оставались беженцами в полном смысле этого слова. Они не имели египетского гражданства, въезд на территорию Египта им был воспрещен, подавляющее большинство из них не работало и полностью зависело от помощи различных фондов ООН. Такая ситуация была удобна Г.А.Насеру, рассматривавшему Газу как «трамплин» для грядущего освобождения Палестины. Поэтому Газа оказалась после войны основным источником угрозы безопасности Государству Израиль и тем полигоном, где развернулась основная деятельность возникшей за несколько лет до этого Организации освобождения Палестины.

При этом между ситуацией, сложившейся после 1948 г., и послевоенной ситуацией 1967 г. имелись принципиальные различия. Прежде всего, завоеванные в ходе Шестидневной войны территории не были аннексированы, а всего лишь удерживались Израилем в качестве своеобразного «залога». Кроме

того, единственной израильской властью, которая распространялась на Западный берег и на сектор Газа, была власть военной администрации. Муниципальные и судебные органы, а также общинные, религиозные и образовательные организации продолжали находиться под сильным влиянием иорданских и египетских властей. Арабы Западного берега пребывали (и в значительной мере пребывают по сей день) между молотом военной администрации и наковальней иорданского влияния, сектор Газа и вовсе служил очагом палестинского национального сопротивления, рассадником антиизраильских настроений и контролировался ООП.

За несколько дней до начала Шестидневной войны в Израиле было впервые создано правительство Национального единства, возглавляемое Леви Эшколем. Однако, как уже было сказано, единственным «приобретением», по поводу которого в израильском правительстве не имелось ни малейших разногласий, был Восточный Иерусалим. Что же касается всех остальных территорий, то они стали (и продолжают оставаться) предметом бурных дебатов. Мнения ведущих государственных деятелей по этой проблеме различались принципиальным образом. До 1967 г. все вопросы, относящиеся к сфере национальной безопасности, служили мощнейшим объединяющим фактором в израильской общественно-политической жизни. Как отмечал Л. Фейн в своей изданной в 1967 г. книге «Политика в Израиле», «внешняя угроза дает Израилю подлинный источник единства, составляет проблему столь первостепенную и не подлежащую обсуждению, что все прочие противоречия оказываются несущественными»⁵¹. Однако после Шестидневной войны именно сфера безопасности стала ареной наиболее жаркой публичной полемики. Сразу после окончания войны в резолюции, принятой 19 июля 1967 г., правительство Израиля выразило готовность уйти с большей части занятых в ходе боевых действий территорий (а именно, с Синайского полуострова и Голанских высот) в обмен на подписание мирного соглашения с Египтом и Сирией. По поводу Западного берега реки Иордан и сектора Газа в этой резолюции ничего не было сказано, однако именно они являлись предметом основных разногласий. Л.Эшколь и А.Эвен не выходили за рамки провозглашения общих принципов, тогда как Моше Даян высказывался вполне определенно. В интервью, записанном еще до окончания боев, М.Даян сформулировал предложения по урегулированию конфликта, первый пункт которых гласил: ни

полоса Газы, ни Западный берег не будут возвращены. Более того, после посещения Газы 5 июля Даян заявил: «Полоса Газы должна стать составной частью Израиля»⁵². Игаль Алон высказался еще более жестко. По его мнению, следовало добиться демилитаризации Синайского полуострова, удержать Западный берег, объединенный Иерусалим и Голанские высоты. Границы Израиля должны совпадать с границами подмандатной Палестины, поскольку исторически сектор Газа никогда не был частью Египта, а Западный берег – частью Трансиордании⁵³.

Однако даже предложения о полном возврате Синайского полуострова и Голанских высот не повлияли на категорический отказ арабских стран вести переговоры с Израилем. Арабские государства ответили на протянутую руку мира тремя «нет» хартумской конференции. Заменявшая Леви Эшколя в 1969 г. на посту главы правительства Голда Меир отличалась более «ястребиными взглядами», чем ее предшественник. В период правления Голды Меир и Моше Даяна (занимавшего в 1967–1974 гг. ключевой пост министра обороны) мирные инициативы Л.Эшколя были преданы забвению. Предложения об отступлении из Синая в обмен на подписание израильско-египетского мирного договора, сделанные в 1969–1971 гг. государственным секретарем США Уильямом Роджерсом и выступавшим от имени ООН шведским дипломатом Гуннартом Яррингом, на этот раз были отвергнуты израильским руководством. В нем возобладало мнение, что поскольку ни Газа, ни Западный берег не являются историческими частями Египта и Иордании и оказались в их составе лишь в результате войны 1948–1949 гг., то их присоединение к Израилю в результате новой войны вполне может быть оправдано. Кроме того, утверждалось, что в этой войне Израиль не был агрессором, а коли так, то и не должен возвращать захваченные территории.

Действительно, израильскому удару по египетскому военно-воздушному флоту предшествовало размещение египетских войск вдоль Суэцкого канала, изгнание сил ООН, призванных обеспечивать условия перемирия между Израилем и Египтом, а также блокада Тиранского пролива, которая перекрывала доступ к Эйлатскому порту. Утверждалось, что все это было равнозначно объявлению войны, и если бы Израиль не нанес удара первым, это поставило бы под угрозу само его существование. Руководители страны подчеркивали не только стратегическую значимость Иудеи и Самарии для обеспечения обороны Израиля,

но и их важность в контексте многовековой истории еврейского народа (в этой связи особенно акцентировалась связь еврейского народа с городом Хеврон). Началось поселенческое движение, арабские страны стали готовиться к новой войне, а надежды на мирное урегулирование умерли, едва зародившись.

Непримиримость арабского мира привела к ужесточению израильского общественного мнения. Все большее число израильтян приходило к выводу, что единственным средством обеспечения безопасности является удержание тех позиций, которые были завоеваны в ходе Шестидневной войны. Это выразилось, в частности, в опубликованной 3 августа 1969 г. декларации руководства правящей Партии труда, в которой подчеркивалось, что весь юго-восточный берег Синайского полуострова «должен быть соединен с Израилем»⁵⁴. Примечательно, что эту декларацию подписал даже такой умеренный политический деятель, как Абба Эвен.

Уже в начале 1968 г. сотрудники израильской военной администрации стали предпринимать шаги по созданию поселений, что было названо впоследствии политикой «свершившихся фактов». В апреле того же года тогдашний глава генштаба Хаим Бар-Лев заявил в интервью: «В следующем году мы продолжим заселение территорий. Это очень важно с точки зрения нашей безопасности...»⁵⁵. Были составлены карты, на которых было отмечено 35 новых поселений, три из которых намечалось построить в Синае, четыре – на Западном берегу реки Иордан и девять – на Голанских высотах. И если на Голанских высотах и в Синае поселенческая политика не могла встретить особого сопротивления, то на Западном берегу реки Иордан еврейским поселенцам пришлось иметь дело с многочисленным арабским населением.

Следует отметить, что еще в 1967 г. Леви Эшколь предпринял попытку обсудить ряд возможностей сепаратного мирного урегулирования, если не с Иорданией, то по крайней мере с палестинцами, живущими на Западном берегу. Имелось несколько вариантов: соглашение об автономии при сохранении связей с Амманом; федерация с Израилем; создание независимого палестинского государства на Западном берегу Иордана. Глава правительства Леви Эшколь сказал: «Я начал с автономии, но если выяснится, что это невозможно, [палестинцы] получат независимость»; позже в ходе того же обсуждения

Л.Эшколь добавил: «Мною движут два фактора: безопасность и демография».

Заместитель главы правительства Игаль Алон, среди прочего, говорил: «Я думаю о возможности создания независимого арабского (палестинского) государства, создаваемого с согласия Израиля и со всех сторон окруженного израильскими территориями». Схожей была и позиция Моше Даяна: «Если бы сегодня ко мне пришли представители арабов с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа и предложили мне вести переговоры о создании палестинского государства, я бы не посоветовал отклонить их предложение»⁵⁶. В ноябре 1967 г. Л.Эшколь решил внимательно изучить возможности мирного прорыва на палестинском направлении. На тайной встрече в Лондоне с королем Хусейном А.Эвен объявил о готовности Израиля вывести свои войска со значительной части территорий Западного берега. Хусейн со своей стороны готов был принять эти предложения, однако египетские и сирийские руководители воспрепятствовали его попыткам достичь сепаратного соглашения с Израилем.

Сам Л.Эшколь провел восемь встреч с палестинскими лидерами, однако пришел к выводу, что возможности мирного прорыва на палестинском направлении не существует. Вместе с тем на определенном этапе контактов (в мае 1968 г.) израильские и палестинские лидеры были очень близки к достижению частичного соглашения. Речь шла о создании палестинского гражданского самоуправления (другими словами, о гражданской автономии), которое будет учреждено (в качестве первого этапа) в Хевронском округе. В случае успеха гражданская автономия должна была распространиться и на другие округа.

На должность главы «арабского гражданского самоуправления» предполагалось назначить Мухаммеда Али аль-Джабари, в то время главу хевронского муниципалитета. В результате переговоров между ним и израильским правительством был сформулирован текст, утвержденный главой правительства, министром юстиции, министром обороны, министром иностранных дел и министром полиции. 12 июля 1968 г. глава правительства собрал заседание узкого кабинета министров, посвященное данному вопросу. На этом заседании Моше Даян заявил: «До тех пор, пока мы не достигнем между собой окончательного согласия, мы не должны вести переговоры с Джабари о его полномочиях как «гражданского губернатора». «Я не хочу продавать ему кота в мешке», – сказал М.Даян. Глава

правительства, а также министры А.Эвен и Э.Сассон присоединились к позиции М.Даяна. Моше Сассон, будущий первый посол Израиля в Египте, обратил внимание членов правительства на то, что любая отсрочка может привести к тому, что сведения о готовящемся соглашении попадут в средства массовой информации, и сказал: «Ведь все мы знаем, что многие арабские руководители – и на Западном берегу, и в Иордании – будут всеми силами сопротивляться заключению подобного соглашения и сделают все, чтобы его провалить. Поэтому в данном случае главным является фактор времени. Только чудо предотвратило просачивание сведений о переговорах, ведущихся нами в течение последних трех месяцев»⁵⁷. Л.Эшколь проявил понимание опасности «фактора времени» и поручил М.Сассону и полковнику Ш.Газиту составить проект списка полномочий, которые будут даны Джабари и его администрации – для его последующего обсуждения с самим Джабари. Однако не прошло и двух недель, как по иорданскому радио было передано специальное сообщение главы правительства Иордании Бахжата аль-Тахалуни, в котором говорилось, что Иордания уверена, что планы и шаги сионистского врага противоречат международному праву, и что эти планы не найдут отклика в душе иорданских граждан, проживающих на Западном берегу реки Иордан. В сообщении также говорилось, что любой, кто согласится сотрудничать с сионистским империалистическим планом, будет в глазах Иордании предателем.

М.Сассон попросил направиться в Амман известного деятеля с Западного берега, чтобы выяснить, кто стоял за данным сообщением и каковы его мотивы. Вернувшись, этот человек сообщил, что извещение передано по личному указанию короля Хусейна, ибо король был уверен, что создание гражданской автономии будет первым шагом на пути к созданию палестинского государства и, таким образом, настанет конец надежде когда-нибудь возвратить Западный берег, которую он столько времени лелеял. Сегодня в это трудно поверить, но факт остается фактом: именно король Хусейн занес меч над планом палестинской гражданской автономии на Западном берегу и в Газе.

Потерпев неудачу на переговорах с представителями Иордании, Л.Эшколь предпринял попытку обратиться к местным старейшинам, но уже к 1969 г. стало ясно, что идея создания автономной палестинской администрации неосуществима, поскольку в период иорданского правления территория Западного

берега была разбита на обособленные провинции, каждая из которых представляла собой отдельную территориальную единицу. Л.Эшколь вынужден был констатировать, что их позиции столь кардинально различались между собой, что найти взаимоприемлемое решение не представлялось возможным. Таким образом, идея палестинской автономии была оставлена, а 20 августа 1971 г. Моше Даян сформулировал новое положение, согласно которому Израиль должен рассматривать себя в качестве хозяина территорий, «планирующего и реализующего все, что поддается осуществлению, не размышляя понапрасну о достижении мира, который, может быть, еще очень далек»⁵⁸.

Следует отметить, что Шестидневная война оказалась едва ли не последней по-настоящему победоносной войной в истории Государства Израиль. Хотя и в последующих войнах израильские войска добивались поставленных политическим руководством целей (ЦАХАЛ закончил Войну Судного дня на подступах к Каиру и Дамаску, а в ходе Ливанской войны оккупировал Бейрут), это была последняя кампания, в ходе которой армия и до, и во время, и после боевых действий пользовалась безоговорочной поддержкой населения.

Более того, в ходе Шестидневной войны инициатива в проведении военных операций принадлежала именно армейскому командованию, тогда как политическое руководство пребывало в неуверенности по поводу того, как следует поступать Израилю. За несколько дней до начала войны тогдашний командующий ВВС Э.Вейцман в гневе покинул совещание у Л.Эшколя, сорвав с себя погоны и бросив их на стол премьер-министра, опасавшегося отдать приказ о бомбардировке египетских объектов. Находившийся в тот момент в кабинете главы правительства министр юстиции Моше Шапира при таком проявлении негодования даже заплакал. Сам Э.Вейцман вспоминал впоследствии: «Запах пороха стоял в воздухе. Мы были уверены: если не нанести упреждающий удар, эту войну нам не выиграть. Я пришел к Эшколю и сказал ему: в Вашем распоряжении готовая к бою, хорошо оснащенная и обученная армия. Только отдайте приказ, и мы на крыльях понесемся к победе. Эшколь молча выслушал меня. Я направился к выходу. По пути я сорвал с плеч погоны и бросил их в сторону стола премьер-министра. Я хотел сказать этим нечто; теперь мне уже трудно сформулировать, что именно. Это была демонстрация, эмоциональный всплеск»⁵⁹. Этот инцидент был тяжелым и в опре-

деленном смысле – проигранным экзаменом для израильской демократии (вдова Л.Эшколя называет бунт генералов «настоящим путчем»⁶⁰). Едва ли когда-либо впоследствии военные играли столь весомую роль в ходе принятия политическим руководством судьбоносных для страны решений. При этом масштабы военной победы не вызывали сомнения: всего за шесть дней израильские войска овладели огромными территориями, при этом число жертв с израильской стороны было намного ниже, чем с арабской: в Синае и в Газе погибли 338 израильтян и не менее 9800 египтян, на Голанских высотах – 141 израильский и не менее 500 сирийских солдат, на иорданском фронте – 300 израильских и 800 иорданских солдат⁶¹. Израильские ВВС потеряли сорок шесть самолетов, арабские страны, участвовавшие в войне, – 452⁶².

Из всех арабских стран наибольший ущерб в результате Шестидневной войны понес Египет. Первые же известия о неудачах на фронте вызвали серьезный правительственный кризис. 9 июня, когда еще шли бои на сирийском фронте, Г.А.Насер выступил с речью, в которой сообщил о своем уходе в отставку со всех занимаемых им постов. Командование вооруженными силами Египта принял на себя командир Синайской армии генерал Мортаджи, а премьер-министром был назначен начальник тайной полиции Захария Мохизддин. Иностранные политические обозреватели уже начали рассуждать о перспективах политического курса новых лидеров Египта, но Насер уже 10 июня объявил, что «под давлением масс» принял решение остаться у руля власти. Возможно, большую роль в готовности Насера отменить свою отставку сыграла решительная поддержка, оказанная ему Советским Союзом. После визита в Египет председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного 25 июня был открыт «воздушный мост», по которому египетская армия стала получать новую советскую военную технику взамен потерянной в боях. Египет в первые же дни после войны пытался сплотить арабский мир по двум вопросам: продолжение эмбарго на поставки нефти в Великобританию и США и приверженность решению не вступать с Израилем ни в какие переговоры. Но страдающая от невозможности найти альтернативные рынки сбыта Саудовская Аравия уже 14 июня возобновила поставки нефти в Великобританию.

Египет стремился не допустить превращения зоны Суэцкого канала в постоянную линию прекращения огня. К этому же

тяготел президент Алжира Бумедьен, проведший 12 июня в Москве специальные переговоры на эту тему с председателем Совета министров СССР А.Н.Косыгиным. Но советская сторона явно «прощупывала» реакцию мирового общественного мнения на израильскую победу. После посещения Н.В. Подгорным Белграда по пути в Каир югославская газета «Борба» сообщила, что советские руководители займут реалистическую позицию: они пришли к выводу, что нет шансов ликвидировать последствия израильской победы до тех пор, пока арабы не согласятся на мирные переговоры, не признают факта существования Израиля и не сделают ему ряд уступок по проблеме прохода судов по Суэцкому каналу и Тиранскому проливу.

Начало Шестидневной войны стало результатом целого ряда факторов, и ни один из политических и военных лидеров – ни на Ближнем Востоке, ни за его пределами – не контролировал ситуацию полностью. Как пишет М.Орен, «даже хаос имеет определенный контекст. Только в условиях арабо-израильского конфликта столь разнородные элементы, как сирийский радикализм, политиканство израильского руководства, междоусобная вражда в арабском мире, американская озабоченность вьетнамской проблемой, советские опасения и египетские амбиции смогли породить цепную реакцию, кульминацией которой явилась Шестидневная война»⁶³. Парадоксальным образом важнейшая из арабо-израильских войн стала результатом фатальных несовпадений между подлинными интересами израильских и арабских лидеров и той политикой, которую они вольно или невольно проводили в жизнь.

В апреле 1967 г. от представителей Советского Союза поступило ложное предостережение о том, что израильские войска собираются вторгнуться на египетскую территорию. Эта дезинформация была повторена и в ходе визита египетской делегации во главе со спикером Национальной ассамблеи А.Садатом, прибывшей в Москву 13 мая 1967 года. Называлась и конкретная дата планировавшегося нападения: 17 мая; эту информацию воспроизвели и представители советского посольства в Египте. И хотя, по свидетельству египетского фельдмаршала Мухаммеда эль-Гамаси, тогдашний начальник Генерального штаба египетской армии Мухаммед Фаузи вспоминал, что «у нас не было никаких конкретных свидетельств, подтверждающих полученную информацию, – напротив, кадры аэрофотосъемки от 12 и 13 мая продемонстрировали отсутствие каких-либо передислокаций

израильских войск относительно их обычных рубежей»⁶⁴, – египетские руководители приняли стратегическое решение о подготовке к войне. Предложение Л.Эшколя советскому послу о совместной инспекционной поездке в район израильско-египетской границы было отклонено.

При этом советские руководители вовсе не были заинтересованы толкать арабские страны на полномасштабную военную конфронтацию с Израилем, но надеялись вовлечь США в еще одну авантюру, аналогичную той, в которой американцы уже погрязли во Вьетнаме. Хотя сам Г.А.Насер не был уверен в способности своей армии победить Израиль, бескомпромиссная ястребиная позиция вице-президента и главнокомандующего египетских войск Абд-эль Хахим Амера, считавшего, что арабскому миру представилась великолепная возможность «избавиться от Израиля раз и навсегда», оставляла ему не так много возможностей для маневра. Г.А.Насер опасался, что если А.Х.Амер сумеет перехватить инициативу, то его личная власть окажется под серьезной угрозой. И Г.А.Насер, и А.Х.Амер были многоопытными политическими игроками, неоднократно тайно встречавшимися с израильскими политиками и военными (например, в декабре 1965 г. А.Х.Амер принимал в Каире тогдашнего руководителя Моссада Меира Амига⁶⁵), однако тяжелый внутренний и внешнеполитический кризисы привели их к решению резко активизировать антиизраильскую риторику. Отношения между Египтом и Иорданией (равно как и между Египтом и Саудовской Аравией) были, казалось, безнадежно испорчены, в своей речи 1 мая 1967 г. Г.А.Насер назвал короля Иордании Хусейна «лакеем империалистов», а уже несколько недель спустя руководители двух стран подписали договор о военной взаимопомощи. Г.А.Насер верно рассчитал, что раскручивание маховика антиизраильской пропагандистской машины резко повысит его статус как внутри страны, так и в арабском мире в целом.

Предупреждение советского посла о концентрации израильских войск у сирийской границы предоставило Насеру искомый шанс поправить свое положение и вернуть себе репутацию защитника и спасителя арабов. Подогреваемый своим генералитетом и полученной от Советского Союза ложной информацией (не следует забывать и того факта, что Г.А.Насер зависел от поставляемого Советским Союзом оружия), Г.А.Насер переправил египетские войска на Синайский полуостров и сосредоточил их в непосредственной близости от израильской границы. Не-

смотря на требования А.Х.Амера, Г.А.Насер поначалу вовсе не планировал наносить удар по Израилю. Он рассматривал этот шаг как предупреждение Израилю на случай агрессивных поползновений последнего. Однако, не зная подробности закулисных перипетий, способствовавших эскалации напряженности в регионе, население арабских стран, прежде всего Египта, Сирии и Иордании, начало видеть в происходящем приближение долгожданного «джихада». Правящая в Сирии военная хунта пользовалась достаточно ограниченной поддержкой населения и удерживала власть в основном при помощи репрессивных методов, которые при отсутствии идеологической подпорки были весьма ненадежными.

В Иордании тридцатилетний король Хусейн находился в еще более сложной ситуации. В отсутствие «внешних раздражителей» опирающаяся на бедуинское меньшинство монархия в окружении враждебного палестинского большинства не могла продержаться долгое время. И король Хусейн, который в 1951 г. был свидетелем смерти своего дедушки короля Абдаллы I от рук палестинских убийц, осознавал это лучше, чем кто бы то ни было. Следует заметить, что после Войны за независимость из всех арабских государств только одно – Трансиордания короля Абдаллы – готово было признать за Израилем право на существование. Израильские представители неоднократно встречались с королем Абдаллой еще до начала переговоров о прекращении огня, а также в ходе работы «комиссии примирения», организованной Генеральной Ассамблеей ООН в Лозанне. Эти встречи ни к чему не привели – соглашение так и не было подписано. Сам король Абдалла утверждал, что основной причиной провала переговоров является сопротивление англичан подобному шагу: «Сэр Алек Кэркбрайд, британский министр в Трансиордании, не считает возможным, чтобы Иордания заключила такого рода соглашение с Израилем, пока этого не сделали другие арабские государства, в первую очередь Египет»⁶⁶. И все же было достигнуто если и не официальное соглашение, то по крайней мере признание обоюдных интересов Израиля и Иордании. Во-первых, таким интересом являлось сохранение Западного берега реки Иордан под властью хашемитской династии, а не под властью какого-либо другого арабского государства или палестинцев. Еще более важной целью было сохранение статус-кво в Иерусалиме. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г., согласно

которой и было основано Государство Израиль, предусматривала учреждение режима международного контроля над Иерусалимом. Предложение об установлении такого режима было впервые выдвинуто в секретном соглашении Сайкса-Пико в 1916 г. и повторено в секретном плане, принятом британским кабинетом министров в 1944 г.⁶⁷

Именно этот подход был поддержан в 1947 г. большинством членов специальной комиссии ООН по палестинскому вопросу. В резолюции Генеральной Ассамблеи, среди прочего, говорилось: «Район Иерусалима будет отдельной единицей (*corpus separatum*) под особым международным управлением. Власть в нем будет осуществляться ООН. Исполнительная власть от имени ООН будет принадлежать специальному попечительскому совету»⁶⁸. В 1949 г. повторное требование о введении режима международного управления в Святом городе было выдвинуто на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В этих условиях негласная договоренность между Израилем и Иорданией в отношении Иерусалима являлась выгодной для обеих сторон. Король Абдалла удерживал большую часть святых для мусульман мест и вовсе не стремился передавать их в руки какой-либо международной организации.

Что же касается Израиля, то поскольку Д.Бен-Гурион открыто пренебрег решением ООН, постановив, что Иерусалим является столицей еврейского государства и местопребыванием правительства, у израильской стороны не было ни малейшего интереса делать эту тему предметом повторного рассмотрения. Израильские руководители – Давид Бен-Гурион, Моше Шарет и Моше Даян – придавали огромное значение этим переговорам и искренне верили в то, что мирное соглашение с Иорданией будет подписано в ближайшем будущем. Однако их надеждам не суждено было сбыться. 20 июля 1951 г. король Абдалла был убит, что вызвало массовое ликование во всех арабских странах. И так как сепаратные переговоры с Израилем являлись одной из основных причин трагической смерти короля Абдаллы, это происшествие имело далеко идущие последствия. Стало ясно, что любой арабский руководитель, который придерживается в отношении Израиля иной линии, нежели весь арабский мир, подвергает себя смертельной опасности. Этот урок в полной мере был воспринят королем Хусейном и оказал решающее влияние на его поведение в ходе Шестидневной войны.

Эскалация израильско-палестинско-иорданского противостояния произошла после того, как 10 ноября 1966 г. трое израильских полицейских подорвались на mine, заложенной боевиками ФАТХ неподалеку от Хеврона. Король Иордании Хусейн через американского посла в Тель-Авиве направил израильскому правительству соболезнования по поводу случившегося. Однако письмо посол получил как раз перед наступлением субботы и решил подождать с его передачей еще сутки. Промедление оказалось роковым, поскольку именно в эту субботу Израиль решил предпринять акцию возмездия против деревенских жителей Западного берега реки Иордан, которые, предположительно, укрывали у себя террористов. Израильские подразделения, посланные на эту акцию, столкнулись с иорданскими солдатами близ города Саму. Стычка завершилась потерями с обеих сторон. Палестинцы, вместо того чтобы искать у короля Хусейна защиты от израильских войск, подняли против него восстание, которое было жестоко подавлено иорданским легионом. Этот эпизод послужил толчком к эскалации конфликта, поскольку обострил отношения между палестинским населением Иордании и королем Хусейном, а также настроил последнего против Израиля⁶⁹.

Как пишет Майкл Орен, «кроме одного единственного шага – уничтожения египетской авиации, никакой другой этап этого конфликта не был заранее спланирован»⁷⁰. Израиль одним ударом полностью уничтожил египетские военно-воздушные силы, которые не успели даже подняться в воздух и оказать какое бы то ни было сопротивление, затем двинул бронетанковые войска в направлении Суэцкого канала и захватил сектор Газа. После атаки на египетском и сирийском направлениях, когда расклад сил стал предельно ясен, Израиль предложил королю Хусейну остаться в стороне и не ввязываться в конфликт. Однако тот предпочел конфронтацию с Израилем противоборству со своими подданными.

После того, как египетские ВВС были уничтожены, дороги на юг и запад Синайского полуострова расчищены, Израиль тем не менее воздерживался от публикации военных коммюнике. Однако каирское радио не переставало выдавать сообщения о беспрецедентных победах египетской армии, о полном уничтожении израильских сухопутных и военно-воздушных сил и о том, что бронетанковые колонны уже находятся на пути к Тель-Авиву. Эти сообщения воспринимались в арабском мире с полным до-

верием, именно они явились тем решающим фактором, который заставил три других вовлеченных в конфликт государства – Сирию, Иорданию и Ирак – вступить в бой. Сирия предвкушала возможность нанесения завершающего удара, который положил бы конец существованию Израиля. Еще до начала войны ее генеральный штаб разрабатывал планы, в соответствии с которыми сирийские дивизии должны были спуститься с Голанских высот, захватить Восточную Галилею, а затем двинуться на Хайфу. Однако с началом военных действий Сирия предпочла позицию выжидания, ограничиваясь обстрелом израильских приграничных поселений. Ночью 5 июня израильская авиация вывела из строя сирийские ВВС и разрушила посадочные полосы, но, несмотря на столь явное свидетельство сомнительной достоверности исходящих из Египта новостей, сирийские пехотные и бронетанковые дивизии предприняли две атаки – на Тель-Дан и против киббуца Шаар-Йешув. Этот просчет, как известно, дорого обошелся сирийцам.

Иордания так же, как и Сирия, просчиталась, поверив в истинность египетских военных коммюнике. Позднее король Хусейн признавался: «Нас дезинформировали относительно того, что произошло в Египте после атаки израильской авиации. Эти, мягко говоря, фантастические сообщения весьма повлияли на нашу оценку всей ситуации»⁷¹. Исходя из этой оценки, король Хусейн разрешил египетскому генералу Риаду, командовавшему иорданской армией, начать наступление на израильскую часть Иерусалима и обстрел израильских городов. При этом еще до отдачи приказа о наступлении Хусейн получил сообщение от израильского премьер-министра Леви Эшколя, в котором содержался призыв воздержаться от военных действий. Однако король Иордании проигнорировал его. Иорданская артиллерия весь последующий день обстреливала пригороды Тель-Авива, а также аэропорт в Лоде. Основной целью Хусейна являлся, разумеется, западный Иерусалим. В ходе нескольких часов артиллерийского обстрела 250 иерусалимских жителей были ранены и 20 человек убиты. Однако командующий иерусалимским фронтом Узи Наркис получил приказ не наносить ответного удара до тех пор, пока Иордания не начнет широкомасштабного наступления. Тем не менее израильская авиация, не дожидаясь иорданской атаки, в тот же день уничтожила иорданский военно-воздушный флот. Получасом позже Арабский легион перешел линию размежевания и захватил

штаб-квартиру ООН, которая располагалась к югу от Старого города Иерусалима. Эта ошибка стоила королю Хусейну потери всего Западного берега реки Иордан, который уже, вероятно, никогда не будет возвращен Иордании.

Ситуация, которая сложилась в трех граничащих с Израилем арабских странах накануне Шестидневной войны, отчетливо демонстрирует, насколько опасными являются авторитарные режимы, склонные ввязываться в военные и внешнеполитические авантюры, дабы умерить напряженность в своих странах и сохранить собственную власть в неприкосновенности. Израильским руководителям следует помнить об этом и сейчас, ибо их партнерами по переговорам по-прежнему являются лидеры стран, которые никак нельзя назвать демократическими. На протяжении пятнадцати лет (!) Г.А.Насер и король Хусейн вели переговоры с израильскими представителями (как до них – король Фарук и король Абдалла), однако изменение внутри- и внешнеполитической ситуации подвигло их к решению попытаться в прямом смысле слова сбросить Израиль в море. Расстояние от переговоров до войны оказалось необычайно коротким.

Шестидневная война имела серьезные последствия не только для Израиля и арабских стран, но и для двух сверхдержав – США и СССР, – преследовавших свои собственные интересы на Ближнем Востоке. Как писали Р. и У.Черчилль, «победа Израиля означала крупное поражение не только для арабского мира, но и Советского Союза»⁷². На протяжении двадцати лет СССР старался свести к минимуму военное, политическое и экономическое влияние западных стран на Ближнем Востоке и прежде всего влияние США. В свое время это послужило причиной того, что Советский Союз одним из первых признал государство Израиль.

Однако начиная с 1955 г. внешняя политика СССР была переориентирована на поддержку арабских стран. Ущерб, нанесенный Советскому Союзу сокрушительным поражением арабских стран как с экономической точки зрения, так и с точки зрения престижа превосходил по своим масштабам даже кубинский кризис. По окончании войны западный мир всерьез был обеспокоен возможностью того, что СССР не пожелает мириться с созданным положением и попытается путем военной интервенции изменить ход событий подобно тому, как это сделали США во Вьетнаме. С точки зрения СССР, ситуация усугублялась еще и тем, что в Египте и в Ираке была запрещена деятельность

коммунистической партии, а многие ее активисты оказались за решеткой. Единственным ближневосточным государством, которое прочно вошло в советскую орбиту, была Сирия. Создавалось впечатление, что выступавший под социалистическими лозунгами режим партии БААС, пришедший к власти после переворота в феврале 1966 г., являлся единственным надежным партнером СССР. В то время как в Ираке и Египте коммунистические партии были запрещены, в Сирии в состав кабинета входили два коммуниста, крупные предприятия были национализированы, а несколько лидеров помоложе получили направления в Москву обучаться на «курсах молодых руководителей». В общем, наблюдались явные признаки превращения Сирии в первое прокоммунистическое государство в арабском мире.

По этой причине основным интересом Советского Союза накануне Шестидневной войны было воспрепятствовать перерастанию напряженности на израильско-сирийской границе в открытое вооруженное столкновение. Сирия искала советской поддержки, и отказать ей означало бы для СССР лишиться единственной надежной опоры на Ближнем Востоке. Вместе с тем нельзя было допустить полномасштабной войны между Израилем и Сирией, поскольку за Израилем стояли США, а конфронтация с ними была для Советского Союза крайне нежелательна. Необходимо было переключить внимание израильтян на Египет, и именно с этой целью Насеру была передана ложная информация о концентрации израильских войск на сирийской границе. Советские руководители полагали, что египетский лидер ограничится размещением своих войск на границе с Израилем, однако он зашел значительно дальше, что обошлось чрезвычайно дорого не только ему, но и Сирии.

Что же касается США, то после закрытия Египтом Тиранского пролива президент Л.Джонсон выступил с рядом более чем резких заявлений в отношении Египта, однако никаких практических шагов по разрешению конфликта предпринято не было. В ходе переговоров с министром иностранных дел Израиля Аббой Эвеном, которые состоялись 26 мая 1967 г., Л.Джонсон бурно выражал свои симпатии к Израилю: «Я хочу увидеть, – говорил он, – как небольшой бело-голубой флаг будет снова реять в этих проливах»⁷³. При этом президент уклонился от взятия на себя каких бы то ни было конкретных обязательств. Положение Л.Джонсона внутри страны было чрезвычайно трудным. С одной стороны, отказ осудить блока-

ду навлек бы на него нападки со стороны израильских кругов. С другой стороны, большинство в Конгрессе придерживалось мнения, что Америке достаточно одной войны. Поэтому Л.Джонсон не мог рассчитывать на поддержку Конгрессом какой бы то ни было односторонней акции. В этих условиях было более чем естественным, что американский президент стремился избежать конфронтации с Советским Союзом, которая неизбежно повлекла бы за собой вмешательство США. Американские представители попросили А.Эвена подождать дней десять, чтобы подготовить совместную декларацию морских держав, которая подтвердила бы право на свободное судоходство в Тиранском проливе. Однако этому проекту не суждено было осуществиться, поскольку ни одна морская держава не хотела портить отношения с арабскими странами. Таким образом, лихорадочные дипломатические усилия, предпринятые Аббой Эвеном, в конечном итоге ни к чему не привели.

В свете всего сказанного можно без преувеличения отметить, что Шестидневная война развертывалась в двух измерениях, в значительной мере существовавших независимо друг от друга. С одной стороны, Шестидневная война явилась вполне закономерным результатом эскалации арабо-израильского конфликта, в котором арабской стороне в качестве конечной цели ее действий виделось уничтожение Израиля, тогда как еврейская сторона хотела лишь одного – избавиться от нависшей над ней перманентной угрозы уничтожения. С другой стороны, эта война являлась фрагментом глобальной геополитической игры между двумя сверхдержавами – США и Советским Союзом. СССР, стремясь при помощи Сирии – своего наиболее перспективного на тот момент союзника – утвердиться на Ближнем Востоке, вольно или невольно явился инициатором вооруженного столкновения между Израилем и арабским миром. Аналогичным образом США рассматривали Израиль как средство реализации своих собственных геополитических устремлений и были вынуждены соотносить каждый свой шаг с предполагаемой реакцией СССР. Именно поэтому американское руководство всячески старалось удержать Израиль от нанесения превентивного удара. Никто не мог предполагать, что Израиль так быстро расправится со своими противниками, и если бы война оказалась более затяжной, «израильская агрессия» вполне могла послужить поводом для военного вмешательства Советского Союза.

Кроме того, лидеры арабских стран – Египта и в особенности Сирии, – пребывая в полной зависимости от СССР в плане поставок оружия и экономической помощи, вынуждены были подыгрывать «старшему брату» и мотивировать неприятие Израиля вовсе не религиозными соображениями, а тем, что еврейское государство является якобы проводником «империалистической» политики США на Ближнем Востоке. Однако среди населения арабских стран такого рода мотивы не пользовались особой популярностью, его ненависть к Израилю и Америке носила преимущественно не антиимпериалистический, а именно религиозный характер. Таким образом, существовал значительный разрыв (который, возможно, послужил одной из основных причин сокрушительного поражения арабского мира) между тем, как воспринимали эту войну рядовые жители арабских стран, и теми мотивами, которыми руководствовались непосредственные участники событий.

17 июня 1967 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН А.Н.Косыгин от имени Советского Союза предложил принять резолюцию, в которой, помимо осуждения Израиля и требования вывести войска, содержался призыв к Совету Безопасности «принять безотлагательные эффективные меры по ликвидации всех последствий израильской агрессии»⁷⁴. Когда после выступления советского премьер-министра слово взял министр иностранных дел Израиля Абба Эвен, чтобы опровергнуть советские обвинения, А.Н.Косыгин и А.А.Громыко демонстративно покинули зал заседаний. Советская резолюция была отклонена, так же как и аналогичная резолюция, неоднократно предлагаемая СССР Совету Безопасности во время войны.

4 июля 1967 г. на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН были предложены, кроме советской, еще две резолюции: югославская и латиноамериканская. За советскую резолюцию проголосовало 22 члена ООН из 120. За югославскую, призывающую Израиль вернуться к линиям перемирия 1948 года и подписать вместе с арабами декларацию о прекращении состояния войны, – 53 голоса. За латиноамериканскую, увязывающую вывод израильских войск с заключением соглашения между странами Ближнего Востока, – 57 голосов. Таким образом, ни одному из проектов резолюции не удалось набрать необходимого большинства в 2/3 голосов.

Как отмечает Говард Сакер, «мало кто из дипломатов надеялся, что советская или американская резолюция соберет

большинство в две трети голосов, необходимое для утверждения на Генеральной Ассамблее. В лучшем случае пройти могла компромиссная формулировка»⁷⁵. В конце концов, с помощью большинства членов Совета Безопасности такая формулировка была выработана и 22 ноября 1967 г. принята Советом Безопасности в качестве резолюции № 242. В нескольких пунктах текст этой резолюции, составленной на английском языке, был нарочито двусмысленным. Арабы могли ссылаться на такие выражения, как «вывод израильских войск» и «решение проблемы беженцев». Напротив, Израиль подчеркивал отсутствие определенного артикля перед словом «территории», что означало, по его мнению (а также по мнению США), нечто меньшее, чем полный вывод израильских войск со всех занятых территорий. В пользу Израиля говорили также содержащиеся в документе призывы к признанию суверенной целостности государств региона и неприменению силы на Ближнем Востоке, к гарантированию свободы судоходства в международных водах и к направлению в район конфликта представителя ООН, который «способствовал бы соглашению и помог усилиям по достижению мирного и взаимоприемлемого урегулирования». «Резолюция номер 242 обозначила начало нового этапа дипломатических достижений на Ближнем Востоке, – писал индийский представитель в ООН Артур Лалл. – Перспективы ближневосточного мира никогда не были такими обещающими, как в начале 1968 года»⁷⁶. Эта оценка разделялась многими современниками. То была не первая, но и далеко не последняя из дипломатических иллюзий, сопровождавших многолетний поиск разумного и согласованного решения арабо-израильского конфликта.

К сожалению, итоги Шестидневной войны и сегодня, тридцать пять лет спустя, являются тормозом арабо-израильского урегулирования. Механическое отношение к границам 1967 г. приводит к парадоксальной ситуации: святые для евреев города Хеврон и Шхем были полностью переданы под контроль палестинской администрации, в то время как вопрос о возвращении таких городов, как Умм-эль-Фахм и Бака-эль-Гарбиа, так же как и Хеврон и Шхем, населенных почти исключительно арабами, но находящихся внутри пограничной линии 1949 г. (так называемой «зеленой черты») даже и не ставится. При этом как палестинцами, так и международным сообществом, полностью игнорируется тот факт, что за последние тридцать

пять лет в Иудее и Самарии были основаны многочисленные еврейские города и поселки, в которых проживают уже более двухсот тысяч человек. Значительная часть этих поселений расположена компактно и находится в районах, не имеющих историко-символического значения для палестинских арабов. Напрашивается вывод, что интересам обеих сторон отвечал бы взаимный обмен территориями: под палестинский контроль могли бы быть переданы территории, пусть и являющиеся частью суверенной территории Израиля, но населенные исключительно арабами; созданные же за прошедшие годы компактно расположенные еврейские поселения (прежде всего в районе Большого Иерусалима, в Гуш-Эционе и в Иорданской долине) могли бы быть присоединены к Израилю. Рассмотрение подобного предложения могло бы придать новый импульс окончательно застопорившимся израильско-палестинским контактам. Для этого обеим сторонам необходимо задуматься о своих подлинных интересах в настоящее время, освободившись от магического воздействия результата Шестидневной войны и ее последствий.

В декабре 1969 г. Государственный секретарь США Уильям Роджерс предложил план заключения мирного договора между Израилем, Иорданией и Египтом на основе почти полного вывода израильских войск с оккупируемых им территорий. План предусматривал соглашение о прекращении огня на три месяца, но оставлял открытым вопрос о статусе сектора Газы и Шарм-аль-Шейха. Насер, которого стала беспокоить возрастающая политическая зависимость Египта от СССР, проявил готовность принять план Роджерса. Иордания тоже выразила свое согласие с ним. 31 июля 1970 г. Израиль также заявил о своем присоединении к плану Роджерса. Соглашение о прекращении огня между сторонами вступило в силу в полночь 8 августа 1970 г. Это соглашение знаменовало собой реальное, а не формальное окончание Шестидневной войны. Однако перемирие оказалось недолгим; до следующей арабо-израильской войны оставалось лишь чуть более трех лет.

VI. ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ (ОКТАБРЬ 1973 г.) И ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС

Война Судного дня (6 октября – 24 октября 1973 г.) стала логическим продолжением двух предшествующих этапов политики бывшего в тот момент лидером антиизраильской коалиции арабских стран Египта: так называемой Войны на истощение (сентябрь 1968 – июль 1970 гг.) и трехлетнего периода «разрядки» (июль 1970 – сентябрь 1973 гг.) в отношениях двух стран. Причина Войны на истощение заключалась в нежелании египетского руководства мириться с потерей Синайского полуострова, результатом чего, помимо прочего, стало падение престижа Египта в арабском мире. Цели этой войны состояли в том, чтобы путем рейдов диверсионных отрядов, артобстрелов и авиационных налетов подорвать дух израильской армии и представить Израиль в глазах мирового сообщества в качестве агрессора, оккупирующего чужую территорию. Однако ответные действия израильских ВВС и сухопутной армии (особенно удары по тыловым объектам египетской армии в июле 1969 – марте 1970 гг.) привели к фактическому разрушению системы ПВО Египта и господству израильской военной авиации в египетском воздушном пространстве. Следствием этого стало обращение Г.А.Насера к Советскому Союзу с просьбой о прямом военном вмешательстве. СССР незамедлительно оказал помощь военными специалистами и боевой техникой, позволившей восстановить систему ПВО Египта, но поставившей его военные объекты на западном берегу Суэцкого канала под контроль Советской армии.

Данная ситуация не устраивала Г.А.Насера, стремившегося вернуть потерянные в ходе Шестидневной войны территории без ущерба для государственного суверенитета Египта. Это стало причиной его присоединения к предложенному в декабре 1969 г. Государственным секретарем США Уильямом Роджерсом плану заключения мирного договора между Израилем, Иорданией и Египтом. Этот план предусматривал почти полный вывод израильских войск с Синайского полуострова, но оставлял открытым вопрос о статусе сектора Газа и района Шарм-аль-Шейх.

Начальным этапом реализации плана должно было стать трехмесячное соблюдение соглашения о прекращении огня всеми сторонами. Некоторые историки считают причиной принятия Г.А.Насером американских предложений опасение нового превентивного удара со стороны израильской армии⁷⁷. Но судя по всему, перемирие было выгодно Египту уже в силу нарастания политического недовольства в стране и сомнений ее руководства в целесообразности продолжения столь же тесного, что и раньше, сотрудничества с СССР. Кроме того, прекращение огня позволяло безбоязненно передвинуть предоставленные Египту советские ракетные комплексы ПВО в непосредственную близость к израильской линии обороны.

Начало перемирия выявило существенные разногласия в израильском генералитете по поводу стратегии обороны Суэцкого канала. Во время Войны на истощение под руководством командующего Южным военным округом генерала Гавиша была создана система мобильной обороны канала, включавшая в себя сеть блиндажей в непосредственной близости от воды, между которыми патрулировали танки, а в тылу которой находились основные силы израильского контингента, готовые прийти на помощь передовым отрядам. Но начальник генерального штаба Хаим Бар-Лев настоял на строительстве линии стационарных укреплений для размещения всех видов войск, способной выдержать артобстрел любой мощности. В 1969 г. командующим Южным военным округом был назначен Ариэль Шарон, незамедлительно приступивший к строительству второй линии укреплений (в семи милях позади линии Бар-Лева). Но когда в январе 1972 г. Х.Бар-Лева на посту начальника генерального штаба сменил Давид Элазар, количество израильских войск на канале было уменьшено.

28 сентября 1970 г. умер президент Египта Г.А.Насер. Политический курс его преемника Анвара Садата в первое время был труднопредсказуемым. Он оказался не в состоянии достичь провозглашенного им «скорого освобождения» контролируемых Израилем египетских территорий. Как отмечал Н.Сафран, «продолжавшаяся оккупация Израилем завоеванных земель превратилась в главный инструмент, при помощи которого США стремились добиться своих собственных целей на Ближнем Востоке и в Северной Африке»⁷⁸. Растущее недовольство египетской армии и египетского общественного мнения в целом склонили А.Садата к решению напасть на Израиль. Из мемуаров А.Садата

явствует, что на состоявшейся в Париже встрече Киссинджера со специальным представителем А.Садата Хафезом Исмаилом государственный секретарь сказал следующее: «Возможно, вы окажетесь способны изменить существующую реальность и, следовательно, наш подход к «решению», а возможно, что нет. Если нет, то будущие решения станут следствием вашей позиции, и они не обязательно будут теми решениями, которые вы сами предлагаете. Я надеюсь, вы поймете меня правильно; я не призываю Садата изменить военную ситуацию, потому что в этом случае Израиль нанесет вам новое поражение. Он одержит еще более блестящую победу, чем в 1967 г., и нам будет трудно что-либо предпринять»⁷⁹.

Независимо от того, что хотел сказать Г.Киссинджер, А.Садат сделал из его слов однозначный вывод: только в случае новой войны Соединенные Штаты смогут оказать давление на Израиль и заставить его уйти с оккупированных территорий. В интересах США было заключение сепаратного мира между Египтом и Израилем. Однако, чтобы добиться такого мира, американцы, в частности, должны были оказать давление на Израиль. Согласно расчетам Киссинджера, Израиль не будет готов на какие-либо уступки, пока не возникнет серьезная военная угроза.

Войны Судного дня, вероятно, можно было бы избежать, если бы правительство Голды Меир и Моше Даяна отказалось от своего постулата, что Израилю не нужна внешняя политика, но лишь политика обороны. Этот постулат, однако, отражал общее настроение израильской общественности после Шестидневной войны – веру во всемогущество Израиля и в перманентную беспомощность арабов. М.Даян и И.Рабин наравне с другими разделяли это настроение и использовали его в своих политических целях. Министр обороны не придавал большого значения ни мирной инициативе Египта, ни его приготовлениям к войне. И при этом он имел широкую поддержку как в правительстве, так и в военном истеблишменте.

Подобное пренебрежительное отношение к Египту еще окрепло, когда 18 июля 1972 г. Анвар Садат объявил о высылке из страны советских военных советников. Этот шаг был расценен в Израиле как наносящий непоправимый урон египетской военной мощи, лишаящий Египет способности сражаться, не говоря уже о способности начать войну в обозримом будущем. Только один человек увидел в действиях Садата тревожное предзнаменование. Как пишет министр иностранных дел Абба

Эвен в своих мемуарах, Гидеон Рафаэль выразил мнение, что высылка советских советников могла означать со стороны Египта конкретные приготовления к войне. Египет вполне мог видеть в Советском Союзе сдерживающий фактор, а не потенциального союзника в военных действиях. Однако Г.Рафаэль не убедил А.Эвена, а если бы и убедил, это тоже ничего не меняло: правящая израильская элита не принимала Садата всерьез⁸⁰.

Тот факт, что в июле 1972 г. А.Садат удалил из страны большую часть советских советников, был расценен многими израильскими политиками как возможный шанс на улучшение отношений с Египтом. Большую роль в таких оценках сыграл прогноз израильской разведки, исходившей из того, что Египет не сможет начать активных наступательных действий до тех пор, пока не будет иметь в своем распоряжении достаточного количества бомбардировщиков и истребителей среднего радиуса действия (что прогнозировалось не ранее 1975 г.). Но внутривластная обстановка в Египте подталкивала его лидеров на более раннее выступление. Египет считал возможным готовить нападение, опираясь на систему ракетных установок класса «земля-воздух» и «земля-земля», предоставленных Советским Союзом.

Признаки подготовки Египта к войне были отмечены израильской разведкой еще в мае 1973 г., но они были расценены как еще одна попытка применить военный шантаж в дипломатических целях. Не получили должной оценки и интенсивные дипломатические консультации, проходившие между представителями Египта, СССР и Саудовской Аравии. В ходе этих консультаций Советский Союз обещал использовать свое влияние в Совете Безопасности ООН и обеспечить прекращение огня в случае, если наступление потерпит неудачу, или не допустить международного вмешательства, если оно будет успешным. СССР гарантировал Египту своевременность военных поставок воздушным и морским путем, а Саудовская Аравия – введение нефтяного эмбарго для всех стран, которые поддержат Израиль. Кроме того, египтяне вели переговоры с Сирией и Иорданией о возможности нанесения согласованного военного удара по Израилю. Потерявший в Шестидневной войне Восточный Иерусалим и Западный берег Иордана король Хусейн отказался принять участие в планируемой А.Садатом военной авантюре, однако сирийское руководство приняло предложение египтян.

Днем начала операции против Израиля (согласованным с выразившей готовность присоединиться к египетскому нападению Сирией) было выбрано 6 октября, Йом-Кипур – еврейский Судный день. Расчеты арабов базировались на предпосылке о внезапности нападения, для которого был избран Йом-Кипур, когда жизнь в Израиле почти полностью замирает. Максимальная координация военных действий на египетском и сирийском фронтах должна была навязать Израилю войну на два фронта – крайне сложную и изнурительную для небольшого еврейского государства.

Руководители армий Сирии и Египта получили четко ограниченное военное задание: переправиться через Суэцкий канал и захватить плацдарм на его восточном берегу на египетском фронте – на юге, занять Голанские высоты и продвинуться к озеру Кинерет – на севере. Арабские страны не без оснований опасались возможности применения Израилем неконвенционального оружия в ситуации, когда их армии получили бы приказ штурмовать Иерусалим и Тель-Авив, а над самим существованием еврейского государства нависла бы смертельная опасность. К 1973 г. факт наличия у Израиля атомного оружия уже не был секретом, и арабские руководители не могли не отдавать себе отчета в том, что могло касаться возможных последствий его применения. Поэтому основная цель, поставленная египетскими и сирийскими руководителями перед своими высшими офицерами, состояла в том, чтобы отвоевать территории, потерянные в 1967 г. В случае достижения задуманного египтяне и сирийцы были готовы к прекращению огня. Кроме того, немаловажной задачей войны было изменение международной политической ситуации в пользу арабских стран в связи с ростом их экономической мощи и почти полной зависимости Западной Европы и Японии от арабской нефти.

6 октября 1973 г. египетская и сирийская армии начали одновременное наступление против Израиля. Израильское руководство получало информацию о готовящемся нападении, однако доминировавшая в тот период концепция, согласно которой после шока, вызванного разгромом в Шестидневной войне, арабские страны не отважатся атаковать Израиль, привела к тому, что решение о мобилизации резервистов так и не было принято. В результате малочисленные израильские воинские соединения не смогли адекватно отразить атаки египетских и сирийских вооруженных сил и вынуждены были от-

ступить на главных направлениях их ударов. Ситуация изменилась 8 октября, когда в части начали прибывать резервисты, что позволило начать массированные контратаки против египетских подразделений и перейти в контрнаступление на сирийском фронте. Решающее израильско-сирийское сражение произошло 13 октября, когда ЦАХАЛ прорвал линию обороны в 40 километрах от Дамаска.

На сирийском фронте израильской армии удалось к 8 октября подавить ракетную систему ПВО противника и разбомбить посадочные полосы большинства его военных аэродромов. Поэтому президент Сирии Хафез Асад уже 9 октября заявил о готовности заключить соглашение о прекращении огня при посредничестве СССР. Быстрому заключению такого соглашения помешала непримиримая позиция Египта.

Попытки Советского Союза угрожать прямым военным вмешательством в случае продолжения израильского наступления создали угрозу военного столкновения у берегов Сирии между советскими и американскими военно-морскими силами. Попытки СССР вовлечь в сирийскую операцию армии других арабских стран оказались малоуспешными. Хотя на сирийском фронте воевали подразделения из Марокко, Саудовской Аравии и Иордании, существенного влияния на ход боевых действий они не оказали. Успешное наступление против сирийской армии было остановлено 13 октября по приказу израильского руководства, решившего не штурмовать Дамаск. Причиной этого стало как опасение больших потерь при штурме города с миллионным населением, враждебно относящимся к Израилю, так и нежелание до предела обострять и без того конфликтную ситуацию с Советским Союзом и странами арабского блока⁸¹. Было даже условлено не подвергать Дамаск артиллерийским обстрелам. Единственной серьезной акцией против объектов сирийской столицы стал бомбовый удар по зданию генерального штаба сирийской армии. Но и на нее Израиль решился лишь после применения сирийской армией ракет «земля-земля» против гражданских поселений в Галилее⁸².

После военного разгрома Сирии 10 октября советское правительство начало переброску оружия по воздуху в Каир и Дамаск, а 11 октября Голда Меир направила срочное личное послание Никсону с просьбой о воздушном мосте в Израиль. Впервые с 1969 г. израильское правительство решилось обойти Генри Киссинджера. 13 октября А.Садат сделал первую

серьезную ошибку, отказавшись от немедленного перемирия. Вечером того же дня, учитывая советскую угрозу, личную просьбу Голды Меир и отказ Анвара Садата, президент Р.Никсон распорядился об открытии воздушного моста в Израиль. Это уже не противоречило планам Киссинджера: как первоначальная задержка, так и переброска оружия должны были еще раз напомнить Израилю, что он полностью зависит от Соединенных Штатов. Выступая на пресс-конференции 12 октября, государственный секретарь США Г.Киссинджер заявил: «После начала вооруженного конфликта у Соединенных Штатов были две цели. Первая – немедленно прекратить конфликт. Вторая – прекратить его таким образом, чтобы обеспечить в будущем стабильное урегулирование ситуации на Ближнем Востоке». Таким образом, в самый разгар войны Г.Киссинджер думал о том, как закончить ее в интересах Соединенных Штатов.

15 октября передовые израильские части, практически полностью захватив вновь Синайский полуостров, прорвались на западный берег Суэцкого канала, перерезав коммуникации египетских сил на восточном берегу. Изменение ситуации в зоне конфликта привело к тому, что представители Советского Союза в ООН стали добиваться немедленного прекращения огня. Посол СССР в США А.Ф.Добрынин передал Государственному секретарю Г.Киссинджеру послание Л.И.Брежневца, приглашавшего его вылететь в Москву для срочных консультаций. Во время встреч в Москве Г.Киссинджер согласился с необходимостью срочно добиться прекращения огня в зоне Суэцкого канала, но обусловил это началом мирных переговоров между Египтом и Израилем. В 21:30 20 октября советский посол в Египте Виноградов вручил президенту А.Садату согласованное с США послание с требованием немедленного прекращения огня, что отвечало насущным интересам Египта. В послании содержался проект резолюции двух сверхдержав, который планировалось предложить Совету Безопасности ООН. Советские руководители обещали оказать египтянам максимальную политическую и военную помощь в случае нарушения Израилем соглашения о перемирии⁸³.

Руководство Израиля с недоверием отнеслось к декларациям о готовности Египта прекратить огонь, но Г.Киссинджер, вылетевший из Москвы в Тель-Авив, добился согласия израильского кабинета на заключение перемирия. Утром 22 октября 1973 г.

Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 338, призывающую воюющие стороны прекратить огонь в течение двенадцати часов. Израиль и Египет приняли эту резолюцию, Сирия отклонила ее. Но реально перемирие не наступило и на Синайском полуострове. Израильские части, продолжая наступление, вышли на расстояние 50 километров от столицы Египта Каира, окружив и отрезав от баз снабжения Третью египетскую армию, защищавшую южную часть западного берега Суэцкого канала и плацдарм на восточном берегу. В этой ситуации Египет начал настаивать на строгом выполнении резолюции ООН. Его требования были поддержаны Советским Союзом, опасавшимся не только за собственный престиж (который мог бы пострадать из-за очередного поражения армии дружественной страны, оснащенной советским вооружением), но и за шансы по-прежнему демонстрирующего свою просоветскую лояльность А.Садата остаться у власти. Г.Киссинджер, со своей стороны, считал, что спасение Третьей армии может стать важным фактором для заключения мира между Египтом и Израилем. С его подачи 24 октября была принята вторая резолюция Совета Безопасности ООН, призывающая к заключению соглашения о прекращении огня. В этих условиях в тот же день огонь был прекращен⁸⁴.

Египет требовал отвода израильских войск к позициям, занимаемым по состоянию на 22 октября. СССР демонстративно привел свои десантные части в боевую готовность для переброски на Ближний Восток, дав понять, что он готов на военное вмешательство в случае, если Израиль откажется выполнить это требование. В ответ на эту угрозу утром 25 октября США объявили высшую боевую готовность всех частей своих вооруженных сил. Угроза начала третьей мировой войны взяла верх, и египтяне были вынуждены снять свое требование.

Политика Г.Киссинджера была направлена на то, чтобы исключить СССР из дел региона и в то же время поддерживать иллюзию сотрудничества с ним при решении всех проблем в рамках разрядки напряженности. Основным инструментом Г.Киссинджера была Женевская мирная конференция, открывшаяся 21 декабря 1973 г., участниками которой были США, СССР, Египет, Израиль и Иордания, а председателем – Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. Советский Союз полагал, что эта конференция упрочит его роль в решении проблем региона, в действительности же она «узаконила» доминирующую роль Генри Киссинджера, поскольку обе стороны

конфликта принимали лишь американское посредничество. Г.Киссинджер убедил А.Садата, что Соединенные Штаты, обладающие влиянием на Израиль, помогут ему вернуть потерянные в войне территории. Советский Союз же был бессилён это сделать. Г.Киссинджер первым из государственных секретарей понял, что, манипулируя отношениями с Израилем, можно оказывать давление на арабские страны, как бы говоря им: «Если вы хотите добиться чего-либо от Израиля, у вас нет иного выхода, кроме как просить об этом нас».

Для распространения американского влияния в регионе Г.Киссинджеру приходилось не просто оказывать давление на Израиль; требовалось постоянно демонстрировать арабам, что это давление существует и решающим образом влияет на израильскую политику. Уступки Израиля по собственной инициативе в этом смысле только мешали Соединенным Штатам и причиняли вред американской политике.

Сразу же после войны между египетскими и израильскими вооруженными силами были налажены прямые контакты. Израильский генерал Ахарон Ярив регулярно встречался с египетским генералом Абд ал-Гани ал-Гамаси на 101-м километре шоссе Суэц – Каир для обсуждения таких неотложных вопросов, как поддержание перемирия и организация поставок продовольствия для окруженной Третьей египетской армии. Оба генерала быстро нашли общий язык; по мнению Г.Киссинджера, даже слишком быстро. Г.Киссинджеру следовало доказать, что дипломатический прогресс невозможен без непрекращающихся американских усилий. «Израильская несговорчивость» превратилась в американский капитал, и этот капитал нельзя было тратить без предварительного согласия США. Как пишет сам Киссинджер: «Израильское упрямство, которое носит просто маниакальный характер, тем не менее служит интересам обеих наших стран... Успех нашей стратегии строился на том, что мы были единственной страной, способной добиваться уступок от Израиля; а сложившаяся обстановка чрезвычайно затрудняла эту нашу задачу».

Осторожность Израиля, вызванная опасениями втянуться в затяжной конфликт, оказалась оправданной. После того, как в конце 1973 г. арабские страны наложили эмбарго на поставку нефти странам, поддерживающим Израиль, Совет министров стран Общего рынка выпустил декларацию, поддерживающую антиизраильскую позицию арабских стран. Кроме того, еще во время войны правительства западноевропейских стран запре-

тили американским самолетам, осуществлявшим «воздушный мост» с Израилем, приземляться для заправки горючим на их территории⁸⁵. Единственной страной, предоставившей свои аэродромы в качестве заправочных станций американским самолетам, доставлявшим военное снаряжение Израилю, была Португалия⁸⁶. Попытки премьер-министра Израиля Голды Меир переломить ситуацию в отношениях с Европой, используя контакты Рабочей партии Израиля в Социалистическом интернационале, ни к чему не привели. С Израилем разорвали дипломатические отношения почти все страны Африки, включая и те, которым Израиль оказывал экономическую и социальную помощь в 1958–1973 гг.

Создавшееся международное положение значительно усилило зависимость Израиля от США. Хотя Голда Меир во время визита в США 31 октября 1973 г. получила заверения президента Р.Никсона в том, что на Израиль не будет оказано давления в отношении уступок арабским странам, ситуация была очень сложная. С военной точки зрения обстановка была благоприятной для Израиля: под контролем ЦАХАЛа оказались новые территории площадью в 325 кв. миль в Сирии и около 1600 кв. миль в Египте. Израильский флот уничтожил ударные силы египетского и сирийского военно-морских флотов, обеспечив себе контроль над большей частью Восточного Средиземноморья и северной частью Красного моря. Однако политическое давление на Израиль росло.

После вступления в силу соглашения о прекращении огня между позициями израильских и египетских войск были установлены наблюдательные пункты сил ООН, и Г.Киссинджер начал переговоры с руководством Израиля и Египта о размежевании сил. 10 ноября было подписано соглашение из шести пунктов, сводившееся к обязательствам Израиля не препятствовать снабжению окруженной южнее Исмаилии Третьей египетской армии продуктами питания и к договоренности о немедленном обмене пленными, начавшемся 15 ноября. В рамках соглашения из плена были освобождены 8301 египетский и 241 израильский солдат.

Война Судного дня привела к изменениям в самосознании израильтян. «Многие определяли случившееся в октябре 1973 года, внезапную вспышку ненависти и таящуюся в ней угрозу уничтожения, из которой арабы не делали никакого секрета, как еще одно звено в цепи погромов, бывших столь типичными

для существования евреев в диаспоре. Снова распространилось ощущение «бытия в расчете лишь на собственные силы». Каждый видел себя словно в кольце врагов...многие были охвачены этим движением..., в том числе высокопоставленные политики, а Холокост должен был стать масштабом сравнения для грозящей израильскому народу судьбы»⁸⁷.

Как следствие, склонность после Войны Судного дня оценивать происходящее на международной арене с позиции противостояния «ненавистникам Израиля» и защиты от них изолированного еврейского государства стала еще сильнее. Подтверждением обоснованности таких оценок стали массовые осуждения Израиля в странах Запада, кульминацией которых стала резолюция ООН от 10 ноября 1975 г., осуждающая сионизм, определяя его «как форму расизма и расовой дискриминации» и «угрозу международному миру и безопасности». Еще ранее, 14 октября 1974 г., была принята резолюция о приглашении представителей ООП для участия в пленарных заседаниях при обсуждении вопроса о положении на Ближнем Востоке, а 22 октября того же года ООП был предоставлен статус постоянного наблюдателя в ООН. Попытки израильских представителей в ООН указать на террористический характер Организации освобождения Палестины, ставящей своей целью уничтожение Израиля, оказались безрезультатными.

Чувство жителей «осажденной крепости», возникшее под влиянием недружественного поведения международного сообщества, привело к кризису образа «нового еврея» и осознанию тесной связи между современным положением еврейского народа и его историей, наполненной тяжелой борьбой за выживание во враждебном мире. Многие израильские политические лидеры, не говоря уже об обывателях, стали воспринимать еврейское государство как маленький еврейский островок, против которого ополчился весь мир. В самосознании людей снова возник образ вечно гонимого, преследуемого еврея. «Ужас диаспоры» снова вернулся. Преследующая еврейский народ судьба, от которой его стремился избавить сионизм, снова настигла его. Израильцы стали представлять себя как отверженный народ, живущий в отверженном государстве.

21 декабря 1973 г. в Женеве под председательством СССР и США открылась мирная конференция по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке. Сирия отказалась участвовать в ней, однако Израиль, Египет и Иордания прислали своих пред-

ставителей. Но и между приехавшими на переговоры дипломатами не удалось установить нормального диалога. Египетская сторона настаивала на достижении соглашения о прекращении огня, отвергая предложения о долгосрочном мире. Хотя никаких политических решений на этой встрече принято не было, через несколько дней после ее окончания, 18 января 1974 г., на 101-м километре шоссе Каир-Суэц было подписано соглашение о разъединении войск на Синайском полуострове. Израиль обязался в течение шести недель вывести свои войска с территории Египта к западу от Суэцкого канала. Египет получил право держать 7 тысяч солдат к востоку от канала, а Израиль – такое же количество военнослужащих к западу от перевалов Митла и Гидди. Между этими линиями сроком на 6 месяцев был размещен контингент сил ООН.

Развитие военно-политического диалога между Израилем и Египтом не соответствовало позиции сирийских руководителей, которые – не без поддержки Советского Союза – стремились сорвать процесс мирного урегулирования. Но их влияние на ход событий на Ближнем Востоке было теперь гораздо меньше, чем влияние США. Процесс достижения военного соглашения, необходимость которого к маю 1974 г. осознали и в Сирии, шел теперь при посредничестве американских дипломатов. Визиты Генри Киссинджера в Дамаск и Иерусалим сблизили точки зрения сторон, и в конце мая между Сирией и Израилем было достигнуто соглашение о разъединении войск, сразу после которого начался обмен пленными. Выполняя соглашение, Израиль отвел свои войска с территории разрушенного города Кунейтра на Голанских высотах. Между позициями двух армий были размещены 1250 солдат ООН. Это соглашение подвело окончательный итог действиям регулярных войск в Войне Судного дня.

Главным индикатором дальнейшего мирного урегулирования на Ближнем Востоке стали отношения между США, Израилем и Египтом. США, выступая в роли посредника, стремились вытеснить СССР из Египта. Израилю пришлось согласиться с усилением зависимости его внешней политики от американских интересов на Ближнем Востоке в обмен на увеличение экономической помощи со стороны США. Принятие этой помощи было суровой необходимостью вследствие начавшегося в Израиле экономического кризиса, в условиях которого правительству пришлось значительно увеличить оборонные расходы⁸⁸.

В сентябре 1975 г. между Египтом и Израилем было заключено промежуточное соглашение о Синае. Оно предусматривало вывод израильских войск от перевалов Митла и Джидди, установление системы электронного наблюдения под американским контролем в Синае и возврат Египту нефтяных полей Абу-Родеса. Взамен Израилю была гарантирована свобода судоходства в Суэцком канале.

В этот период президент Египта Анвар Садат принял принципиальное решение о сближении с Израилем. Выступая в египетском парламенте, он заявил о своей готовности «отправиться на край света и даже в Кнессет в Иерусалиме, чтобы начать переговоры о мире с Израилем»⁸⁹. 19 ноября 1977 г. начался исторический визит А.Садата в Израиль, в ходе которого он объявил о готовности к мирным отношениям с Израилем.

5 сентября 1978 г. по приглашению президента США в Кэмп-Дэвиде встретились делегации Израиля, Египта и США, возглавляемые М.Бегином, А.Садатом и Дж. Картером. После продолжавшихся тринадцать дней переговоров 17 сентября лидеры скрепили своими подписями документ о принципах подписания мирного договора между Египтом и Израилем и о принципах установления мира на Ближнем Востоке. 26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан этот мирный договор, положивший конец состоянию войны между двумя государствами. В соответствии с ним Египту был возвращен Синайский полуостров, между двумя странами устанавливались дипломатические отношения в полном объеме.

Кэмп-Дэвидский мирный договор стал следствием осознания руководством Египта, наиболее сильной в военном плане арабской страны Ближнего Востока, бесперспективности упования исключительно на военные методы решения ближневосточного конфликта. В историческом плане это понимание возникло в ходе войны Судного дня и преодоления ее последствий. Аналогичное понимание стало возникать и в руководстве и общественном мнении Израиля. Однако большинство государств арабского мира не только отказалось поддержать начатый руководством двух стран мирный процесс, но и – в знак протеста против Кэмп-Дэвидского мирного договора – разорвало дипломатические отношения с Египтом. Но ни эти действия, ни убийство 6 октября 1981 г. президента Египта А.Садата были уже не в состоянии вернуть Ближний Восток к прежнему состоянию тотальной взаимной непримиримости.

VII. НОВЫЕ ВИТКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИЗРАИЛЬ И АРАБСКИЙ МИР В КОНЦЕ 70-х – НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

Урегулирование египетско-израильских отношений внесло разлад в ряды бывшего прежде более или менее единым арабско-антиизраильского фронта. Лидеры Сирии, Иордании и ряда других стран поняли, что прямое военное столкновение с Израилем не приносит успеха. Центр тяжести в их борьбе с ним сместился в направлении поддержки террористических групп, состоящих главным образом из палестинских арабов. Отправной точкой арабского терроризма против Израиля стали 50-е годы. Первоначально это были рейды профессиональных диверсантов по приграничным районам Израиля, которые рассматривались как часть военного противостояния и на которые Израиль отвечал ответными рейдами своих командос. В 1968 г. Организация освобождения Палестины впервые совершила террористический акт против Израиля на территории другой страны, захватив авиалайнер компании «Эль-Аль», летевший из Рима в Тель-Авив, и направив его в Алжир. С этого момента самолеты, совершавшие рейсы в Израиль и из него, равно как и израильские представительства и посольства за рубежом стали объектами постоянных атак боевых групп ООП. Одним из самых громких в плане воздействия на мировое общественное мнение инцидентов в этом ряду стало убийство террористической группой «Черный сентябрь» одиннадцати израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 г.

Израиль с самого начала повел бескомпромиссную войну с террористами. В мае 1972 г., когда террористы похитили лайнер бельгийской компании «Сабена», израильский спецназ ворвался в самолет, уничтожил арабских террористов и освободил 97 пассажиров. Два года спустя, в мае 1974 г., когда были взяты заложниками школьники в городе Маалот в Северной Галилее, здание школы было взято штурмом. 27 июня 1976 г. четыре террориста из группы «Бадер-Майнхоф» и Народного фронта освобождения Палестины захватили пассажирский лайнер Тель-Авив – Париж. Террористы посадили самолет в аэропорту Энтеббе в Уганде, после чего пассажиры с неизра-

ильскими паспортами в течение недели смогли вылететь во Францию. А в качестве выкупа за израильских пассажиров было предъявлено требование освободить 53 террориста, 40 из них – из тюрем Израиля. Все имевшие место попытки европейских правительств найти компромисс с террористами, например, согласие правительства ФРГ выпустить из тюрьмы троих террористов в обмен на освобождение пассажиров самолета компании «Люфтганза», угнанного арабскими террористами 29 октября 1972 г. в Загреб, неизменно встречали твердое осуждение со стороны Израиля. На этом фоне собственная уступка требованиям террористов была для израильтян неприемлемой. Уже вечером 28 июня генштаб Израиля отдал приказ о подготовке операции по освобождению заложников. В соответствии с разработанным планом 3 июля четыре самолета с израильскими командос приземлились в аэропорту Энтеббе и, уничтожив террористов и прикрывавшее их угандийское подразделение, освободили заложников. О молниеносности проведенной операции говорит то, что первый самолет, приземлившись в 23.01, уже в 23.58 вылетел из Энтеббе в направлении Найроби с освобожденными заложниками на борту. Успех операции в Энтеббе и уверенная позиция, занятая израильскими представителями в ООН, придали борьбе еврейского государства с террористами большой авторитет⁹⁰.

Но борьба с отдельными террористическими актами не могла уничтожить угрозу арабского терроризма. Примирение с Египтом обезопасило от него южную границу страны. С конца 60-х годов особую опасность стали представлять базы палестинских террористов, расположенные на территориях северных соседей Израиля. Дислоцированные в октябре 1968 г. на южном склоне горы Хермон в Южном Ливане отряды террористов стали обстреливать еврейские поселения в Верхней Галилее. После уничтожения иорданской армией в сентябре 1970 г. лагерей в Иордании вооруженные силы ООП во главе с Ясиром Арафатом перебазировались в Ливан. Их базы и лагеря, расположенные на склонах горы Хермон, получившие название Фатхленд (по названию основанного Я.Арафатом в 1958 г. палестинского националистического движения ФАТХ), окончательно вышли из-под контроля ливанской администрации. Начавшаяся в 1975 г. в Ливане гражданская война между различными этническими и религиозными группировками, населяющими страну, позволила палестинцам сконцентрировать в Бейруте и других городах

крупные военные арсеналы и, опираясь на них, активизировать нападения на израильские объекты.

Единственным союзником Израиля на территории Ливана были христиане, из которых сформировалась Армия Южного Ливана под командованием Башира Джумайеля. С 1976 г. она стала регулярно получать военную помощь из Израиля. В этом же году по просьбе христианских вооруженных сил в Ливан вошли части Арабской миротворческой армии, призванной защитить население страны от террора ООП. Но постепенно все контингенты этой армии, кроме сирийского, покинули страну. Сирия же поддерживала ООП, формально объявив себя защитницей мирного населения от террора.

15 марта 1978 г. части ЦАХАЛа вступили на территорию Южного Ливана, заняв всю территорию вплоть до реки Литани. Позднее большая часть занятой Израилем территории была отдана под контроль временных сил ООН, а полоса вдоль ливано-израильской границы – в руки местной милиции под командованием майора Саада Хаддада. Однако силы ООН оказались не в состоянии воспрепятствовать воссозданию баз ООП на контролируемой ими территории, а южноливанская милиция была слишком слабой для того, чтобы дать террористам достойный отпор. Неуязвимости террористов способствовала и поддержка, открыто оказываемая им Сирией, вынашивавшей планы присоединения к себе территорий Ливана и Израиля.

Весной 1981 г. сирийские войска, контролировавшие шоссе Дамаск – Бейрут, продвинулись к северу от шоссе и к северо-востоку от Бейрута. Ими был осажден христианский город Захле, а в конце апреля они атаковали позиции христиан на горе Санин. Находившаяся на ней артиллерия контролировала как подступы к Захле, так и порт Джунию, столицу христианского анклава к северу от Бейрута.

Израильское руководство решило, что своими действиями сирийцы угрожают статусу-кво, сложившемуся в регионе с молчаливого согласия всех заинтересованных сторон. 28 апреля израильские ВВС сбили два сирийских вертолета, подвозивших снаряжение атаковавшим частям. В ответ сирийцы передвинули в район боевых действий ракетные установки, что лишило израильскую авиацию возможности совершать разведывательные полеты над ливанской территорией. Попытки договориться с Сирией через американского посредника в регионе посла Филиппа Хабиба о выводе этих установок ни к чему не привели.

В июле 1981 г. части ООП на юге Ливана на протяжении десяти дней вели массированный артиллерийский обстрел 33 населенных пунктов на территории Израиля, что стало причиной ответных ударов израильской авиации по штаб-квартире ООП, ее складам и базам в Бейруте и по всему Ливану. При посредничестве США и Саудовской Аравии 24 июля 1981 г. между лидерами ООП и Израиля было заключено соглашение о прекращении огня. Но вскоре начались столкновения с частями ООП, действовавшими с территории Иордании, и возобновились террористические акты против израильских представительств в Европе.

Не меньшую опасность, чем палестинский терроризм, представляло для Израиля и развитие в арабских странах атомной индустрии. И в прошлом, и в настоящее время Израиль остается единственной страной на Ближнем Востоке, обладающей ядерным оружием. В определенном смысле верно утверждение о том, что идея создания собственного израильского защитного ядерного зонта была близка Д.Бен-Гуриону с первых дней существования государства. Д.Бен-Гурион верил, что израильские ученые способны решить любую проблему во имя обеспечения безопасности страны. Еще в ходе Войны за независимость в августе 1948 г. он назначил профессора химии Еврейского университета в Иерусалиме Эрнста Давида Бергмана (1903–1975) начальником исследовательского отдела израильских вооруженных сил. В 1952 г. Э.Д.Бергман возглавил только что созданную Комиссию по атомной энергетике. Во многом именно Э.Д.Бергман заставил Д.Бен-Гуриона поверить в то, что Израиль может создать собственное ядерное оружие⁹¹. Генеральный директор Министерства обороны Шимон Перес, бывший тогда одним из наиболее близких к Д.Бен-Гуриону руководителей, сыграл важнейшую роль в определении атомного проекта как приоритетного для израильской оборонной промышленности в середине 50-х годов.

Установившиеся в 1955–1958 гг. стабильные отношения с западными странами, прежде всего с Францией, предоставили достаточно средств и возможностей для начала интенсивного развития израильской национальной ядерной программы. Французско-израильское соглашение, подписанное 3 октября 1957 г., которое сделало возможным строительство израильского ядерного реактора в Димоне, стало следствием уникальной исторической ситуации. Этот период характеризовался

беспрецедентным сближением позиций между Израилем, Францией и Великобританией в ходе Суэцкого кризиса. Советская угроза, которая стала явственно ощутимой в период Суэцкой операции, еще более усилила ядерные амбиции как Израиля, так и Франции. Для Израиля, еще не отметившего десятилетия своей государственности, это был без преувеличения гигантский проект. Однако страна справилась с ним менее чем за десятилетие.

Даже после того, как информация о создании реактора в Димоне распространилась достаточно широко в израильских военных и политических кругах, Д.Бен-Гурион счел необходимым сохранять максимально возможную секретность во всем, что касалось атомного проекта. Как министр обороны, он решил не изменять структуру израильских вооруженных сил, оставив также практически в неприкосновенности военную доктрину страны, целиком основанную на использовании конвенциональных видов вооружения⁹².

С уходом Д.Бен-Гуриона с поста главы правительства Ш.Перес покинул Министерство обороны. Более того, продолжавшийся политический кризис, вызванный отголосками «дела Лавона», привел к значительному ухудшению отношений между Д.Бен-Гурионом и его сторонниками, создавшими перед выборами 1965 г. независимую партию РАФИ, с одной стороны, и новым главой правительства и министром обороны страны Л.Эшколем – с другой⁹³. Л.Эшколь решил, что настало время перевести атомный проект под гражданский контроль, с целью чего реформировал Комиссию по атомной энергетике и лично возглавил ее. Именно в период его правления Израиль завершил этап разработок, обладая накануне Шестидневной войны 1967 г. хоть и громоздким, но вполне боеспособным ядерным зарядом. Л.Эшколь, будучи глубоко гражданским человеком, склонным к поискам компромисса везде, где это только возможно, сообщил президенту США Л.Джонсону, что Израиль никогда не станет первой страной на Ближнем Востоке, которая применит атомное оружие. Все его преемники на посту премьер-министра Израиля впоследствии повторяли эту мысль в той или иной форме. При этом для Израиля было и остается крайне важным сохранить монополию на обладание ядерным оружием в ближневосточном регионе.

Ядерные амбиции Саддама Хусейна вызывали беспокойство Израиля еще в начале 70-х годов. После того, как в 1976 г.

Ирак подписал договор о военно-техническом сотрудничестве с Францией в деле создания ядерного реактора, в Израиле стали выражать небезосновательную тревогу из-за того, что, используя этот реактор, Ирак сможет производить плутоний в достаточных для создания боевого ядерного арсенала количествах. Это беспокойство многократно усилилось в 1978 г., после того как Италия подписала с Ираком договор о строительстве ряда лабораторий, специально предназначенных для производства плутония.

Первоначальные усилия Израиля выражались преимущественно в политических и дипломатических шагах (прежде всего на американском направлении), а также в проведении разъяснительной кампании в международных средствах массовой информации. Весной 1979 г. деятельность по предотвращению сооружения иракского реактора приобрела новые масштабы: 6 апреля на фабрике поблизости от Тулузы, где происходила сборка реактора, прогремел взрыв. И хотя ответственность на себя взяла неизвестная до этого инцидента организация защитников окружающей среды, почти все были уверены, что эта операция спланирована и проведена Моссадом. И все же значительного ущерба она не нанесла, а вызвала лишь на несколько месяцев задержку в реализации программы.

Не добившись своего ни политическими, ни дипломатическими методами, Израиль решает предпринять военную операцию с целью непосредственного уничтожения реактора⁹⁴. Данное решение, как это не странно, родилось не в умах военных. Его инициатором стал тогдашний премьер-министр страны Менахем Бегин, который в октябре 1979 г. поручил Генеральному штабу разработать соответствующие предложения. Военные представили два варианта: либо это будет операция спецназа, либо – авиационный налет. Начальник Генерального штаба (тогда эту должность занимал Рафаэль Эйтан) склонялся ко второму варианту; министр обороны (в прошлом – командующий военно-воздушными силами страны) Эзер Вейцман согласился с ним.

Важно отметить, что на ранних этапах планирования этой операции решения принимал министр обороны, а не премьер-министр или «узкий» кабинет министров по вопросам безопасности, хотя очевидно, что если бы начальник Генерального штаба Р.Эйтан был бы в чем-то не согласен с Э.Вейцманом, он обратился бы непосредственно к премьер-министру. Этот мо-

мент является ключевым для понимания процесса принятия решений в оборонной сфере в Израиле: какой бы серьезной ни была обсуждаемая проблема (или планируемая военная операция), если позиции начальника Генерального штаба и министра обороны совпадают, то тема, как правило, не выносится на дальнейшее обсуждение кабинета министров.

Трудно сказать наверняка, была ли искренней поддержка Э.Вейцманом идеи нанесения авиационного удара по иракскому ядерному реактору. После своей отставки с поста министра обороны 28 мая 1980 г. он стал одним из самых ярких противников этой операции, опасаясь, что бомбардировка реактора может сильно испортить начавшие налаживаться отношения Израиля с Египтом. Не исключено, что он сознательно поддержал инициативу начальника Генерального штаба с целью предотвратить рассмотрение этого вопроса премьер-министром и «узким» кабинетом по вопросам безопасности, в котором боялся оказаться в меньшинстве. Вполне вероятно, что Э.Вейцман рассчитывал затянуть обсуждение этой проблемы, надеясь, что кризис как-то разрешится сам собой. Кроме того, Э.Вейцман не без оснований надеялся со временем найти сторонников и в кабинете безопасности, и среди руководителей силовых структур. Когда 19 мая 1980 г. вопрос об авиационном налете на Ирак все же был вынесен на обсуждение «узкого» кабинета, то оказалось, что против проекта авиационной бомбардировки выступали начальник Военной разведки (АМАН) Иехошуа Саги, директор Моссада Ицхак Хофи, заместитель министра обороны Мордехай Ципори, а также заместитель премьер-министра, бывший начальник Генерального штаба Игаль Ядин, стоявший в то время во главе имевшего пятнадцать мандатов в Кнессете Демократического движения за перемены.

Трудно сказать, какое решение было бы в итоге принято, если бы не последовавшая десять дней спустя отставка Э.Вейцмана с поста министра обороны. Премьер-министр М.Бегин принял решение взять на себя обязанности главы военного ведомства и в качестве министра обороны отдал распоряжение о продолжении подготовки операции.

В сентябре 1980 г. Саддам Хусейн начал полномасштабную войну против Ирана. И хотя во время налетов иранской авиации иракский реактор пострадал незначительно, Франция приняла решение об отзыве всех своих специалистов. Несмотря на задержку, вызванную ирано-иракской войной, было оче-

видно, что при поддержке французских и итальянских специалистов иракские руководители планируют довести начатое дело до конца. Именно поэтому М.Бегин был убежден в необходимости проведения авиационной бомбардировки до того, как декларирующий свою цель в уничтожении Израиля иракский режим сможет обзавестись атомным оружием.

Дипломатические усилия, предпринятые израильскими представителями в Париже, Риме и Вашингтоне, вновь оказались безуспешными, и 14 октября 1980 года М.Бегин вновь вынес вопрос о бомбардировке иракского реактора на заседание «узкого» кабинета по вопросам безопасности. Хотя большинство членов кабинета (шесть из десяти) поддержали позицию главы правительства, М.Бегин решил обсудить проблему на заседании правительства в полном составе. Кроме того, он счел нужным привлечь к обсуждению этой темы лидеров оппозиционной Рабочей партии: бывшего премьер-министра и начальника Генерального штаба И.Рабина и бывшего министра обороны Ш.Переса. Однако и мнения членов правительства разделились: десять министров поддержали позицию М.Бегина, шестеро выступили против бомбардировки. Среди голосовавших «против» был и Игаль Ядин, заявивший, что осуществление данного плана вопреки его категорическому несогласию вынудит его подать в отставку. Будучи незаинтересованным в развале правительственной коалиции, М.Бегин временно отложил проведение операции, регулярно посылая И.Ядину данные военной разведки о том, что иракский ядерный реактор почти готов к пуску (называлась и конкретная дата планируемого завершения работ: конец июля 1981 г.). Более того, М.Бегин поручил начальнику Генерального штаба и начальнику Военной разведки встретиться с И.Ядином, предоставив ему всю имеющуюся в их распоряжении информацию об иракском атомном проекте. Давление М.Бегина принесло свои плоды, и 28 декабря 1980 г. И.Ядин направил письмо премьер-министру, в котором сообщил, что хотя он и выступает против этой операции, все же не будет уходить в отставку в случае ее проведения.

Однако операция все откладывалась и откладывалась. М.Бегин считал нежелательным проведение столь дерзкой и рискованной операции в преддверии инаугурации нового президента США (им был избран Рональд Рейган), а затем – до планировавшегося визита в Израиль нового государственного секретаря США Александра Хейга.

Новые проблемы возникли в виде осложнения отношений между Сирией и Израилем из-за событий в Ливане в апреле 1981 г., когда сирийская армия атаковала войска арабов-христиан под командованием Башира Джумайеля, который обратился к М.Бегину за помощью. С израильской точки зрения было бы крайне опасно одновременно проводить военные операции против Сирии и Ирака. После того, как М.Бегин решил, что первоочередной задачей является уничтожение реактора, а сирийскими ракетными установками можно заняться позднее (что и было сделано годом позже в ходе Ливанской войны), операция стала приближаться к кульминации.

3 мая 1981 г. на заседании кабинета безопасности окончательное решение было принято шестью голосами против трех; М.Бегин и Р.Эйтан определили, что датой проведения операции будет 10 мая. Подобное развитие событий вызвало бурную реакцию со стороны Э.Вейцмана. Он обратился к министрам и военным, включая командующего ВВС, умоляя их сделать все возможное, чтобы предотвратить этот «акт лунатизма», как он его называл.

Вечером 9 мая лидер оппозиционной Рабочей партии Ш.Перес направил М.Бегину письмо с просьбой отложить проведение операции, ссылаясь на то, что 10 мая – день президентских выборов во Франции. М.Бегин получил письмо Ш.Переса утром 10 мая во время заседания правительства, когда Р.Эйтан и его заместитель уже встречались с пилотами, которые днем должны были вылетать бомбить реактор. Письмо Ш.Переса вызвало споры среди участников заседания, которые отказывались принять предложенную премьер-министром двухнедельную отсрочку. В конце концов, решение об отсрочке было принято, но пилоты получили соответствующий приказ, когда уже находились в кабинах самолетов.

Однако данная отсрочка не была последней; споры по этому поводу длились еще достаточно долго, и даже на финальной стадии М.Бегин несколько раз переносил дату проведения операции, чем вызывал недовольство начальника Генерального штаба Р.Эйтана. Несмотря на то, что Р.Эйтан заявил, что операцию надо либо провести, наконец, 31 мая, либо уж отменить совсем, М.Бегин перенес ее еще на неделю, так как 4 июня у него была назначена встреча с президентом Египта А.Садатом.

Израильские летчики вылетели на выполнение боевого задания утром 7 июня 1981 г. В 5:30 утра восемь израильских самолетов Ф-16 атаковали ядерный реактор, располагавшийся в пригороде Багдада. Вся бомбардировка продолжалась около двух минут; на цель было сброшено шестнадцать бомб, и ядерный реактор был полностью уничтожен. Остается только догадываться, с каким сопротивлением столкнулись бы американские войска десять лет спустя в ходе операции «Буря в пустыне», если бы ядерный реактор Саддама Хусейна не был бы разбомблен израильскими самолетами.

Анализ длительного процесса принятия решения о бомбардировке иракского реактора позволяет сделать вывод о том, что на оперативном уровне в Израиле высокая степень вовлеченности гражданских органов власти (причем с участием не только членов правительства, но и лидеров оппозиции) в принятие решений сбалансирована с военной составляющей. В результате осуществляется достаточно эффективное управление военными структурами в сочетании с обеспечением политических интересов страны.

При этом ответ на вопрос о том, насколько Министерство обороны Израиля может считаться гражданским органом, эффективно контролирующим армию, представляется достаточно неочевидным. Как отмечает израильский исследователь Иегуда Бен-Меир (в прошлом – депутат Кнессета и заместитель министра иностранных дел), анализ ситуации на уровне оперативного управления позволяет говорить о высокой вовлеченности гражданского сектора, которая в Израиле в данном случае сопоставима со множеством западных стран. Описанная выше подготовка бомбардировки иракского ядерного реактора наглядно иллюстрирует этот тезис. С другой стороны, когда речь заходит о стратегическом планировании, картина совершенно меняется – участие гражданского политического сектора в формировании оборонной политики страны минимально, что составляет наибольшую угрозу балансу государственной системы в Израиле⁹⁵. Данная проблема особенно остро проявилась в 1982 г. ходе Ливанской войны, однако ее не следует недооценивать и в настоящее время.

VIII. БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА: ИЗРАИЛЬ В ЛИВАНЕ

3 июня 1982 г. израильский посол в Великобритании Шломо Аргов был тяжело ранен в голову арабским террористом. Хотя ООП и отрицала свою причастность к этому покушению, задержанные английской полицией трое его участников оказались членами группы, отделившейся от организации Я.Арафата и поддерживаемой сирийскими спецслужбами. 4 июня израильская авиация начала акцию возмездия, нанеся удар по местам концентрации террористов в Ливане. В ответ на нее формирования ООП снова организовали ракетно-артиллерийский обстрел израильской территории. Вечером 5 июня на заседании израильского правительства было принято решение о проведении войсковой операции с целью оттеснить террористов на расстояние, с которого населенные пункты Израиля будут недосыгаемы для их обстрелов. 6 июня в 11.00 крупный израильский бронетанковый отряд пересек ливанскую границу, начав операцию, названную «Мир Галилее».

В обнародованном одновременно с началом военных действий заявлении израильского правительства говорилось, что Израиль воздержится от враждебных действий по отношению к сирийским войскам, размещенным в Ливане, при условии, если части ЦАХАЛа не будут ими атакованы. Также было выражено желание подписать мирный договор с законным правительством Ливана и подтверждена заинтересованность в сохранении его в качестве суверенного государства. Начался первый этап Ливанской войны.

Вооруженные силы ООП в Южном Ливане находились под прикрытием частей сирийского контингента. Есть основания предполагать, что столкновение с ними планировалось изначально уже в силу того, что боевая задача, поставленная атакующим частям, включала в качестве одной из своих целей установление контроля над занимаемым сирийскими войсками шоссе Бейрут – Дамаск. Первое соприкосновение с большой группой сирийских сухопутных войск произошло 7 июня в районе города Хасбаи. Части ООП в восточном секторе Ливана

отошли под прикрытие этих сил и продолжали обстреливать Восточную Галилею. Через посредничество США Сирии было предложено взять в свои руки контроль над ООП и не давать ей обстреливать объекты в Израиле. Сирийцы не ответили на демарш Израиля. Вместо этого они усилили 9 июня свои части в восточном секторе Ливана и увеличили число своих противозвудушных ракетных установок. В ответ на это ВВС Израиля в тот же день уничтожили 19 сирийских ракетных батарей и сббили 23 сирийских истребителя. 10 июня было сббито еще 25 сирийских самолетов и уничтожены 2 ракетные батареи. В этот же день произошло закончившееся победой ЦАХАЛа танковое сражение в районе озера Караун. Еще успешнее развивалось наступление в западном секторе Ливана, где сухопутные части действовали в тесном контакте с высадившимися на побережье группами коммандос. Здесь израильские силы еще 8 июня достигли города Дамур и, уничтожив находившуюся там базу палестинских террористов, 10 июня вышли к южной границе Бейрута.

10 июня Л.Брежнев отправил послание президенту США Р.Рейгану, в котором оценил положение в Ливане как «чрезвычайно опасное». 11 июня Р.Рейган обратился к израильскому правительству с призывом положить конец военным действиям. В полночь с 11 на 12 июня 1982 г. Израиль заявил об одностороннем прекращении огня с Сирией. Сирия сразу же сообщила, что она тоже будет соблюдать такой режим. При этом Израиль четко обозначил свое нежелание распространять прекращение огня на формирования ООП. Так закончился первый этап Ливанской войны, к концу которого под контролем израильских вооруженных сил оказалось 4,5 тыс. кв. километров ливанской территории, на которой была уничтожена значительная часть военной и экономической инфраструктуры ООП.

Военные действия Ливанской войны характеризовались тем, что с самого начала в израильском обществе раздавались голоса протеста против этой военной кампании. Коммунистическая партия Израиля выступила с предложением о вотуме недоверия правительству Израиля, назвав действия израильской армии неспровоцированной агрессией. 8 июня этот вотум недоверия обсуждался в Кнессете, где получил лишь три голоса в свою поддержку при 94 голосах в поддержку действий правительства. Но оппозиция по отношению к действиям армии проявилась позднее, во время второго и третьего этапов войны.

Второй этап войны начался 11 июня вспышкой военных действий в районе Бейрута. Части ЦАХАЛа получили приказ завершить окружение города и установить непосредственный контакт с военными формированиями христиан, дислоцированными севернее ливанской столицы. 12 июня израильские бронетанковые части совершили прорыв в направлении населенных пунктов Хальде и Баабде, где находился дворец президента Ливана. В тот же день в 21.00 Израиль заявил о новом одностороннем прекращении огня, но оно было нарушено 13 июня сирийской армией, попытавшейся улучшить свои позиции в Западном Бейруте. При посредничестве американского посла Филиппа Хабиба удалось восстановить соглашение о прекращении огня, но было ясно, что оно не сможет стать постоянным. Израильская армия к этому времени полностью окружила Западный Бейрут и соединилась с христианской армией в Восточном Бейруте. Но сирийские войска в районе шоссе Бейрут – Дамаск угрожали флангам израильской группировки и могли легко помешать осаде Бейрута.

Посол США Ф.Хабиб во время второго этапа войны постоянно совершал челночные рейсы между Иерусалимом, Бейрутом и Дамаском, пытаясь удержать ситуацию под контролем. Израиль соглашался на прекращение наступления в случае создания многонационального воинского контингента, который был бы размещен в 45-километровой зоне безопасности к северу от израильской границы. Но это предложение не нашло понимания у других воюющих сторон.

21 июня израильские войска овладели южной частью бейрутского международного аэропорта. Сирийская армия в ответ на это начала атаку с целью воспрепятствовать установлению израильской блокады Бейрута. После 60 часов непрерывных боев израильские части сумели заставить сирийцев снова отойти на Дамасское шоссе. После этого огонь вновь прекратился. Израиль установил сухопутную и морскую блокаду Бейрута и контроль над 22-км отрезком шоссе Бейрут – Дамаск. Так закончился второй этап войны и начался третий – осада Бейрута, в ходе которой Израиль пытался заставить ООП и Сирию вывести свои вооруженные силы из города.

23 июня премьер-министр Израиля М.Бегин вернулся после визита в США, где он занял жесткую позицию, заявив, что части ЦАХАЛа будут оставаться в Ливане до тех пор, пока ООП будет угрожать безопасности Израиля. 26 июня в Израиле состоялась первая демонстрация противников ливанской

войны. Выступая на заседании Кнессета 29 июня, Бегин предложил террористам, блокированным в Бейруте, эвакуироваться в Сирию под защитой Красного Креста. Но в самом политическом лагере Израиля уже не было единства. Один из лидеров социал-демократов Ицхак Рабин публично заявил в Кнессете, что его партия готова поддержать лишь исходные цели войны – создание зоны безопасности к северу от израильской границы, но выступает против таких глобальных и труднодостижимых целей, как уничтожение ООП, ликвидация сирийского военного присутствия в Ливане и создание произраильского правительства в Ливане. Хотя Кнессет 60 голосами против 47 утвердил предложения премьер-министра, отсутствие единства в израильском руководстве стало позднее одной из причин неуступчивости лидера ООП Я.Арафата на переговорах.

С середины июля американский посол Ф.Хабаб через посредничество ливанского правительства начал вести переговоры, чтобы добиться полной эвакуации блокированных в Бейруте восьми тысяч бойцов ООП и остатков 85-й бригады сирийской армии. 14 июля ливанское правительство официально призвало к выводу всех иностранных войск из страны. Впервые правительство Ливана поддержало политический курс Израиля и США. Израильское правительство заявило, что оно, сохраняя за собой возможность взять Западный Бейрут, готово начать переговоры.

В ответ на артобстрел со стороны террористов 4 августа израильская армия заняла два южных пригорода Бейрута и северную часть международного аэропорта. Эта операция, несмотря на большие потери среди израильских солдат, вынудила ООП согласиться на эвакуацию из Бейрута. Но выяснилось вдруг, что большинство арабских стран не согласно дать убежище террористам, что замедлило решение вопроса.

12 августа израильская авиация бомбила Западный Бейрут в течение 11 часов. Президент США Р.Рейган в телефонном звонке М.Бегину выразил свою озабоченность происходящим. М.Бегин приказал немедленно прекратить бомбардировки и обстрелы города. Ответственность за происходящее была возложена на министра обороны Ариэля Шарона, которого обвинили в том, что он, не получив предварительного согласия правительства, вышел за намеченные им рамки операции.

В середине августа благодаря обещаниям Саудовской Аравии оказать экономическую помощь странам, готовым при-

нять у себя палестинцев, ряд арабских стран выразил такую готовность. 21 августа в Бейрут прибыл международный отряд наблюдателей, состоящий из полутора тысяч американских, английских, французских и итальянских морских пехотинцев. Под их контролем началась эвакуация 14,5 тыс. террористов и сирийских солдат, закончившаяся 1 сентября. Сирийцы были эвакуированы в долину Бекаа в Восточном Ливане. Я.Арафат со своим штабом перебрался в Тунис, а его боевики были эвакуированы в восемь арабских стран. 1 сентября 1982 г. было официально заявлено об окончании операции «Мир Галилее».

23 августа 1982 г. лидер христиан Башир Жумайель был избран ливанским парламентом президентом страны. Занять эту должность он был должен 23 сентября, сменив на этом посту Элиаса Саркиса. В начале сентября Б.Жумайель прибыл с визитом в Израиль, где провел переговоры с М.Бегиным по поводу будущих взаимоотношений между двумя странами. Но 14 сентября, когда будущий президент заседал в штаб-квартире фалангистов в Бейруте, это здание было взорвано двухсоткилограммовой бомбой. Судя по всему, эта акция была совершена совместно сирийцами и противниками Б.Жумайеля из лагеря ливанских христиан. В ту же ночь по приказу министра обороны А.Шарона израильская армия вошла в Западный Бейрут. В официальном заявлении правительства Израиля причиной этого было названо стремление «предотвратить опасность беспорядков, кровопролития и хаоса в Западном Бейруте, где в нарушение соглашения об эвакуации осталось две тысячи террористов, располагающих тяжелым вооружением»⁹⁶.

Сложилась ситуация, при которой израильская армия контролировала весь Западный Бейрут, за исключением двух лагерей беженцев – Сабра и Шатила бывших, практически городскими кварталами. 15 сентября израильский комендант Бейрута, действуя в соответствии с приказами министра обороны, санкционировал ввод в эти лагеря отрядов христиан-фалангистов, чтобы выбить оттуда предположительно находившихся там боевиков ООП. 16 сентября фалангисты вступили в Сабру и Шатилу. К вечеру выяснилось, что фалангисты устроили в лагерях массовое убийство беззащитных мужчин, женщин и детей, объясняя его мезтью за смерть своего лидера Б.Жумайеля. По приказу израильского командования подразделение фалангистов покинуло лагеря утром 18 сентября, а позже было расформировано.

18 сентября, когда известие об учиненной под Бейрутом резне достигло Израиля, левая оппозиция потребовала отставки правительства и создания судебной комиссии для выяснения степени ответственности Израиля вообще и конкретных виновников, в частности. 19 сентября на специальном заседании кабинета министров Израиля было принято официальное заявление правительства по поводу случившегося. Заявление отвергало какую-либо причастность Израиля к учиненной резне и протестовало против попыток обвинить в ней еврейское государство. Но оппозиционные партии продолжали настаивать на том, что сам факт заявления Израилем готовности взять на себя ответственность за сохранение законности и порядка в Западном Бейруте возлагает на него, как минимум, косвенную ответственность за произошедшую в лагерях трагедию. Подвергалось критике как ошибочное и само решение о вводе фалангистских сил в Сабру и Шатилу.

Оппозиция продолжала настаивать на создании комиссии по расследованию случившегося. М.Бегин утверждал, что для проведения расследования достаточно назначить одного человека, не наделяя его полномочиями комиссии. Но в правительстве уже начался раскол по этому вопросу. Министр энергетики Ицхак Берман и еще один член состоявшей в правящей коалиции Либеральной партии проголосовали в Кнессете в поддержку требования создать комиссию, после чего И.Берман подал в отставку и вышел из правительства. К требованию о проведении расследования присоединились входящие в правящую коалицию Национально-религиозная партия и ТАМИ, а также президент страны Ицхак Навон. 24 сентября 1982 г. в Тель-Авиве состоялась демонстрация, в которой участвовало, по разным оценкам, от 200 до 400 тысяч человек, с требованием отставки премьер-министра М.Бегина и министра обороны А.Шарона. Этот митинг, ставший одним из самых больших в истории Израиля, совпал с новыми протестами за рубежом. М.Бегин уступил, и на заседании правительства 27 сентября было принято решение о создании комиссии под руководством судьи Верховного суда Ицхака Кахана.

В феврале 1983 г. был опубликован официальный отчет комиссии, назвавший в качестве главных виновников резни в Сабре и Шатиле христианских фалангистов. Но при этом критике со стороны комиссии подвергся и ряд израильских официальных лиц, среди них – и тогдашний министр обороны Израил-

ля Ариэль Шарон, вынужденный в результате покинуть свой пост.

Через неделю после гибели Башира Жумаея президентом Ливана был избран его брат Амин. Он был известен своими связями с сирийцами и сомневался в необходимости тесных связей с Израилем. 29 сентября 1982 г. израильский контингент был выведен из Бейрута, передав контроль над городом ливанской армии и вновь введенному в Ливан интернациональному американо-франко-англо-итальянскому отряду (численность которого возросла теперь до 3 тыс. человек). По Ливану опять прокатилась волна стычек между общинами, происходили ожесточенные столкновения между сторонниками Сирии и ООП в северном городе Триполи, контролируемом сирийской армией. Обострилась борьба между христианами и друзьями в горах Шуф, где целые общины изгонялись из своих деревень. Армия обороны Израиля постоянно становилась объектом террористических атак и столкнулась с враждебностью местного населения и шиитской милиции.

В конце 1982 г. начались израильско-ливанско-американские переговоры, в ходе которых Израиль требовал вывода из Ливана всех иностранных войск (в том числе сирийских войск и сил ООП), организации особого режима безопасности на юге Ливана и установления нормальных отношений между Ливаном и Израилем, включая свободу передвижения, туризма и торговли и открытие посольств. Объектом разногласий стала судьба отрядов христиан и шиитов под командованием майора Хаддада, на сохранении которого комендантом двадцатипяти-мильной особой зоны на юге Ливана настаивал Израиль. Но главной проблемой оставались сирийские силы в Ливане, позиции которых в долине Бекаа были усилены за счет советских ракетных комплексов, позволявших контролировать воздушное пространство вплоть до Тель-Авива и до Восточного Кипра, а также над той частью Средиземного моря, где базировался Шестой флот США. В феврале 1983 г. СССР установил свои ракетные комплексы в двух крупнейших городах Сирии. Советские политобозреватели-международники объявили это шагом по противодействию американскому проникновению на Ближний Восток.

17 мая 1983 г. Израиль и Ливан подписали соглашение, предусматривавшее установление дипломатических и торговых отношений между странами и призывавшее к выводу из

Ливана всех иностранных войск. Соглашением предусматривалось совместное ливанско-израильское воздушное и морское патрулирование территории Ливана. Майор Хаддад должен был стать заместителем командующего южным военным округом Ливана и начальником его разведки. В июне 1983 г. Кнессет ратифицировал соглашение, которое так никогда и не было ратифицировано парламентом Ливана. Но реальная власть ливанского правительства была ограничена районом Бейрута, а Сирия официально заявила о нежелании выводить свои войска с территории Ливана.

Мирный договор между Израилем и Ливаном так и не был воплощен в реальности. Сирийское правительство рассчитывало на то, что требования оппозиции об одностороннем выводе войск из Ливана и нарастающие расходы на продолжение ливанской операции вынудят Израиль пойти на односторонние уступки. Израильское правительство склонялось к проведению частичного вывода войск на линию реки Аввали. Хотя после обнародования этого плана США, Ливан и страны Западной Европы обратились к Израилю с просьбой не отводить войска до полного вывода частей других иностранных армий, 3–4 сентября 1983 г. отвод войск был осуществлен. Еще до того, как это случилось, в июне-июле 1983 г. в рядах ООП произошел раскол, в результате которого значительная часть ФАТХ, самой крупной организации внутри ООП, создала «фракцию Абу-Мусы» и с оружием в руках выступила против Я.Арафата. Сирия поддержала противников Я.Арафата, который после непродолжительной борьбы был вынужден бежать из Сирии. Еще ранее, в апреле 1983 г. был убит Иссам Сартауи, один из руководителей ООП, призывавший к переговорам с Израилем. Хотя численно (6 тыс. человек со штаб-квартирой в Тунисе) фракция движения ФАТХ, контролируемая Я.Арафатом, была больше фракции Абу-Мусы (2,5 тысячи человек со штаб-квартирой в Дамаске), но последняя была организована в две воинские бригады («Ярмук» и «Караме») и принимала непосредственное участие в конфликте, хотя и под сирийским контролем.

С этого момента (и такое положение сохраняется до сегодняшнего дня) Сирия стала главным противником Израиля в арабском мире. Иордания, напротив, продемонстрировала в ходе Ливанской войны готовность к поддержанию фактического состояния мира с Израилем, что стало началом пути к реальному договору о мире, заключенному в 1994 г. Египет в 1982 г.

отозвал своего посла из Израиля, не разорвав, однако, дипломатических отношений с ним. В 1986 г. египетский посол снова вернулся в Израиль, но ситуация с его отзывом по прежнему сценарию повторялась позднее во время каждой из вспышек интифады (в том числе и сегодняшней). Присутствие Израиля в Южном Ливане постоянно сокращалось в течение 1984 г., а в начале июня 1985 г. правительством национального единства, сформированным 13 сентября 1984 г., было объявлено о выводе израильских войск из Ливана. Однако ЦАХАЛ продолжал оказывать прямую военную поддержку местной южноливанской милиции, во главе которой после смерти Хаддада встал генерал Антуан Лахад. Израильские войска на восемнадцать лет остались в созданной на юге Ливана Зоне безопасности. Израильские политики признали, что операция «Мир Галилее» не решила проблемы защиты страны от терроризма, хотя и уменьшила его непосредственную угрозу с территории Ливана. Подобная ситуация сохранилась до 24 мая 2000 г., когда правительство Э.Барака реализовало собственное решение о полном выводе израильских войск из Южного Ливана.

IX. ПРАГМАТИЗМ БЕРЕТ ВЕРХ: ДОСТИЖЕНИЕ МИРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ С ЕГИПТОМ И ИОРДАНИЕЙ

Анализ военных конфликтов между Израилем и его арабскими соседями не должен создать впечатление, будто история взаимоотношений между Израилем и арабскими странами не знает ничего, кроме войн. В настоящей работе уже упоминалось о многочисленных попытках поисков политического компромисса между сторонами, предпринятых как в период ишува, так и после завершения Войны за независимость. Усилия достичь политических соглашений предпринимались и позже – история дипломатии едва ли знает другой пример столь продолжительных и интенсивных контактов между политическими лидерами стран, формально находящимися в состоянии войны. В середине 2000 г. в израильской прессе была опубликована информация о состоявшихся во второй половине 90-х годов девяти (!) посещениях Дамаска доверенным лицом тогдашнего премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху американским предпринимателем Роном Лаудером. С сирийскими политическими и военными руководителями встречались и израильские официальные делегации. Этот факт ни в коей мере не может считаться исключением из правила – наоборот. Как вспоминает Моше Сассон, бывший первый посол Израиля в Египте после провозглашения независимости (как известно, Египет стал первой арабской страной, признавшей право Израиля на существование и установившей с ним дипломатические отношения в полном объеме), «первые переговоры израильтяне вели с Египтом, и первая встреча состоялась 21 сентября 1948 года между представителем короля Фарука, Кималем Риадом, и представителем Израиля, Элияху Сассоном». Уже на первой встрече Кималь Риад (который приехал во Францию по поручению короля Фарука с целью «проверить возможность заключения сепаратного мирного соглашения между Египтом и Израилем») сформулировал четыре основных тезиса, три из которых с тех пор и до сегодняшнего дня присутствуют во всех переговорах между Израилем и его соседями-

ми. Во-первых, соглашение должно быть «соглашением достойных», а не капитуляцией. Во-вторых, Египет требовал от Израиля (уже в 1948 г.) гарантии против возможной территориальной израильской экспансии в будущем; Кималь Риад настаивал на подписании «договора о ненападении» вдобавок к мирному соглашению. В-третьих, Египет требовал гарантий против возможной экономической экспансии Израиля. В-четвертых, Египет добивался гарантий, что Израиль не будет поощрять проникновение в страну коммунизма, «которого весьма и весьма опасается король Фарук» (имеет смысл напомнить, что в то время Израиль сохранял нейтралитет на международной арене).

Важно обратить внимание на то, что на этой встрече Египет не представил Израилю никаких требований касательно судьбы палестинцев, которых египтяне якобы намеревались «спасти от рук евреев». Я цитирую слова Абдула Мунима Мустафы, главного представителя Египта, произнесенные в приватной беседе с израильским представителем в ходе Лозаннской конференции в 1949 г.: «Все ходы относительно палестинцев были тактическими и их целью являлось достижение национальных египетских интересов»⁹⁷.

Представляется более чем вероятным, что и решение президента Г.А.Насера о проведении в Египте в 1964 г. учредительного съезда Организации освобождения Палестины (освобождения от евреев, больше в середине 60-х годов освободить ее было не от кого), равно как и очевидно пропалестинская линия нынешнего президента Египта Х.Мубарака продиктованы в значительной большей степени их стремлением к достижению египетской гегемонии в арабском мире, а не искренней обеспокоенностью страданиями палестинского народа. На протяжении почти двадцати лет – с 1948 по 1967 г. – населенный сотнями тысяч палестинских арабов сектор Газа находился под полным египетским контролем, однако никаких усилий по созданию на этой территории палестинского государства или хотя бы автономии египтянами предпринято не было. Подписание в 1979 г. египетским президентом А.Садатом и премьер-министром Израиля М.Бегиным мирного договора между двумя странами также не обуславливалось египтянами сколько-нибудь конкретными израильскими обязательствами по палестинскому вопросу. Об этом, в частности, свидетельствует в своих мемуарах бывший государственный министр по иностранным делам Египта, впослед-

ствии избранный Генеральным секретарем ООН, Бутрос Гали. По его словам, он «повторял по каждому поводу, что мир между Египтом и Израилем должен быть увязан с прогрессом [в обеспечении прав палестинцев] в Газе и на Западном берегу». Однако, по его же свидетельству, «такой увязки и Садат, и Бегин по разным причинам старались избежать»⁹⁸. Не лишним будет напомнить, что первое из израильско-палестинских соглашений было подписано лишь четырнадцать лет спустя после подписания израильско-египетского мирного договора.

Переговоры между израильскими и иорданскими лидерами также начались задолго до подписания в октябре 1994 г. мирного договора между двумя странами. Собственно говоря, интенсивные контакты между ними начались еще до провозглашения государственной независимости Израиля (частично они были описаны выше). Переговоры между сторонами возобновились 20 декабря 1948 г., задолго до окончания Войны за независимость, и продолжались фактически до дня убийства короля Абдаллы I, павшего от рук мусульманского фанатика. Эти переговоры выявили весьма значительные расхождения во взглядах сторон. В особенности это касалось требования Иордании о распространении ее суверенитета на шоссе, соединяющее сектор Газа с западным побережьем реки Иордан и при этом проходящее десятки километров по суверенной территории Израиля. Немаловажным было и то обстоятельство, что Великобритания и Египет выступали против заключения сепаратного мирного соглашения между Израилем и Иорданией. Внук короля Абдаллы I Хусейн, правивший Иорданией почти пятьдесят лет, также многократно встречался едва ли не со всеми израильскими лидерами. В 1985 г. Иордания достигла негласной договоренности с руководителями Советского Союза и Сирии, согласно которой Иордания сохраняла право на продолжение более или менее регулярных встреч с представителями Израиля, однако обязалась не идти на официальные мирные переговоры и не заключать мирный договор с Израилем в одностороннем порядке⁹⁹.

Официальные переговоры между сторонами начались в 1991 г. США ощущали моральную ответственность перед своими арабскими союзниками с тех пор, как те заняли сторону Вашингтона во время войны в Персидском заливе. Кроме того, Вашингтон хотел снять с себя раздававшиеся со стороны арабов обвинения в том, что его политика в отношении Израиля и

арабских стран – это политика двойных стандартов. Первый шаг в этом направлении был сделан через несколько дней после окончания наступления на Ирак. 6 марта 1991 г. президент США Дж.Буш объявил о новой мирной инициативе, основанной на пяти принципах, включавших принятие формулы «мир в обмен на территории», заключение соглашений в области обеспечения безопасности, признание Израиля арабскими странами, обеспечение юридических и политических прав палестинцев, а также укрепление мира и стабильности на Ближнем Востоке на базе резолюций № 242 и № 338 Совета Безопасности ООН.

Обе стороны были не в восторге от американской инициативы. Израиль в лице своего премьер-министра И.Шамира отверг формулу «мир в обмен на территории». Однако Вашингтон был решительно настроен продвигать мирный процесс. Поэтому государственный секретарь США Дж.Бейкер предпринял ряд поездок по странам региона для проведения консультаций с заинтересованными сторонами, в частности, с Сирией, Иорданией, Египтом и ООП, с одной стороны, и с Израилем – с другой¹⁰⁰.

Усилия Дж.Бейкера были направлены на то, чтобы убедить заинтересованные стороны в необходимости прийти к прочному урегулированию как на краткосрочную, так и на отдаленную перспективу. На переговорах с арабскими руководителями Дж.Бейкер подчеркивал, что урегулирование, к которому стремится Америка, будет основываться на резолюциях № 242 и 338. Поэтому заинтересованные арабские лидеры согласились на американскую инициативу, считая, что эти резолюции требуют ухода Израиля с оккупированных в 1967 г. территорий. При этом планировалось, что после церемонии торжественного открытия переговоры продолжатся по двум направлениям: двусторонние переговоры должны были выработать модели решения конфликтов прошлых лет, тогда как многосторонние переговоры должны были быть направлены на строительство будущего Ближнего Востока¹⁰¹.

Главным требованием Израиля был вопрос об ограничении сферы представительства делегации только той частью палестинского народа, которая проживала на Западном берегу реки Иордан (за исключением Восточного Иерусалима) и в секторе Газа. Другим принципиальным требованием стало требование об исключении из числа участников переговорного процесса

деятелей, связанных с Организацией освобождения Палестины (ООП). Последнее было связано с действовавшим в законодательном порядке запретом на любые контакты с ООП, которая была отнесена к числу «террористических организаций»¹⁰².

Израиль настаивал на том, что в переговорах могут участвовать только палестинцы, живущие на территориях Западного берега и сектора Газа, но не представители палестинской диаспоры, связанные с ООП. Сложилась парадоксальная ситуация: делегация была сформирована ООП и действовала под ее жестким давлением, при этом формально Израиль не признавал участия ООП в переговорах. 28 сентября 1991 г. Национальный Совет Палестины, собравшийся на сессию в Алжире, согласился участвовать в мирной конференции. Однако Израиль поставил условие, чтобы палестинцы присутствовали на ней не как самостоятельная сторона, а в рамках единой иордано-палестинской делегации. Иорданская и палестинская стороны пришли к соглашению, чему способствовали усилия министра иностранных дел Иордании. После этого премьер-министр Иордании А.Аль-Маджали был назначен главой делегации, а главой палестинской стороны ООП назначила Х.Абдель Шафи.

Между тем в Иордании разгорелась острая дискуссия между сторонниками и противниками участия страны в мирной конференции. Около пятидесяти депутатов парламента подписали петицию с требованием вынести вотум недоверия правительству в связи с его намерением принять участие в конференции. Однако король Хусейн положил конец спорам, выступив 12 ноября 1991 г. с обращением к нации – речью, которую можно считать первым документом мирного процесса между Иорданией и Израилем.

В своем выступлении король сказал: «Иордания находится в полублокаде, в ней свирепствуют безработица и голод. Участие в конференции продиктовано тем, что конференция основывается на резолюциях № 242 и № 338, и что справедливый мир является ключом, который откроет перед нами путь к лучшему будущему».

Спустя два дня после проведения Национального конгресса в Аммане Дж.Бейкер прибыл в иорданскую столицу и заявил, что усилия США позволили добиться от мирового сообщества предоставления Иордании в 1992 г. помощи в размере 1,3 млрд. долл. Известие об обещанной помощи прозвучало в тот момент, когда внешний долг страны достиг 8,3 млрд. долл., а приток

300 тыс. беженцев из Кувейта и других стран Персидского Залива, вызванный войной, поставил иорданское общество и экономику на грань кризиса. Кроме того, Дж.Бейкер объявил, что Саудовская Аравия сняла запрет на транзитный провоз через ее территорию иорданских товаров, что открывало для продукции иорданского сельского хозяйства доступ на рынки Персидского залива, а значит, и способствовало выходу из кризиса.

Когда все условия для проведения мирного форума созрели, лидеры двух великих держав – СССР и США – 19 октября направили правительствам Иордании, Сирии, Ливана, Египта и Израиля, а также палестинцам приглашение участвовать в мирной конференции, открывавшейся в столице Испании.

Мадридская конференция открылась 30 октября 1991 г. под председательством Дж.Буша и М.Горбачева. В ней участвовали делегации от США и СССР (страны–сопредседатели) во главе с госсекретарем Дж.Бейкером и министром иностранных дел Б.Панкиным, а также представители непосредственно заинтересованных сторон, в том числе Иордании и Палестины, во главе с министрами иностранных дел Иордании К.Абу Джабером, Сирии (Фарук аш–Шараа), Ливана (Фарис Буэйз), Египта (Амр Муса), Израиля (Ицхак Шамир).

На конференции присутствовали также (в качестве наблюдателей) также делегации Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива, которые своим участием хотели поддержать перечисленные страны в их мирных устремлениях.

Работа конференции началась с выступлений ее сопредседателей. Президент Буш заявил, что резолюции № 242 и 338 являются основой будущих переговоров. Он заявил также о необходимости дать палестинскому народу реальную возможность определять свою жизнь и судьбу. Со своей стороны, М.С.Горбачев заявил, что участие в конференции двух великих держав продиктовано не желанием навязать какое–то решение конфликта, а стремлением приложить все усилия к достижению мира. Он также сказал, что этот мир означает уважение права палестинского народа. Первый – церемониальный – этап работы конференции продлился три дня.

Второй этап работы конференции начался 3 ноября 1991 г. с двусторонних встреч между арабскими делегациями, с одной стороны, и делегацией Израиля – с другой. Израильская делегация потребовала, чтобы двусторонние переговоры проходили в арабских странах и Израиле, однако сирийские, иордан-

ские и палестинские представители с этим требованием не согласились. В результате арабские и израильская делегации пришли к соглашению о том, что переговоры возобновятся через три недели (при этом, однако, не было достигнуто согласия о месте проведения переговоров).

На следующий день, 4 ноября, Израиль объявил о строительстве нового поселения на Голанах и о планах строительства еще одного поселения на Западном берегу реки Иордан. После этого некоторые арабские страны (в частности, Ливия) стали выступать с критикой самого факта проведения конференции, а НФОП и ДФОП объявили о выходе из Исполкома ООП; с резкой критикой выступило и движение ХАМАС. В Тегеране была проведена координационная встреча противников мирного урегулирования, в которой участвовали не только представители исламского движения ХАМАС, но и делегаты от десяти светских оппозиционных курсу Я.Арафата фракций в ООП¹⁰³.

Израиль поставил четыре условия для возобновления переговоров. Это проведение переговоров по процедуре, невмешательство США и иных посредников в детали переговоров, перенос переговоров на Ближний Восток, отнесение ранее установленной даты переговоров на более поздний срок.

28 января 1992 г. в Москве открылся третий этап работы конференции. Результатом двухдневных переговоров было создание пяти рабочих комиссий: по экономическим вопросам, водным ресурсам, контролю над вооружениями, беженцам и по экологическим проблемам.

Параллельно с многосторонними, развивались и двусторонние переговоры. В течение 1992 г. была проведена серия тайных встреч между представителями израильской и палестинской сторон. Политика тайной дипломатии была оправдана в силу того, что и в израильской и в палестинской среде было немало сил, способных помешать проведению переговоров. Таким образом, в условиях строжайшей секретности в Осло прошла серия из четырнадцати встреч, в ходе которых стороны значительно продвинулись к достижению мирного соглашения¹⁰⁴. Уже в августе 1992 г. новый премьер-министр Израиля Ицхак Рабин заявил о возможности проведения в марте – апреле 1993 г. всеобщих выборов в палестинский административный орган на контролируемых территориях, исключив из его компетенции вопросы обороны и внешних сношений¹⁰⁵. 20 августа 1993 г. тайные переговоры между представителями пра-

вительства Израиля и уполномоченными сотрудниками ООП стали фактом гласности¹⁰⁶. 9 сентября 1993 г. Я.Арафат отправил письмо премьер-министру Израиля И.Рабину в котором он заявил, что ООП признает право Израиля на мирное и безопасное существование, а также принимает резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338. Я.Арафат также обещал, что те статьи Хартии ООП, которые отрицают право Израиля на существование, будут отменены. В ответ Израиль признал ООП легитимным представителем палестинцев на переговорах.

После того, как произошел решающий прорыв на палестинском направлении, 14 сентября 1993 г. в Вашингтоне в торжественной обстановке был подписан совместный иордано-израильский рабочий график мирных переговоров. С иорданской стороны его подписал глава делегации Ф.ат-Тарауна, с израильской – Э.Рубинштейн.

Параллельно с многосторонними развивались и двухсторонние переговоры. Важный шаг на пути к миру был сделан в 1993 г. в результате встречи между принцем Хасаном и министром иностранных дел Израиля Ш.Пересом в присутствии американского президента. В итоге была создана трехсторонняя (иордано-израильско-американская) комиссия по экономическим вопросам. Она провела несколько заседаний, на которых обсуждались пункты рабочего графика и проект развития долины р. Иордан. По свидетельству Шимона Переса, черновик мирного договора между двумя странами был согласован к 5 мая 1993 г.¹⁰⁷

15 июля 1994 г. в Аммане было объявлено, что король Хусейн принял приглашение американского президента ему и израильскому премьер-министру И.Рабину приехать в Вашингтон, встретиться с ним 25 июля и выступить в Конгрессе США на совместном заседании обеих палат. После того как король Хусейн объявил об этом решении, Совет министров Иордании 16 июля постановил образовать иорданскую делегацию во главе с Ф. ат-Тарауной для участия в двусторонних переговорах.

Интенсивный переговорный процесс между сторонами возобновился 18 июля 1994 г.; на линии прекращения огня (между городами Эйлат и Акаба) состоялась встреча, продолжавшаяся два дня. Было объявлено, что следующие встречи будут происходить поочередно на иорданской и на израильской стороне. За этим событием последовала встреча министров иностранных дел Израиля, Иордании и США. Ее участники объя-

вили о подготовке генерального плана по развитию долины р. Иордан, который должен быть представлен на Вашингтонском совещании на высшем уровне.

Утром 25 июля 1994 г. в Белом Доме состоялась историческая встреча между королем Хусейном и И.Рабином в присутствии президента Клинтона. Это была первая публичная встреча руководителей двух стран. В начале встречи лидеры обменялись рукопожатием. Затем каждый из них произнес речь, в которой выразил свои чувства в связи с происходящим событием. Обращаясь к И.Рабину, король Хусейн сказал: «Вы – наши партнеры в стремлении построить новое будущее для нашего региона, для всех наших народов и для всего человечества». Рабин в своем выступлении сказал, что обмен рукопожатием между ним и королем Хусейном «означает, что народы Иордании и Израиля больше не поднимут оружия друг против друга».

Декларация также намечала ряд шагов, направленных на преодоление психологических барьеров и других негативных последствий войны. Было принято решение об установлении прямой телефонной связи между Иорданией и Израилем, о развитии электросети, связывающей обе страны, об открытии двух новых пропускных пунктов на иордано-израильской границе. Фиксировалась также возможность свободного передвижения иностранных туристов, начала переговоров по открытию международного воздушного коридора, сотрудничества правоохранительных органов двух стран в борьбе с преступностью и контрабандой наркотиков. Важный пункт касался переговоров по экономическим вопросам, включая вопрос об отмене бойкота Израиля.

Чтобы способствовать устранению психологических барьеров между двумя странами и продемонстрировать искренность миролюбивых устремлений Иордании, король Хусейн, возвращаясь из поездки в США, когда его самолет пролетал над территорией Израиля, позвонил с борта самолета премьер-министру Израиля И.Рабину и высказал свое удовлетворение тем, что пролетает над землей его страны.

На следующий день Израиль сделал жест доброй воли, начав переброску воды из реки Ярмук в Иорданию через Гурский канал; он также объявил, что в течение двух месяцев таким образом в Иорданию будет перекачано в общей сложности 4 млн. куб. м воды. 7 августа началась реализация одного из

пунктов Вашингтонской декларации – об установлении телефонной связи между Иорданией и Израилем, а король Хусейн переговорил по телефону с главой израильского государства. 8 августа 1994 г. открылся пропускной пункт на границе (в Вади Араба) между Акабой и Эйлатом. Это событие сопровождалось торжествами, в которых участвовали принц Хасан, И.Рабин и госсекретарь США У.Кристофер.

16 октября 1994 г. король Хусейн встретился с И.Рабином, чтобы обсудить с ним вопросы, связанные с ходом иордано-израильских переговоров (в рамках Вашингтонской декларации), устранить недоговоренности по территориальному и водному спорам, а также подготовить подписание в первом варианте мирного договора между двумя странами.

Последний тур переговоров начался 20 октября, т.е. спустя три года после начала Мадридской конференции. Ход событий ускорился; на 26 октября были назначены торжества по случаю подписания договора в Вади Араба. Приглашения на торжества были направлены многим арабским и иностранным государственным деятелям, в том числе президенту США Б.Клинтону. Итак, мирный договор был заключен. Со стороны Иорданского Хашимитского Королевства его подписал премьер-министр А.Аль-Маджали, а со стороны Государства Израиль – премьер-министр И.Рабин. Дворец в кратчайший период провел через иорданский парламент закон № 14 от 1994 г. «О ратификации мирного договора». Уже 10 ноября 1994 г. между израильскими и иорданскими представителями был проведен обмен ратификационными грамотами, который и стал началом вступления договора в действие¹⁰⁸.

11 декабря 1994 г., менее чем через два месяца после церемонии в Вади Араба, в Тель-Авиве открылось иорданское посольство, а в Аммане – израильское. Символичным стало и назначение первым иорданским послом в Израиле последовательного сторонника мира и активнейшего участника переговорного процесса, бывшего заведующего иорданским информационным бюро в США Марвана Муашшера. Это был недвусмысленный знак того, что продолжение сближения и сотрудничества с израильянами является для Аммана приоритетным.

В первой половине 1995 г. страны заняли территорию с учетом новой, закрепленной в мирном договоре (статья 3), международной границы, установленной по линии раздела в 1922 г. двух британских подмандатных территорий Трансиор-

дании и Палестины. Стороны уточнили морскую границу в Акабском заливе и на Мертвом море. 25 июня 1995 г. был установлен первый из 122 пограничных столбов, которые после завершения процесса демаркации должны обозначать 220-километровый участок иордано-израильской границы от Мертвого до Красного моря. Вступили в действие специальные соглашения по районам аль-Хамр/Зофар и Бакура/Нагараим, которые перешли под суверенитет Иордании, но на которых израильтяне сохранили право продолжать заниматься сельским хозяйством.

В феврале 1995 г. стороны подписали двустороннее соглашение по туризму, которое определило основные направления иордано-израильского сотрудничества в этой сфере и конкретизировало совместные туристические проекты. В соответствии с данным соглашением был значительно упрощен порядок пересечения сухопутной иордано-израильской границы (в Акабе/Эйлате и по мостам через р. Иордан) для граждан обоих государств, которые желали бы посетить Израиль или Иорданию с туристическими целями (необходимость получения въездной визы, правда, была сохранена). С 1 апреля 1996 г. начались регулярные автобусные перевозки туристов на маршрутах Амман – Тель-Авив, Хайфа, Назарет, Ирбид – Хайфа, Назарет, Акаба – Эйлат.

В мае 1995 г. вступило в действие промежуточное иордано-израильское соглашение по воздушному сообщению. Благодаря этому иорданская гражданская авиация смогла летать через воздушное пространство Израиля, что позволяло существенно экономить время полетов и горючее. 16 января 1996 г. сторонами было подписано новое Транспортное соглашение, вступившее в действие для наземного транспорта 1 апреля, а для воздушного – 7 апреля того же года.

17 сентября 1995 состоялся первый чартерный рейс иорданской авиакомпании из Аммана в Тель-Авив. 7 апреля 1996 г. «Ройял Вингз» (одно из дочерних предприятий национальной авиакомпании «Ройял Джорданиен») начало осуществлять постоянное авиасообщение между Амманом и Тель-Авивом.

После подписания в октябре 1996 г. «Дополнения к двустороннему соглашению о перевозках между Иорданией и Израилем» интенсивность пассажирского авиасообщения между двумя странами вышла на уровень шести рейсов иорданских «Ройял Вингз» в Тель-Авив и двух – в Хайфу, а также пяти рейсов израильской «Аркиа» в Амман.

По данным занимавшего в тот период пост министра транспорта Иордании Н.Лози, с октября 1994 г. по июнь 1996 г. королевство посетили 120 тыс. израильтян (израильтяне называют цифру 200 тысяч), при этом, по информации посла Иордании в Тель-Авиве О.Рифаи, за тот же период Израиль посетило более 50 тыс. иорданцев. По данным израильтян, начиная с 1997 г. поток израильских туристов стал стабильно составлять около 125 тыс. чел. в год, иорданцев – около 47–50 тыс., не считая навещающих родственников.

В августе 1995 г. в соответствии со статьей 21 мирного договора было подписано двустороннее соглашение в области здравоохранения. Наряду с другими положениями в него были включены пункты об обмене специалистами и информацией о новых медицинских технологиях и фармацевтических препаратах.

В этом же месяце стороны подписали промежуточное соглашение в области энергетики, в котором предусматривалась возможность объединения израильской и иорданской энергосистем. Запланировано создание высоковольтных линий Амман-Цфат, Акаба-Эйлат, Сафи-Содом (район Мертвого моря), Ирбид-Тель-Ор (на севере Иорданской долины).

В начале сентября 1995 г. Иордания и Израиль подписали соглашение о защите окружающей среды, в котором наметили основные направления сотрудничества в решении экологических проблем. В частности, предусматривается установление единых экологических стандартов, регулярный обмен информацией по потенциально опасным в плане экологии промышленным объектам, расположенным вблизи границы между странами, и проведение совместных работ по экологической экспертизе проектов в области туризма и энергетики, реализация которых намечена в районах Акабского залива, Вади Араба, Мертвого моря и долины р. Иордан. Уже в конце того же месяца Израиль по просьбе иорданцев оказал им содействие в ликвидации последствий возникшей в порту Акабы аварии, которая стала причиной выброса в Акабский залив около 100 тонн нефти.

Уже через полгода после церемонии в Вади Араба был реализован первый проект в сфере водных ресурсов: 26 июня 1995 г. король Хусейн торжественно открыл водовод длиной 3,4 км, соединивший Тивериадское озеро и канал короля Абдаллы. Его мощность – 30 млн. куб. м/год.

После проведения в течение нескольких месяцев интенсивных переговоров для согласования позиций сторон Иорда-

ния и Израиль подписали 25 октября 1995 г. торговое соглашение и на следующий день, 26 октября – соглашение по сельскому хозяйству. Цель этих документов, по мнению участников переговоров, заключалась в обеспечении активизации иордано-израильских экономических отношений. Так, в соответствии с достигнутым соглашением по сельскому хозяйству иорданская ежегодная квота на экспорт аграрной продукции в Израиль составила 50 тыс. тонн свежих овощей и фруктов, 30 тыс. овец, 2 тыс. тонн сыра и 900 тонн оливкового масла. Израиль получал право экспорта в Иорданию тех сельскохозяйственных товаров, которые королевство вынуждено закупать за рубежом. В торговой сфере Иордания получала снижение израильских таможенных пошлин на большую часть своей промышленной продукции (в частности, цемент, мебель, продукты питания, лекарства) от 20 до 50% сроком на три года (после чего было намечено вновь вернуться к согласованию этого вопроса). Взамен Израилю предоставлялось десятипроцентное снижение таможенных ставок на целый ряд товаров (фанерные изделия, автомобильные покрышки, средства связи, медицинское оборудование, лекарства, продукты питания и др.), предполагаемых для ввоза в Иорданию.

Во второй половине сентября 1996 г. на заседаниях совместных комитетов сельскохозяйственной координации, состоявшихся в Израиле, стороны дали зеленый свет реализации с середины октября 1996 г. соглашений о сельскохозяйственном сотрудничестве и торговом обмене.

В конце октября 1995 г. министр внутренних дел Иордании и министр полиции Израиля подписали соглашение по вопросам безопасности, которое значительно дополнило первое иордано-израильское соглашение в этой области от февраля того же года. В соответствии со вторым документом наряду с сотрудничеством в деле охраны границ стороны наметили координацию своей деятельности по борьбе с терроризмом и наркобизнесом, совместные расследования, в случае необходимости, различных преступлений, обмен информацией и результатами экспертиз, установление между полицейскими ведомствами обоих государств прямой телефонной линии, а с декабря 1995 г. начало деятельности совместного иордано-израильского комитета по вопросам безопасности.

Интенсивно развивалось взаимодействие по региональным проблемам. Кроме этого, И.Рабин использовал свое влия-

ние в американской администрации для лоббирования в Вашингтоне иорданских экономических интересов. Так, по просьбе короля Хусейна он в ходе визита в США в октябре 1995 г. посоветовал американцам положительно решить вопрос о поставках Амману 72 истребителей F-16 и безвозмездной передаче иорданским вооруженным силам военно-транспортного оборудования и средств связи на общую сумму около 100 млн. долл.

Очень скоро, однако, вектор развития иордано-израильских отношений изменился в худшую сторону. Как отмечает К.З.Хамзин, «первой «ласточкой» перемен стала эмоциональная реакция иорданских парламентариев на обострение событий на юге Ливана весной 1996 г. Обычно они придерживались неписаного правила публично не идти наперекор политике дворца. Посвятив данной проблеме заседание, Палата депутатов иорданского парламента приняла декларацию, призывающую правительство приостановить действие мирного договора с Израилем, выслать израильского посла в Аммане, соответственно отозвав своего из Тель-Авива, прекратить процесс нормализации, все переговоры, встречи и визиты, а также созвать экстренный общееарабский саммит и активизировать Договор арабской коллективной обороны. С этого момента противодействие нормализации отношений с Израилем вступило в новую фазу»¹⁰⁹.

В Иордании с каждым новым витком напряженности на палестинском и ливанском направлениях буквально на глазах происходила эрозия общественной поддержки мирного договора. Даже те иорданцы, кто не имел палестинских корней, не могли, будучи арабами и мусульманами, провести грань между своим отношением к миру с Израилем и эмоциональной реакцией на различные инциденты, происходившие на Западном берегу р. Иордан и на юге Ливана.

Наиболее организованной силой выступают сегодня противники договора и нормализации отношений с Израилем. Лидирующие позиции в этом лагере занимают исламисты и арабские национал-патриоты. Они же составляют костяк и так называемой оппозиции, считающей, что ее мнение также должно учитываться при выработке внутренней и внешней политики страны. Представители оппозиции не замечают разницы между израильскими правительствами и с каждым днем лишь усиливают антиизраильскую кампанию. Разрыв с Израилем при этом

рассматривается ими как часть общей стратегии по воссозданию единого арабского и исламского фронта, противостоящего не только израильскому, но и «мировому сионизму», стремящемуся оторвать арабов и исламский мир от их духовных корней, а затем полностью подчинить своей воле.

Работа ведется как через политические партии, так и через такие общественные институты, как профессиональные ассоциации и специализированные народные комитеты (например, Комитет противодействия нормализации, Комитет поддержки Ирака и др.). И хотя статистика об участии иорданцев в деятельности, направленной против нормализации отношений с Израилем, сильно завышается оппозицией, нельзя не признать, что ее ряды быстро растут. Этому объективно способствует и существующая в Иордании профессиональная организация общества. Дело в том, что по целому ряду иорданских законов и подзаконных актов право на занятие тем или иным трудом обусловлено членством в соответствующей профессиональной ассоциации. Исключение из нее влечет за собой изъятие профессиональной лицензии. При этом ассоциации являются не только своего рода профсоюзами, но и активно вовлечены в политическую деятельность, по своим масштабам существенно превосходящую деятельность партий. Во многих ассоциациях уже приняты внутренние нормативные документы, запрещающие их членам под угрозой исключения любые действия, которые могут быть расценены как сотрудничество с Израилем. 14 ассоциаций являются корпоративными членами Комитета противодействия нормализации (КПН).

Так, в сентябре 1999 г. Иорданская ассоциация прессы (своего рода Союз журналистов, отсутствие членства в котором не позволяет заниматься журналистской деятельностью на территории Иордании) исключила из своих рядов троих журналистов за «нарушение правил ассоциации и нормализацию с Израилем». В середине ноября их восстановили в ИАП в обмен на подписание заявления о поддержке борьбы против нормализации. Однако несмотря на «раскаяние», против журналистов, а также самой ассоциации выступил КПН, который в связи с последним решением Иорданской ассоциации прессы призвал исключить ее из Комитета.

Среди трезвомыслящих иорданцев, отдающих себе отчет в том, какое место занимает мирный договор с Израилем в процессе оздоровления иорданской экономики и налаживания парт-

нерских отношений со странами Запада, также стал распространяться пессимизм. Поначалу в Аммане возлагались большие надежды на экономическую отдачу от мира и всесторонней нормализации отношений, однако со временем определенное разочарование испытали не только широкие слои общества, ориентировавшиеся под воздействием пропаганды на получение невиданных дивидендов, но и представители деловых кругов, полагавшие, что нормализация создаст им в Израиле и на палестинских территориях определенное поле для деятельности. Об этом, в частности, сообщил в интервью выходящей в Лондоне арабоязычной газете «аш-Шарк аль-Аусат» тогдашний посол Израиля в Аммане Шимон Шамир: «Корни неудовлетворенности иорданцев лежат в изначально нереалистичных ожиданиях, к тому же два года мира вряд ли могут снять все то, что накопилось за десятилетия конфликта».

Арабо-израильский конфликт нередко представляется в виде противостояния Израиля и всего арабского мира в целом, объединенного при поддержке более широкого круга мусульманских стран в некий монолитный блок, отличающийся непримиримой враждебностью к Израилю, твердой решимостью не признавать легитимности его создания и существования и стремлением уничтожить его как «раковую опухоль на теле арабского мира». Согласно этой трактовке, Лига арабских стран является своеобразным институциональным выражением перманентной тотальной войны арабов против Израиля, претендуя на некую «демографическую исключительность» в регионе и стремясь не допустить существования каких-либо неарабских национальных образований в центре арабской родины, используя при этом палестинскую проблему в качестве предлога, а Организацию освобождения Палестины – в качестве орудия делегитимации Израиля и его физического уничтожения.

События 70–80-х годов, когда попытка Египта выйти из единого фронта арабских стран и вернуть себе оккупированный Израилем Синайский полуостров в рамках подписания сепаратного египетско-израильского мирного договора привела к изоляции и бойкоту Египта в арабском мире, а также к гибели его президента А.Садата от рук убийц-экстремистов, вполне укладывались в изложенную выше схему. Однако события 90-х годов, а именно развитие израильско-палестинского переговорного процесса, подписание мирного договора и установле-

ние дипломатических отношений между Израилем и Иорданией, участие Израиля совместно с арабскими странами в работе различных региональных форумов и постепенная нормализация отношений Израиля с рядом других арабских стран, с точки зрения такого подхода, безусловно, труднообъяснимы. События последнего десятилетия, а также опубликованные ныне данные о некоторых ранее скрытых аспектах израильско-арабских отношений прошлых лет неопровержимо свидетельствуют о том, что взгляд на арабо-израильский конфликт как на «тотальное противостояние» является крайне упрощенным и поверхностным, а построенные на его основе выводы и прогнозы весьма далеки от реальности. В действительности взаимоотношения между различными субъектами – участниками ближневосточного конфликта с самого начала представляли собой весьма сложное и многоплановое явление. Российский политолог Е.Ю.Усова справедливо отмечает: «Фактически речь идет о чрезвычайно сложном и многомерном процессе становления ближневосточного региона как новой региональной системы международных отношений, составными компонентами которого являлись: (1) формирование и становление независимых национальных государств, в рамках которого на социопсихологическом и социокультурном уровне происходило формирование и становление новой этнонациональной идентичности; (2) формирование системы взаимоотношений между ними и системы региональных международных организаций; (3) становление новой системы взаимоотношений государств региона с государствами и другими субъектами международных отношений, находящимися за его пределами, в том числе определение новой роли внешних сил в региональной политике. На уровне общественного сознания все это сопровождалось развитием и столкновением националистических идейно-политических течений: арабского, сирийского и палестинского национализма, с одной стороны, и сионизма – с другой»¹¹⁰.

Анализируя причины, приведшие тех или иных арабских лидеров к решению согласиться на подписание мира с Израилем, следует особо выделить три фактора.

Во-первых, в то время как для израильтян установление мира с каждой арабской страной – это самостоятельный, не зависимый ни от чего процесс, большинство жителей арабских стран (при наличии небольшой группы твердых сторонников мира и абсолютных противников какого-либо диалога с Израи-

лем вообще) так и не сумело преодолеть того чувства, что не может быть отдельно взятого мира с Израилем в отрыве от состояния дел на всех других направлениях ближневосточного конфликта. По утверждению главы одной из крупнейших финансовых структур страны Инвестиционной группы «Сенчури» О.Салаха, «для иорданцев если Израиль враждебен какому-то одному арабскому образованию, – он враждебен нам всем»¹¹¹. Ослабление – после смерти Г.А.Насера и ряда политических кризисов в мусульманских странах – идеологии панарабизма все еще не достигло той стадии, когда большинство жителей арабских стран будет относиться к еврейскому государству исключительно в контексте двусторонних отношений с ним своей страны. При этом наиболее резкими противниками нормализации отношений с Израилем выступают в арабских странах представители свободных профессий, интеллигенция. В то время как большинство израильских (как и европейских) интеллектуалов придерживается либеральной, гуманистической ориентации, в арабском мире многие интеллектуалы находятся в авангарде наиболее националистических и антилиберальных движений¹¹².

Так, всего через несколько месяцев после подписания 26 октября 1994 г. премьер-министром Израиля Ицхаком Рабином и премьер-министром Иордании Абдул-Саламом Маджали мирного договора *Иорданская ассоциация дантистов* официально запретила своим членам лечить израильских граждан¹¹³, а в начале 1994 г. *Лига Иорданских писателей* объявила о том, что любой из ее участников будет подвергнут бойкоту, если поддержит нормализацию отношений с Израилем¹¹⁴. Из-за противодействия различных сил достаточно долго не мог быть решен вопрос об открытии в Аммане 1-й Выставки израильской продукции. Был даже создан Национальный комитет противодействия проведению выставки. Когда же она, наконец, состоялась, у павильона прошли массовые демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с силами безопасности Иордании.

Иорданские журналисты констатировали, что антиизраильское давление профессиональных союзов значительно повлияло на освещение в иорданской прессе происходящих в Израиле событий, а также на практическое отсутствие совместных иордано-израильских проектов в сфере массовых коммуникаций. Проведенное недавно исследование показало, что и в 1996–1997 гг., т.е. два и более года спустя после заключения двустороннего мирного договора, лишь в 5,4% сообщений,

опубликованных об Израиле в иорданской прессе, создавался позитивный образ еврейского государства (43,2% сообщений были явно негативными, остальные были определены исследователями как «нейтральные»)¹¹⁵. Во всех трех случаях антиизраильские шаги мотивировались невозможностью нормализации отношений до «полного урегулирования палестинской проблемы» – вопроса, не являющегося основной темой иордано-израильских двусторонних отношений.

Аналогичным образом обстоят дела и в Египте, где целый ряд профессиональных ассоциаций категорически противится нормализации отношений с Израилем в связи с причинами, выходящими за рамки двусторонних отношений. В Египте постоянно переиздается столь одиозная антисемитская фальшивка, как «Протоколы сионских мудрецов». Сегодня египетские интеллектуалы говорят о том, что бороться с Израилем надо экономическими методами. Египетский эксперт в области безопасности Хасан Эль-Карамани говорит, что «война экономическая может достичь тех результатов, которые не могут быть достигнуты военными действиями»¹¹⁶.

Во-вторых, для обеих стран, подписавших мирные соглашения с Израилем (речь идет, конечно, о Египте и Иордании), эти договоры носили преимущественно тактический характер и были нацелены на обеспечение благоприятного внешнеполитического климата: в Египте – для задуманной президентом А.Садатом политической и экономической переориентации от СССР к США, в Иордании – для преодоления последствий изоляции, связанных с поддержкой Иорданием Ирака после его вторжения в Кувейт. Именно выход из противостояния с Израилем, хотя и ценой временной (а в этом А.Садат, судя по всему, не сомневался) изоляции в арабском мире, позволял установить партнерские отношения с США, способными своим влиянием подтолкнуть остальные страны Запада к финансово-экономической подпитке египетского режима. Как показали дальнейшие события, мир с Израилем не был самоцелью египетского руководства и потому практически не вышел за рамки юридического закрепления факта прекращения состояния войны между сторонами и возврата оккупированных территорий.

Аналогичным образом участие Иордании в процессе ближневосточного урегулирования было нацелено на выход из изоляции, в которой страна оказалась вследствие поддержки Ирака в ходе инициированной и ведомой США военной опера-

ции «Буря в пустыне». Как отмечает К.З.Хамзин, в ситуации, когда страна нуждалась в срочных широкомасштабных экономических преобразованиях, она не могла позволить себе сохранять прохладные отношения с Западом. Пауза в операции по оздоровлению экономики, начатой в конце 80-х годов в соответствии с рекомендациями МВФ, грозила обернуться серьезными социальными потрясениями. В Аммане мирный договор с Израилем рассматривали как лучший способ спасти королевство от политических и экономических трудностей, которые оно переживало с момента кризиса и войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг., когда США, монархии Персидского залива и многие государства Европы фактически объявили Иордании бойкот, приписав ей занятие проиракской позиции. В долгосрочной перспективе Амман планировал выйти на такой уровень взаимодействия и партнерства с США и Израилем (а вместе с ними и со всем Западным миром), который гарантировал бы сохранение иорданского трона за Хашимитской династией, а также территориальную целостность и стабильность Иордании. По утверждению посла Иордании в США М.Муашшера, заключение мирного договора с Израилем означало бы «снятие вопроса об альтернативной родине (имеется в виду тезис о том, что Иордания есть палестинское государство) навсегда, через признание Иордании как независимого государства и демаркацию границ с Израилем»¹¹⁷.

В-третьих, многолетняя антиизраильская пропаганда в арабских странах привела к тому, что подписание каких-либо соглашений с Израилем не может не восприниматься общественным мнением в этих странах как событие исключительное во всех отношениях. Подписание мирных соглашений с Израилем ставило авторитарных арабских руководителей под беспрецедентный по своим масштабам огонь критики в своих странах. Столь откровенно непопулярный среди населения шаг, как подписание мирного договора с Израилем, может быть оправдан либо непререкаемым авторитетом главы государства, либо экстраординарными обстоятельствами. Учитывая резкий рост популярности исламистских движений, создавших в большинстве мусульманских стран разветвленную социально-экономическую и военно-политическую инфраструктуру, подписание мира с Израилем ставит нынешних руководителей арабских стран перед реальной угрозой потери власти. Умело направляемое исламистами народное недовольство может

привести как к большим внутренним волнениям, так и просто к физическому устранению глав государств. Тот факт, что значительная часть ближневосточных лидеров, среди которых бывший президент Египта, король и премьер-министр Иордании, а также премьер-министр Израиля, пали жертвой покушений, непосредственно связанных с их деятельностью по налаживанию системы добрососедских отношений на Ближнем Востоке, не может не приниматься во внимание нынешним поколением руководителей. Учитывая, что основной фактор легитимности значительного числа арабских правителей состоит в их родственной связи или «идейной» близости с их предшественниками, любое урегулирование отношений с Израилем проблематично хотя бы потому, что ставит под сомнение преемственность политики действующего руководства. Именно эта проблема, как представляется, является одним из основных препятствий на пути прогресса в израильско-сирийских отношениях. Башар Асад был избран исключительно в силу своего родства с покойным президентом Хафезом Асадом, для чего сирийский парламент в экстренном порядке изменил действующую конституцию страны, не позволявшую ему баллотироваться на столь высокий пост до достижения им тридцатипятилетнего возраста. Хафез Асад на протяжении многих лет отклонял многочисленные израильские и американские мирные инициативы, назначенный им министр обороны Мустафа Тласс опубликовал в 1983 г. антисемитскую книгу «Маца Сиона», в которой «доказывал», что кровавый налет в Дамаске в 1840 г. на самом деле представлял собой справедливое отмщение евреям, совершавшим ритуальные убийства монахов для выпечки мацы. Сын и престолонаследник Хафеза Асада – хочет он того или нет – вынужден продолжать действовать в фарватере той же политики.

При этом даже те договоры, которые были подписаны между Израилем и арабскими странами, не смогли перевести отношения между его участниками на качественно новый уровень. Сложилась ситуация, когда сильный лидер совершает внешнеполитический прорыв, оставляя большинство населения в состоянии активного или пассивного сопротивления. Директор Организации по правам человека в Иордании Л. Камхауи выразился по этому поводу следующим образом: «Люди чувствуют, что это [сближение с Израилем] скорее дело Хашимитской династии, нежели Иордании».

Такой подход демонстрируют не только жители арабских стран, но и граждане Израиля. Продвижение процесса политического урегулирования с палестинцами сопровождалось беспрецедентными по своей массовости демонстрациями протеста, в которых принимали участие представители практически всех субэтнических групп еврейского израильского общества. Израильцы были особенно не готовы пойти на уступки в сфере, касающейся национальных символов: например, намерение Я.Арафата посетить американский Мемориальный центр Холокоста (желание, которое имело бы смысл лишь приветствовать) было расценено как кощунство и святотатство, а естественное для мусульманского лидера, подписывающего мирные соглашения с Израилем, желание помолиться в мечетях на Храмовой горе в Иерусалиме было воспринято как покушение на самые судьбоносные устои израильской государственности. В подобной атмосфере взаимная вражда культивируется значительно быстрее, чем стремление к миру. Все это накладывается на многочисленные стереотипы, вызванные отсутствием достоверной информации друг о друге. Так, например, проведенный в 1994–1997 гг. контент-анализ публикаций двух ведущих израильских газет – «Ха'Арец» [«Страна»] и «Едиот ахронот» [«Последние известия»] – показал, что в разное время вероятность встретить в них те или иные материалы, касающиеся Иордании, колебалась от 32 до 50%. При этом шанс прочесть что-либо, относящееся не к конфликту или двусторонним отношениям, а к социальным, политическим или культурным аспектам собственно иорданской общественной жизни, был в полном смысле слова ничтожным: в рассмотренный период (сто дней на протяжении четырех лет) в обеих ведущих израильских газетах было опубликовано всего четыре подобных статьи¹¹⁸. Аналогичным образом достоверные материалы об израильском обществе и культуре практически полностью отсутствуют в СМИ арабских стран.

Х. РАЗВИТИЕ И КРАХ «ПРОЦЕССА ОСЛО»

Как указывалось выше, израильско-палестинские переговоры в Осло проходили в тайне от широкой общественности и средств массовой информации. Эпоха официальных переговоров между палестинцами и израильтянами началась с подписания в Вашингтоне 13 сентября 1993 г. Декларации о принципах урегулирования двухстороннего конфликта. На протяжении шести последующих лет в Осло, Вашингтоне, Каире и Шарм-аль-Шейхе стороны подписали целый ряд «промежуточных» соглашений. Вашингтонская декларация констатировала, что в период промежуточного урегулирования израильское правительство сохраняет полную ответственность за иностранные дела, оборону и охрану границ. Израиль отвечает за обеспечение безопасности и свободы передвижения на дорогах, а также за безопасность израильских граждан на Западном берегу и в секторе Газа.

Выполнение данных соглашений включало в себя три аспекта¹¹⁹. Первый из них касался введения самоуправления в секторе Газа и в городе Иерихон, соглашение о чем было подписано в Каире 4 мая 1994 г. Конкретная работа над урегулированием деталей его реализации началась в египетском городе Таба на побережье Красного моря. Одновременно в Вашингтоне шли переговоры по согласованию тех прав и полномочий, которые предоставлялись органам власти Палестинской администрации. Второй аспект касался полномочий, передаваемых палестинским властям в остальной части Западного берега. Им передавались значительные права в таких сферах, как образование и культура, здравоохранение, социальное обеспечение, налогообложение и туризм. Было оговорено, что дополнительные сферы ответственности могут быть переданы палестинской стороне по согласованию сторон. Третий аспект Декларации касался выборов Палестинского национального совета и сферы его полномочий.

Важно отметить, что так называемая «формула Осло» представляла собой значительное отступление от тех принци-

пов, которые были выработаны на мадридской конференции. Во-первых, «формула Мадрида» предполагала параллельное ведение как двусторонних, так и многосторонних переговоров по проблемам, представляющим интерес для всех государств региона (экономическое сотрудничество, проблемы экологии и водных ресурсов и др.). При этом предполагалось параллельное развитие диалога между Израилем и всеми граничащими с ним странами. Во-вторых, «формула Мадрида» не признавала возможность создания в перспективе независимого палестинского государства, ведущую роль в котором будут играть лидеры ООП. Именно поэтому И. Шамир настаивал на включении палестинских представителей в совместную иордано-палестинскую делегацию и исключении из переговорного процесса официальных лиц ООП. В-третьих, переговоры должны были проходить гласно и открыто. В противовес этому, соглашения в Осло были достигнутым в тайне прорывом только в отношениях с палестинцами (которых представляли преимущественно лидеры ООП), не только не скоординированным, но даже не согласованным с представителями хашемитской династии.

Существенный изъян соглашений в Осло (изначально определенных как «промежуточные») состоял в том, что в них были заложены обязывающие сроки достижения «окончательного» урегулирования. Переговоры о постоянном урегулировании между Израилем и палестинцами должны были начаться не позднее, чем в начале третьего года действия соглашений о промежуточном урегулировании (май 1996 г.), и закончиться к 4 мая 1999 г. При этом не было выработано никаких рекомендаций и договоренностей по поводу форм сосуществования двух народов после этой даты.

Изначально предполагалось, что переговоры о промежуточном урегулировании не будут включать наиболее спорные и тяжелые проблемы, как, например, вопросы, касающиеся статуса Иерусалима, возможного возвращения или выплаты компенсаций палестинским беженцам, будущего еврейских поселений на контролируемых территориях. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, обсуждение самых проблематичных вопросов было отложено, и не было выработано никаких «промежуточных» механизмов их разрешения; с другой стороны, был установлен четкий и недвусмысленный срок достижения согласия по этим вопросам. Причем не были сформулированы возможные пути продолжения диалога или

продления срока действий «промежуточных» соглашений в случае, если переговоры о достижении «постоянного» урегулирования не завершатся до мая 1999 г. Вероятно, имело бы смысл попытаться достичь и каких-то промежуточных соглашений по наиболее проблематичным вопросам, например, согласовать формы участия палестинских представителей в муниципальном управлении Иерусалима, расширить право на прибытие в Израиль палестинцев на основе принципа воссоединения семей и по гуманитарным соображениям и так далее. Наличие подобных «первичных» соглашений могло бы значительно облегчить последующее продвижение переговорного процесса по соответствующим направлениям, однако никаких действий в этом духе предпринято не было.

Первым практическим шагом по передаче палестинцам контроля над отдельными территориями стало упомянутое выше подписание в Каире 4 мая 1994 г. соглашения о секторе Газа и Иерихоне. Согласно этому документу, под контроль создававшейся Палестинской национальной администрации (Palestinian National Authority) передавалась оккупированная, но не аннексированная Израилем территория сектора Газа (площадью около 365 кв. км), города Иерихон и его окрестностей (площадью более 60 кв. км) на Западном берегу реки Иордан. Израиль сохранил контроль над всеми находящимися в секторе Газа еврейскими поселениями, а также ответственность за обеспечение безопасности и паспортно-визового режима на всех пограничных контрольно-пропускных пунктах.

В соответствии с этим соглашением израильская гражданская администрация в секторе Газа и в районе Иерихона была распущена, а ее полномочия и обязанности были переданы Палестинской администрации. Соглашение предусматривало передачу под палестинский контроль деятельности в двадцати пяти сферах, в том числе в области образования, социального, пенсионного и медицинского обеспечения, трудоустройства, формирования бюджета, налогообложения и страхования, жилищного строительства, транспорта, туризма, обеспечения почтовых и иных услуг связи, функционирования электрических систем и водоснабжения. Кроме того, под палестинский контроль были переданы вопросы, относящиеся к использованию природных ресурсов, охране окружающей среды, сельскому хозяйству, археологическим раскопкам, религиозной деятельности и некоторые другие.

Впоследствии в Париже было подписано соглашение по экономическим вопросам между Израилем и Палестинской национальной администрацией, в котором обговаривались проблемы импортно-экспортных пошлин, валютной политики, налогообложения, а также использования палестинских рабочих на израильском рынке труда. Передача полномочий в сфере образования и культуры состоялась 29 августа 1994 г., чтобы позволить Палестинской администрации вовремя начать школьный учебный год. Передача полномочий в областях социального обеспечения и туризма произошла 13 ноября 1994 г. Переход в ведение Палестинской администрации полномочий в вопросах здравоохранения и налогообложения состоялся 1 декабря 1995 г. 27 августа 1995 г. был подписан Протокол о дальнейшей передаче полномочий и обязанностей, согласно которому в ведение Палестинской администрации передавались вопросы, касающиеся трудоустройства, энергетики, страхования, сельского хозяйства, местного самоуправления, промышленности и торговли.

28 сентября 1995 г. в Вашингтоне было подписано еще одно палестино-израильское соглашение, известное как «Осло-2». В этом документе отмечалось, что первая стадия переговоров между Израилем и ООП завершена. Кроме того, Вашингтонское соглашение определяло порядок проведения выборов в Палестинский национальный совет, а также форму и сроки передачи полномочий от израильской гражданской администрации палестинцам на территориях, не включенных в соглашение по Газе и Иерихону.

Палестинский Национальный Совет из 82 депутатов был сформирован в ходе всеобщих выборов, прошедших на Западном берегу и в секторе Газа 20 января 1996 г. Одновременно Я.Арафат был утвержден в качестве главы Палестинской администрации. Избиратели из Восточного Иерусалима также получили право участвовать в выборах, хотя изначально было согласовано, что палестинцы, живущие в Восточном Иерусалиме, смогут голосовать только, если они имеют дополнительный адрес на Западном берегу или в секторе Газа. Процесс выборов проходил под наблюдением представителей различных зарубежных стран и международных организаций, но несмотря на это, сопровождался многочисленными нарушениями. Эти нарушения были настолько масштабными, что поставили под сомнение легитимность избранных в ходе этих выборов палестинских органов власти.

В Вашингтонском соглашении оговаривались детали передислокации израильских войск в тех районах Западного берега, на которые не распространялось действие соглашения о Газе и Иерихоне. Согласно подписанному соглашению, Израиль должен был передать палестинским органам власти все полномочия в шести из семи городов на Западном берегу: в Дженине, Шхеме (Наблусе), Туль-Карме, Калькилии, Рамалле и в Бейт-Лехеме (Вифлееме). Были согласованы особые меры по разграничению ответственности и полномочий в Хевроне. Дело в том, что несмотря на подтвержденную археологическими раскопками и историческими исследованиями неоспоримую значимость для еврейской истории таких городов, как Шхем, Бейт-Лехем и Иерихон, на момент подписания соглашения в них практически не было еврейских жителей. В Хевроне же существовала небольшая, но необычайно сильно идеологически мотивированная еврейская община, что делало необходимым соблюдение в этом городе особых правил обеспечения безопасности.

Беспрецедентные уступки, сделанные израильским правительством в ходе переговоров, а также продолжение, несмотря на это, инициированных палестинскими организациями актов террора и насилия, привели к активизации различных движений протеста, наиболее активным из которых было «Зо арцейну» [«Это – наша страна»] во главе с Моше Фейглиным. В многочисленных демонстрациях, митингах протеста и акциях гражданского неповиновения принимали участие сотни тысяч израильтян. Ситуация осложнялась тем, что руководители Партии Труда, выигравшей выборы 1992 г., пошли на гораздо большие уступки на палестинском направлении, чем это предусматривалось их собственными предвыборными программами. Социологические опросы фиксировали значительное снижение уровня поддержки населением правительственной политики, однако высшее руководство страны игнорировало критику широких слоев общества в свой адрес. В сложившейся атмосфере убийство в начале ноября 1995 г. двадцативосьмилетним студентом Бар-Иланского университета И.Амиром премьер-министра И.Рабина трудно считать «громом среди ясного неба». Не приходится сомневаться, что насильственное устранение законно избранного главы исполнительной власти в стране было тяжелым ударом по израильской демократии, однако не меньший удар нанесла ей политика согласования необратимых уступок в ходе проходящих за многие тысячи километров от

Израиля тайных переговоров при их последующем утверждении в парламенте благодаря крайне сомнительному с любой точки зрения политическому подкупу отдельных депутатов. Соглашение «Осло-2» было утверждено в Кнессете большинством в 61 против 59, причем и оно было достигнуто путем подкупа двух депутатов, избранных в парламент по списку правой партии «Цомет» [«Перекресток»] Г.Сегева и А.Гольдфарба.

Хотя Вашингтонское соглашение было подписано еще при жизни И.Рабина, его выполнение состоялось уже в период правления Ш.Переса, ставшего во второй раз премьер-министром и министром обороны Израиля (Ш.Перес занимал эти посты до своего поражения на всеобщих выборах, состоявшихся 29 мая 1996 г.). Вся территория Западного берега делилась на многочисленные зоны, получавшие различный статус. Зона «А» включает все шесть перечисленных выше палестинских городов (а также Иерихон) и близлежащие окрестности; в ней Палестинская администрация обладает всей полнотой военной и гражданской власти. Зона «В» включает в себя многочисленные палестинские поселки и деревни; в ней Палестинской администрации передавались все полномочия в гражданских сферах, в то время как Израиль продолжал сохранять свои полномочия в сфере обеспечения безопасности. В зоне «В» палестинцам позволялось создать двадцать пять полицейских участков, призванных поддерживать общественный порядок, однако действия палестинской полиции должны были согласовываться с Израилем. В зоне «С», в которую были включены все еврейские поселения (в некоторых из них проживало лишь несколько десятков семей, тогда как в других – сотни и тысячи человек), а также большая часть незаселенных территорий, Израиль сохранил все полномочия как в военной, так и в гражданской сферах. Израиль также сохранял в неприкосновенности свои полномочия по контролю над всеми КПП на иордано-израильской и израильско-египетской границах.

Израильская армия передала под палестинский контроль все густонаселенные города на Западном берегу (кроме Хеврона) в начале 1996 г. Несмотря на столь значительные уступки, палестинский террор не только не ослаб – напротив, весьма усилился. В марте 1996 г. в Иерусалиме и Тель-Авиве прогремели пять взрывов в общественном транспорте, в которых погибли многие десятки человек. Вопреки недвусмысленным

обязательствам, взятым на себя Палестинской администрацией (согласно подписанным двусторонним соглашениям, палестинская полиция обязалась преследовать индивидуумов, подозреваемых в подготовке и совершении актов насилия и террора), палестинские силовые структуры не только никак не боролись с террором, но и поддерживали его. Активное участие палестинских полицейских и сотрудников спецслужб в подготовке и осуществлении антиизраильских террористических актов, бывшее очевидным уже тогда, в то время замалчивалось даже израильскими СМИ, находящимися – как и в период, предшествовавший Войне Судного дня – в плену ошибочной концепции, согласно которой достигнутое политическое урегулирование продержится еще долгое время.

Палестинская сторона не соблюдала и другие обязательства, которые она взяла на себя в соглашениях. Так, хотя обе стороны обязались уважать и защищать религиозные права всех верующих – евреев, христиан, мусульман и самаритян, – включая защиту святых мест и обеспечение свободного доступа к ним, вооруженная толпа палестинцев разгромила мемориальный комплекс возле могилы праотца Иосифа в Шхеме. После этого комплекс был восстановлен под патронажем Палестинской администрации, однако все признаки, свидетельствующие о значимости этого места для еврейской истории, бесследно исчезли.

Кроме того, палестинцы нарушили все взятые на себя обязательства, касающиеся формирования, численности и оснащения их силовых структур. Вопреки подписанным соглашениям, на службу в палестинскую полицию и спецслужбы принимались активные члены радикальных исламских террористических организаций, а получаемое (прежде всего от Ирана) и закупаемое палестинскими силовыми структурами оружие по своим количественным и качественным характеристикам во много раз превосходит то, что было согласовано в подписанных соглашениях. Оружие палестинских силовых структур было впервые направлено в сторону израильских солдат в ходе массовых беспорядков сентября 1996 г. (тогда погибло более пятнадцати солдат ЦАХАЛа и более восьмидесяти палестинцев), спровоцированных палестинской пропагандой после открытия второго выхода из Хасмонейского туннеля.

Отдельная история связана с взятыми на себя палестинцами обязательствами по отмене тех пунктов Палестинской хартии, в

которых призывается к уничтожению Государства Израиль и которые противоречат подписанным мирным договорам. Из соглашения в соглашение палестинские лидеры раз за разом брали на себя обязательства по исправлению написанной в крайне антиизраильском тоне Палестинской хартии. Казалось бы, можно считать, что палестинцы свое обещание выполнили: 24 апреля 1996 г. Палестинский Национальный Совет, собравшийся в Газе, проголосовал за предложение Я.Арафата считать недействительными статьи, противоречащие договоренностям между ООП и правительством Израиля, а 14 декабря 1998 г. Палестинский Национальный Совет открытым голосованием в присутствии президента США Б.Клинтона вновь подтвердил это решение.

Однако с политико-юридической точки зрения Палестинская хартия так и не была отменена. Дело в том, что согласно статье 33 Хартии, своего рода «конституции Палестинского государства в пути», она может быть изменена или отменена только голосованием двух третей списочного состава Национального Совета ООП¹²⁰. Факт состоит в том, что ни в ходе голосования 24 апреля 1996 г., ни в ходе голосования 14 декабря 1998 г. официальный подсчет голосов не велся: делегаты просто поднимали руки, но эти поднятые руки никто не считал. Кроме того, на голосование ставился вопрос «об отмене тех статей Хартии, которые противоречат палестино-израильским договоренностям», при этом сами эти статьи не конкретизировались: голоса, члены Исполкома ООП не имели понятия о том, какие именно статьи они исключают из текста Хартии, равно как и то, как же выглядит Хартия в исправленном виде. Поэтому фактически палестинцы дважды провели показательные шоу, имевшие лишь символическое значение. Оголтелая антиизраильская пропаганда практически во всех палестинских СМИ также продолжается, вопреки многочисленным обязательствам по ее прекращению.

Несмотря на то, что те граждане Израиля, которые поддержали Б.Нетаньяху в ходе всеобщих выборов, состоявшихся 29 мая 1996 г., явно не предполагали, что он станет «локомотивом» переговорного процесса с палестинцами (сторонники такой политики голосовали, конечно, за Ш.Переса), лидер «Ликуда» продолжил процесс Осло. 17 января 1997 г. был подписан Протокол о передислокации израильских войск в Хевроне, согласно которому под контроль Палестинской администрации перешел один из самых важных для еврейской истории городов. Израильские войска сохранили лишь контроль за обеспе-

чением безопасности жителей небольшого еврейского квартала (так называемая зона «Н-2»). 23 октября 1998 г. в Вашингтоне представителями Израиля и ООП был подписан так называемый Уай-Риверский меморандум, зафиксировавший соглашения, достигнутые в ходе девятидневной встречи, проходившей при активном участии американских дипломатов и лично президента Б.Клинтона в имении Уай-Ривер в штате Мэрилэнд. Согласно Уай-Риверскому меморандуму, территория, находившаяся под полным контролем Палестинской администрации (зона «А») увеличивалась почти в шесть раз – до 18% всей территории Западного берега. Кроме того, Израиль согласился значительно увеличить площадь зоны «В», которая достигла в итоге 22% территории Западного берега.

После прихода к власти летом 1999 г. правительства Эхуда Барака израильско-палестинские переговоры продолжились. Однако единственным подписанным соглашением стал меморандум, подписанный в египетском городе Шарм-аль-Шейхе 4 сентября 1999 г. В 2000 году стороны перешли к переговорам об окончательном урегулировании конфликта – переговорам, закончившимся сокрушительным провалом и новым витком палестинской интифады. Как говорил впоследствии активный участник этих переговоров, тогдашний министр иностранных дел Израиля, один из самых блестящих интеллектуалов в стране Шломо Бен-Ами, «у нас было несколько рабочих гипотез. Думаю, важнейшая из них – та, которая уже несколько лет была основополагающей для американцев и европейцев и для израильских левых и центристов: что процесс Осло создал на ближнем Востоке рациональный международный порядок, построенный на взаимности и способный привести к приемлемому компромиссу. Рабочей гипотезой для всех, в том числе и Эхуда Барака, было то, что в 1993 году здесь было создано палестинское «предгосударство», поддерживающее с нами деловые отношения – в принятых международных терминах. Впоследствии выяснилось, что то была ошибочная гипотеза, основанная на неправильном понимании намерений другой стороны. Выяснилось, что Осло было для Арафата одним большим камуфляжем, под прикрытием которого он применял и применяет политическое давление и террор в разных дозах, чтобы подрубить саму идею двух государств для двух народов»¹²¹.

Переговоры, начатые Э.Бараком после его избрания на пост главы правительства Израиля, исходили из разработанного еще

в 70-х годах так называемого «плана Алона». Согласно карте, составленной одним из наиболее известных израильских военных и государственных деятелей Игалем Алоном, под израильский суверенитет должны были отойти Иорданская долина, район большого Иерусалима и поселения в районе Гуш Эцион в Иудее и Ариэля – в Самарии. Остальные территории должны были перейти под палестинский (или иорданский) контроль. Первоначальная позиция Э.Барака в 1999 г. состояла в том, что примерно треть территории Западного берега реки Иордан аннексировалась Израилем, тогда как на оставшихся двух третях должно было быть создано независимое Палестинское государство. Однако очень скоро правительство Э.Барака выразило готовность пойти на значительно большие уступки. На секретных переговорах, проходивших в гостевом доме премьер-министра Швеции в Харпсунде в окрестностях Стокгольма в мае 2000 г., Шломо Бен-Ами и Гилад Шер (адвокат, назначенный Э.Бараком руководителем рабочей группы по ведению переговоров) предложили палестинцам контроль над 88% территорий Западного берега, потребовав сохранить за Израилем поселения в окрестностях Иерусалима и в районе Гуш-Эцион и Ариэля, но уступив в принципиально важном вопросе об Иорданской долине. Израильская делегация потребовала сохранения контроля за КПП на иордано-израильской границе, а также военного контроля Израиля над Иорданской долиной, но выразила готовность передать саму долину и находящиеся в ней населенные пункты под палестинский суверенитет.

После того, как палестинские представители отвергли предложенный компромисс, израильская делегация пошла на дальнейшие уступки. На переговорах в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г. Э.Барак выразил готовность передать под палестинский контроль 91% территории Западного берега, а также компенсировать еще 1% территорий передачей палестинцам незаселенной местности возле границ сектора Газа, находящейся в пределах «зеленой черты». Кроме того, в ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде Э.Барак согласился – впервые с 1967 г. – обсуждать раздел Иерусалима, пойдя на беспрецедентные уступки в этом направлении. После того, как палестинцы отвергли идею о передаче им суверенитета над населенными арабами районами Восточного Иерусалима при введении режима международного контроля над Старым городом, Э.Барак согласился и на раздел Старого города, а также палестинскую

«доверительную опеку» над Храмовой горой. Однако палестинцы отвергли и эти предложения, после чего провал Кэмп-Дэвидской конференции стал необратимым. Как говорил впоследствии Ш.Бен-Ами, «в конечном итоге Кэмп-Дэвидская конференция провалилась потому, что Я.Арафат отказывался выдвинуть встречные предложения и не сумел просигнализировать нам, что его требования хоть где-то кончаются... Мы не ожидали встретить палестинцев на середине дороги. И не на двух третях. Но хоть где-то мы ожидали их встретить! А они не пошли нам навстречу. Они не пожелали показать нам, где их требования кончаются. Было такое впечатление, что они все время тянут нас в черную дыру новых и новых уступок, конца которым не видно»¹²².

Несмотря на это, израильская делегация продолжила переговоры с палестинцами. В августе-сентябре 2000 г. были проведены тридцать восемь встреч израильских и палестинских представителей, в основном в иерусалимской гостинице «Царь Давид». В ходе этих переговоров израильские представители согласились на передачу под палестинский суверенитет Храмовой горы, настаивая лишь на сохранении израильского контроля над склоном горы. Однако палестинцы отклонили и это предложение, утверждая, что евреям нет причин претендовать на какую-либо часть Храмовой горы. Кроме того, израильская делегация отказалась и от требования об израильском суверенитете над какой-либо частью Иорданской долины, а также согласилась передать под палестинский контроль уже 93% территории Западного берега, а также компенсировать еще 2% территорий за счет суверенной территории Государства Израиль. Палестинцы отвергли и эти предложения, настаивая на полном уходе Израиля со всех без исключения территорий, завоеванных у Иордании и Египта в ходе Шестидневной войны, выражая готовность лишь на сохранение за Израилем 2% территорий Западного берега при условии их обмена на суверенные территории Израиля в центре страны в соотношении один к одному. Так, например, согласно подготовленным ими картам, находящийся внутри «зеленой черты» поселок Кохав-Яир, где тогда проживал Э.Барак с семьей, а также многие другие высокопоставленные действующие и отставные офицеры ЦАХАЛа, должен был перейти под палестинский контроль.

23 декабря 2000 г. президент США Б.Клинтон вновь собрал израильских и палестинских представителей. На этот раз от

Израиля требовалось отступление с 97% территорий Западного берега при условии раздела Иерусалима и полном палестинском суверенитете над Храмовой горой. Стена плача сохранялась за Израилем, вопрос о Кедронской долине, включающей Город Давида и могилы пророков у входа на Масличную гору, остался нерешенным. Через три дня правительство, из которого вышли все партнеры Партии Труда по коалиции, большинством голосов (против голосовали только министры Матан Вильнаи и Раанан Козн) утвердило эти предложения. Однако палестинцы вновь ответили отрицательно.

В это время Э.Барак был уже лидером правительства меньшинства: и Национально-религиозная партия (МАФДАЛ) во главе с Ицхаком Леви, и партия «Израэль Ба-Алия» во главе с Натаном Щаранским, и движение «Гешер» во главе с Давидом Леви, и даже партия ШАС, поддержавшая в свое время соглашения в Осло, вышли из правительственной коалиции. Несмотря на то, что даже при поддержке извне депутатов от арабских партий (кроме них, правительство поддерживали депутаты от леворадикального блока МЕРЕЦ и покинувшие «Израэль Ба-Алия» Р.Бронфман и А.Цинкер) Э.Барак не имел поддержки парламентского большинства, и уже была объявлена дата проведения досрочных выборов (6 февраля 2001 г.), Э.Барак продолжал переговоры, выразив готовность на дальнейшие уступки.

Таким образом, несмотря на развязанный палестинским руководством новый виток интифады, во второй половине января 2001 г. в египетском городе Таба состоялся еще один раунд израильско-палестинских переговоров¹²³. В ходе этих переговоров израильская делегация пошла на дальнейшие уступки, согласившись, среди прочего, на иммиграцию на суверенную территорию Государства Израиль сорока тысяч палестинских беженцев ежегодно на протяжении десяти лет. Полная информация о переговорах в Табе на сегодняшний день еще не опубликована. Согласно сообщениям мировых СМИ, израильская делегация отступила от требования о сохранении израильского контроля над границей Палестины с Иорданией и Египтом, а также согласилась эвакуировать всех жителей 140 еврейских поселений на Западном берегу и в секторе Газа. Кроме того, израильская делегация объявила о согласии прекратить еврейское строительство в новых иерусалимских районах Хар-Хома и Рас эль-Амуд, передав их впоследствии под

палестинский контроль. Однако израильско-палестинское соглашение о постоянном урегулировании так и не было достигнуто. Палестинское руководство предпочло переговорному процессу интенсификацию террористической деятельности.

Какими бы не были подписанные (или не подписанные) соглашения, необходимо отметить, что проходившие в 1993–2001 гг. тайные переговоры, которые вели преимущественно лейбористские правительства, нанесли большой урон израильской демократии. Необратимые решения по судьбоносным вопросам принимались тайно и келейно крайне узким кругом лиц, при этом в средствах массовой информации почти не публиковалась информация ни о ходе переговоров, ни об изменениях израильской позиции. Тот факт, что правительство, не имевшее поддержки большинства в Кнессете и стоявшее в буквальном смысле слова накануне досрочных выборов, считало себя вправе идти на необратимые уступки по самым принципиальным вопросам, по существу, поставил под сомнение демократический характер формы правления в Израиле. К сожалению, эта проблема была практически проигнорирована израильским обществом, что заставляет опасаться того, что подобный кризис может повториться еще раз.

XI. ИЗРАИЛЬСКИЕ АРАБЫ: ДИАЛЕКТИКА ГРАЖДАНСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обсуждение факторов, составляющих арабо-израильский конфликт, не может игнорировать комплекс проблем, связанный с арабским меньшинством Израиля, который, в свою очередь, можно свести к простому по форме, но отнюдь не по содержанию вопросу: палестинизация или израилизация? Более миллиона арабов, имеющих израильское гражданство, способны оказать критическое влияние на дальнейшее развитие арабо-израильских отношений: они могут стать и «мостом» к урегулированию конфликта, и тем «воспламеняющимся материалом», который приведет к вспышке тотальной войны на всей территории Ближнего Востока.

Палестинские арабы, став гражданами еврейского государства, оказались перед сложнейшей проблемой самоидентификации. Исходя из национальной, религиозной, культурно-языковой принадлежности, должна была восторжествовать тенденция к палестинизации самосознания израильских арабов. По определению Б.Нойбергера, это выразилось бы в стремлении подчеркнуть единство палестинцев в области политики, культивировании их исторического, литературного и идейного наследия, неприятии Израиля, отрицании его права на существование и склонности к радикальным методам борьбы с ним¹²⁴. Но желание пользоваться благами экономически развитого государства, а также гражданскими правами и другими достижениями демократического общества создали в сочетании с целенаправленной политикой власти тенденцию к интеграции в израильское общество. Эта тенденция получила название израилизации. Один из ведущих израильских социологов, профессор Хайфского университета С.Самуха выделил следующие присущие ей черты: израильские арабы признают право Израиля на существование, высоко ценят свое израильское гражданство, выражают лояльность государству, перенимают израильский образ жизни и мышления, широко используют иврит, приобщаются к израильской культуре, связывают свое будущее с Израилем,

рассматривая свое положение меньшинства в нем не как историческую несправедливость, а как добровольный выбор¹²⁵. Анализ диалектического сосуществования этих двух тенденций и составляет предмет настоящей главы.

Следует отметить, что параллельное воздействие разнонаправленных тенденций является специфической характеристикой самоидентификации арабов-граждан Израиля. В этой связи важно провести различие между двумя видами самосознания – «национальным», в основе которого лежат культура, язык, история, ощущение общности судеб, и «гражданским», обусловленным принадлежностью к числу подданных определенного государства. Как отмечает Б.Нойбергер, если для израильтян-евреев возможно тождество этих двух видов, то в случае с израильскими арабами это далеко не всегда так. Их национальное самосознание характеризуется эмоциональной связью с палестинской (или арабской) нацией, а гражданское – инструментальным контактом с еврейским государством, которому они адресуют свои практические запросы¹²⁶. Подобная двойственность, помимо сложностей культурологического и психологического характера, с неизбежностью влечет и политические осложнения. Так, проблема лояльности арабского меньшинства по отношению к еврейскому государству в условиях ближневосточного конфликта была и остается серьезной.

Открытыми остаются и многие другие вопросы, прежде всего потому, что на разных исторических этапах, под влиянием разных внешних и внутренних факторов баланс между палестинизацией и израилизацией в самосознании израильских арабов смещался в пользу одной из тенденций, приводя к соответствующим социально-политическим последствиям. С некоторой долей условности можно выделить четыре периода, характеризующихся существенными изменениями в соотношении двух тенденций.

Первый период начинается с провозглашения Государства Израиль. Это событие, став вехой в истории еврейского народа и одним из наиболее ярких эпизодов новейшей истории, навсегда изменило расстановку сил на Ближнем Востоке. Однако переменилась не только политическая реальность региона, но и положение арабского населения Палестины.

За короткий период времени оно превратилось из национальной группы большинства и влиятельной общины подмандатной Палестины в обладающее весьма ограниченным поли-

тическим весом меньшинство в еврейском государстве. Это стало серьезной психологической травмой. Динамика политических событий бросала вызов палестинцам, лишая их прежнего статуса и заставляя формировать новую концепцию самосознания – самосознания меньшинства, и этот процесс растянулся на долгие годы. Выступая в 1946 г. перед англо-американской комиссией по Палестине, Д.Бен-Гурион предложил формулу: «Данная страна принадлежит еврейскому народу и живущим в ней арабам» – и заявил, что в случае создания еврейского государства, его арабские граждане получат «полное равноправие» и возможность «быть избранными на любые должности»¹²⁷. Однако в конце своего четырнадцатилетнего пребывания на посту премьер-министра Д.Бен-Гурион так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Многие из тех, кто принадлежит здесь к меньшинству, не рассматривают себя как таковое, а считают меньшинством нас. Мы для них – враждебное меньшинство, узурпировавшее власть. В этом проявляется различие между арабским меньшинством у нас и национальными меньшинствами в других местах»¹²⁸.

Палестинские арабы, в одночасье ставшие гражданами Израиля, помимо психологических, столкнулись и с чисто практическими проблемами. Далеко не все, кто покинул свои деревни во время военных действий, смогли вернуться в них с заключением перемирия. Оставшись в Палестине (теперь уже Государстве Израиль) и избежав участи беженцев, тысячи из них стали, по терминологии ООН, внутренними перемещенными лицами. Многим пришлось отказаться от традиционного занятия сельским хозяйством и перейти к неквалифицированному труду. Серьезный удар по арабскому населению нанесла и эмиграция, лишая его экономических и людских ресурсов. Этим же объясняется и отсутствие политической организации израильских арабов в первые десятилетия после войны 1948–1949 гг. Эмиграция экономической, политической и религиозной элиты вынудила оказавшихся под израильской властью арабов искать новую опору, которой стал семейный клан и его традиционное руководство. Начавшиеся в результате межклановые войны еще более усилили разобщенность в среде палестинских арабов и надолго исключили возможность появления общенационального руководства.

Израильские политики стали рассматривать арабское меньшинство прежде всего через призму проблемы обеспече-

ния безопасности. Решение, которое было найдено для всего комплекса вопросов, связанных с арабами, вполне соответствовало духу военного времени. В 1950 г. был принят Декрет, в соответствии с которым Министерство обороны могло, используя инструкции о чрезвычайном положении, составленные мандатными властями еще в 1945 г., подчинять целые районы страны военной администрации, наделенной широкими полномочиями. Режим военной администрации был введен именно в 54 районах, где абсолютное большинство населения составляли арабы¹²⁹.

93 из 104 арабских деревень были подчинены военной администрации, чьи функции формально сводились к предупреждению антиизраильской деятельности, исключению контактов с жителями соседних арабских государств в приграничных районах, ограничению перемещения арабов в стратегически уязвимых районах и пресечению попыток создания националистических организаций. Военная администрация включала три округа – Северный, Центральный и Южный – во главе которых стояли военные губернаторы, один из которых так определил свои задачи: «Мои функции не связаны с обороной: эта миссия лежит на полевой жандармерии и еврейских поселениях, расположенных вдоль границы. Я же должен осуществлять [...] надзор за арабским населением округа. Мы знаем, что часть его нам верна; но знаем и то, что остальные не отличаются преданностью. Отсюда – нужда в проверках, слежении и контроле»¹³⁰.

Введение военной администрации стало попыткой пространственного ограничения проблемы арабского меньшинства, отражением желания отгородиться от нее, отложить решение на более удобное время. На это обращает внимание и А.Даути при анализе положения национальных меньшинств в Израиле в первое десятилетие после обретения независимости: «Ведущие израильские политические деятели старались обходить этот вопрос и посвящали чрезвычайно мало времени и усилий внутренним делам арабского населения. На протяжении всего первого десятилетия израильское правительство не провело ни одного глубокого обсуждения своей политики по отношению к арабскому сектору. Отдельные вопросы, связанные с израильскими арабами, обсуждались на заседаниях правительства лишь трижды за период 1948–1967 гг., и в целом не было принято никаких общих решений или руководящих документов на эту тему»¹³¹. Однако если допустить, что военная администрация

стала удобным для властей промежуточным решением арабского вопроса, то необходимо признать, что самим своим существованием она создала массу иных проблем.

Первые годы независимого существования государства, в целом, и проблема арабского меньшинства, в частности, стали серьезным испытанием для израильской демократии. «Государство Израиль осуществит полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы и пола [...] Мы призываем живущих в Израиле сынов арабского народа [...] блюсти мир и участвовать в строительстве государства на основе полного гражданского равноправия [...]»¹³² – эти демократические принципы, заявленные в Декларации независимости страны, явно нарушались военной администрацией, произвольно ограничивавшей свободу передвижения, а также ряд других гражданских свобод. А тот факт, что все эти ограничения относились исключительно к арабскому населению и применялись в течение долгого времени, вообще ставил под сомнение существование принципа гражданского равенства как такового.

Кроме того, широкие полномочия военных губернаторов (выдача разрешений на поездки, торговых лицензий, назначение чиновников, распоряжение материальными благами подведомственных территорий) и возможность оправдать любые действия соображениями безопасности создали условия для развития коррупции и злоупотребления властью. Режим военной администрации дискредитировал себя.

С 1951 г. в Кнессете обсуждались вопросы о неэффективности существующей системы управления и возможности отмены режима военной администрации. В июне 1951 г. предложение об этом внес депутат Кнессета от левосоциалистической партии МАПАМ Аарон Цизлинг, в декабре 1954 г. – депутаты от Коммунистической партии: араб-христианин Рустам Бустуни и Меир Вильнер, в мае 1955 г. – их товарищ по партии Туфик Туби. Предложение об отмене режима военной администрации, внесенное в повестку дня пленарного заседания Кнессета в июле 1959 г., было подано целой группой депутатов, причем среди них были не только представители леворадикальных партий Туфик Туби и Ханан Рубин, но и депутаты от левоцентристской партии «Ахдут ха-авода» – генерал ЦАХАЛа в отставке Игаль Алон, от Национально-религиозной партии – Моше Уна и от центристской партии Общих сионистов – Эли-

мелех Римальт. В феврале 1960 г. данное предложение вновь было внесено в повестку дня заседаний Кнессета, причем на этот раз инициативу МАПАМ и коммунистов поддержали депутат Кнессета от Прогрессивной партии министр юстиции Пинхас Розен и представитель правой партии «Херут» [«Свобода»] Йоханан Бадер¹³³. Все эти предложения были отклонены Кнессетом, хотя относительная либерализация режима военной администрации наблюдалась уже с середины 50-х годов. В 1957 г. были отменены ограничения на передвижение для всех, кто отслужил в армии (главным образом для друзов и черкесов), и для арабов Акко и Афулы. В 1962 г. членам друзской и черкесской общин – вне зависимости от факта службы в армии – разрешили свободно передвигаться по всей стране, арабы же получили ряд послаблений, в том числе и годовые разрешения на поездки за пределы региона проживания вместо однодневных или месячных. Однако полностью режим военных администраций был отменен лишь в декабре 1966 г., три года спустя после окончательной отставки Д.Бен-Гуриона с поста главы правительства страны.

Другой компонентой политики израильского правительства в арабском вопросе была его сознательная дифференциация. С одной стороны, разделялись внутренняя и внешняя составляющие проблемы – конфликт с арабскими странами и палестинцами вне границ Израиля и отношения с арабским меньшинством в Израиле. С другой стороны, в среде арабского меньшинства власти стремились выделять подгруппы – друзов, бедуинов, христиан, – укрепляя, таким образом, именно эту составляющую их самосознания и ослабляя более универсальную – арабскую и более опасную – палестинскую.

Излишне говорить, что формирование самосознания – это часть процесса социализации индивида, в котором значительную роль играют воспитание и образование. По утверждению Б. Киммерлинга и Дж. Мигдаля, арабские и еврейские официальные лица видели в образовании важное средство достижения своих целей: арабы – для политического и социально-экономического прогресса при сохранении связи с культурным и религиозным наследием своего народа; евреи – для модернизации арабского сектора и формирования поколения «новых израильских арабов»¹³⁴. Справедливости ради, необходимо отметить, что в целом политика израильских правительств в сфере образования значительно повысила уровень грамотности

сти арабского населения и в процентном, и в качественном отношении. При этом основное внимание уделялось идеологической составляющей образовательных программ в арабских школах. В соответствующих документах Министерства образования говорилось о необходимости опираться в учебном процессе на ценности еврейской культуры, воспитывать любовь к родине, лояльность по отношению к государству и еврейскому народу, подчеркивать его вклад в мировую культуру и т.п. Часы преподавания арабской и еврейской истории находились в явной диспропорции в пользу последней.

Израильские власти надеялись, что образование, полученное в централизованной школьной системе, сформирует новое самосознание израильских арабов, отличное от складывавшегося в палестинских лагерях беженцев и арабских странах. Ценности, заложенные в основу современного образования, должны были сломать устоявшиеся среди арабов представления, призваны были побудить их с одинаковым трепетом относиться и к арабской, и к еврейской истории, создавая национальное меньшинство, которое будет идентифицировать себя с классической арабской культурой, а в гражданском отношении – с Государством Израиль¹³⁵.

Дезориентация арабского населения после войны 1948–1949 гг., режим военной администрации, подавление националистических настроений, нивелирование палестинского и культивирование израильского гражданского самосознания – все это стало отличительными чертами переходного периода первого десятилетия, подготовившего базу для последующего укрепления тенденции к интеграции арабского меньшинства в израильское общество.

Именно эта тенденция доминировала в период с 1958 по 1967 г. Израилизацию арабского меньшинства на этом этапе можно было бы объяснить отсутствием других альтернатив. Подавленные поражением в первой арабо-израильской войне, изолированные от своих соплеменников и агрессивной националистической пропаганды арабских стран, лишённые политической организации и руководства израильские арабы смирились с существующим положением и восприняли израилизацию как нечто неизбежное. Кроме того, не стоит забывать и о том, что израилизация, способствовавшая модернизации и прогрессу, была для части израильских арабов осознанным выбором. В пользу израилизации говорили повышение образо-

вательного уровня и стандартов жизни, освоение новых профессий и постепенное развитие арабского сектора в экономике, модернизация сельского хозяйства и рост малого бизнеса, привыкание к институтам политической культуры демократического общества и появление новой арабской элиты, приобщение к которой обуславливалось не принадлежностью к тому или иному клану, а использованием новых возможностей, открывшихся благодаря интенсивной демократизации общественного устройства израильских арабов.

В 50–60-е годы арабское меньшинство начинает постепенно включаться и в политическую жизнь Израиля. Интеграция в этой области проходит по трем различным направлениям. Первое – включение отдельных лиц из арабского населения страны в списки представителей национальных меньшинств, поддерживавших политику правящей тогда Рабочей партии. Однако необходимо отметить, что эти списки не имели ничего общего с процессом формирования новой политической элиты. Основным критерием для участия в них было положение кандидата в клане, а потому ими становились, как правило, члены знатных и влиятельных семей, богатые землевладельцы. Их политика была нацелена на сохранение традиционных институтов и *status-quo*, достигнутого с официальными властями. В адрес этих политических деятелей часто сыпались обвинения в приспособленчестве и пренебрежении национальными интересами. Наличие списков меньшинств представляет интерес, прежде всего, как попытка власти наладить с палестинскими старейшинами выгодное ей сотрудничество в политической сфере. И эта политика принесла свои плоды: хотя в 1950–1960 гг. Рабочая партия получала лишь около 10% голосов арабских избирателей (9,6% – в 1949 г., 11,7% – в 1951 г., ровно столько же – в 1955 г., 4,6% – в 1959 г., 13% – в 1965 г., 17% – в 1969 г.), создававшиеся под ее эгидой различные арабские списки (представленный в Кнессете второго и третьего созывов «Демократический список израильских арабов», представленные в Кнессете четвертого – седьмого созывов списки «Прогресс и развитие» и «Дружба и сотрудничество» и др.) получали в те годы от 40 до 60% голосов арабских избирателей¹³⁶.

Другим вариантом политики сионистских партий в этой области была деятельность партии МАПАМ, которая с 1954 г. стала предоставлять членство в своих рядах и не евреям. МАПАМ ратовала за мирное сосуществование двух народов,

гражданское равенство, отмену военной администрации и наладила сотрудничество с арабскими интеллектуалами. Похожие позиции занимали и некоторые другие сионистские партии, в частности «Ахдут ха-авода» и Общие сионисты. Однако, несмотря на такую в целом позитивную политику в отношении партийного членства арабов, МАПАМ по национальному составу оставалась преимущественно еврейской партией.

Третье направление политической интеграции арабского меньшинства было представлено антиссионистскими партиями интернационалистической и коммунистической ориентации. Компартия Израиля (МАКИ) по своему национальному составу представляла собой в отличие от МАПАМ смешанную партию с примерно равным количеством евреев и арабов. Из этого лагеря также звучали лозунги равенства, ликвидации режима военной администрации, прекращения конфискации арабских земель. Партия, признавая право Израиля на существование, выступала также за создание палестинского государства. И если в целом сам этот тезис не вызывал разногласий внутри партии, то вопрос, в каких границах должно быть создано палестинское государство, был предметом постоянных дискуссий, что в 1965 г. привело к расколу единой компартии. Арабской фракцией был сформирован «Новый коммунистический список» (РАКАХ), который продолжил свою деятельность в обозначенном русле.

Членов руководства компартии уже вполне можно было отнести к новой палестинской элите, которая благодаря своим идеологическим пристрастиям не только смогла занять свою нишу в политической жизни Израиля, но и наладить связи с зарубежными единомышленниками из Советского Союза и стран Восточного блока. Это, в свою очередь, означало выход на гораздо более высокий уровень политической активности.

И, наконец, четвертое направление – националистические группировки, именно они составляли конкуренцию коммунистам в борьбе за симпатии израильских арабов. Очевидно, что их деятельность была сопряжена с целым рядом организационных и иных сложностей, чинимых властями, не без основания опасавшимися радикализации арабского меньшинства. Самым ярким примером арабского националистического движения, возникшего еще до отмены режима военной администрации, может служить организация «Аль-Ард», созданная в 1964 г. группой арабских интеллектуалов на базе одноименного литературно-публицистического журнала. Движение находи-

лось в оппозиции и к сионистским партиям, и к коммунистам, и к традиционному клановому руководству израильских арабов. Наряду с распространенными в то время лозунгами свободы, равенства и права на национальное самоопределение, организация «Аль-Ард» заявила о непризнании Государства Израиль в существующих границах. Такой тезис допускал несколько вариантов трактовки, однако, по понятным причинам, ни одна из них не могла устроить израильские власти. За «непризнанием» могли последовать вполне конкретные действия, ставящие под угрозу безопасность, а может, и само существование еврейского государства. Решением министра обороны организация «Аль-Ард» была запрещена. Несмотря на неудачу движения, сам факт его появления стал серьезной заявкой на восстановление позиций палестинского национализма радикального толка, особенно, если учесть, что часть его участников позже стала активными членами ООП.

Использование израильскими арабами партий, движений, печатных изданий для озвучивания своей позиции и отстаивания своих национальных прав парадоксальным образом было очевидным проявлением израилизации, означавшим восприятие тех форм политической активности, которые характерны для демократического общества, коим является Израиль. Арабские граждане Израиля также активно участвуют в выборах в Кнессет: лишь на выборах в Кнессет десятого созыва электоральная активность арабского сектора была ниже 70%, во всех остальных избирательных кампаниях она составляла от 70% до 90% (такой высокой она была в 1955 г.)¹³⁷. При этом, начиная с выборов 1973 г., в арабском секторе страны стали доминировать партии, не связанные с еврейским политическим истеблишментом, что стало выражением растущей политической самостоятельности национальных меньшинств, но одновременно – и свидетельством усиливавшейся палестинизации израильских арабов, отдалявших от умеренных левоцентристских сил страны. Во всех электоральных кампаниях последних тридцати лет (исключение составили выборы 1992 г.) более трети голосов в арабском секторе получала Коммунистическая партия, около 25% голосов стабильно получали независимые арабские партии (Арабская демократическая партия, Прогрессивный список за мир и др.). На выборах 1999 г. все преимущественно еврейские партии, вместе взятые, получили в арабском секторе менее трети голосов (на выборах 1984 г. – 50%), в то время как независи-

мые арабские партии – 49%, а преимущественно арабский список Коммунистической партии – 22%¹³⁸.

Важно подчеркнуть при этом, что мотивы голосования за различные партии в арабском секторе являются весьма неоднородными. Как показало исследование, проведенное И. Кофман и Р. Исраэли в ходе выборов 1996 г. (всего было опрошено 375 человек), 54% арабов, поддержавших левые сионистские партии (Рабочую партию и блок Мерец), назвали основной причиной своего голосования стремление достичь мира между евреями и арабами. При этом среди избирателей арабских партий 52–68% опрошенных назвали главной причиной своего выбора более активную борьбу этих партий за сугубо арабские интересы, и лишь менее 20% отметили, что поддержка ими арабских партий вызвана стремлением к достижению мира в стране¹³⁹. Поэтому снижение поддержки левых сионистских партий в арабском секторе свидетельствует не только о процессах политической радикализации и палестинизации, но и о том, что поиск мирного урегулирования отошел на второй план.

Любой национальный вопрос всегда имеет очень сильную эмоциональную составляющую, которая зачастую оказывается важнее рациональной. Сама арабо-израильская война 1967 г., как и все предыдущие и последующие войны, а также факт тяжелого поражения арабских армий должны были привести к усилению тенденции к палестинизации самосознания арабского меньшинства. К этому же вело то общественно-политическое настроение, которое царило в Израиле после войны – настроение побеждавшей и побеждающей нации.

Как ни парадоксально, но и модернизация арабского сектора приводит к усилению националистических настроений в нем. С повышением образовательного уровня израильские арабы все отчетливее осознают недостатки своего статуса как меньшинства в еврейском государстве: их уровень жизни растет, но сравнения с еврейским сектором по-прежнему не выдерживает; режим военной администрации был отменен, но политика государства остается во многом дискриминационной; идеал гражданского равенства все так же далек; власти, как и раньше, относятся к своим арабским гражданам как к «пятой колонне»; увеличилось число людей, имеющих высшее образование, но возможность их профессиональной самореализации по-прежнему очень ограничена; арабский сектор в экономике значительно развился, но он во многом зависим от еврейского и т.д.

На этом фоне несгибаемый патриотизм палестинцев с территорий в Израиле, их верность национальной идее и приверженность религии стали для многих израильских арабов особенно привлекательными. Начались явления, которых всегда с опасением ожидали официальные власти: процесс внутреннего объединения палестинских и израильских арабов и политической радикализации последних. После 1967 г. с новой силой зазвучал лозунг единства палестинского народа, наполненный уже вполне конкретным политическим содержанием. Арабский академический союз, образованный в 1971 г. и включавший арабских студентов и выпускников израильских вузов, подчеркивая общность судьбы, культурного наследия и национальных интересов палестинских арабов по обе стороны «зеленой черты», включил в один из своих учредительных документов тезис о том, что израильские арабы являются неотъемлемой частью палестинского народа и арабской нации в целом. Появились и новые политические организации, провозгласившие своей целью объединение палестинского народа и реализацию его права на самоопределение. Одной из таких политических организаций стало движение «Ибна аль-Балад» («Дети страны», «Патриоты»), основанное в 1972 г. В отличие от других движений, например коммунистов, придерживавшихся принципа «две страны для двух народов», члены «Ибна аль-Балад» однозначно заявляли о том, что арабам должна принадлежать вся территория Палестины, и не признавали за Израилем права на существование.

Однако в 1970–1980-х годах у арабских секулярных политических движений появился мощный соперник – исламское движение. Восстановление позиций ислама в среде израильских арабов можно объяснить как в контексте общего возрастания его значимости в регионе после Иранской революции 1978 г., так и чисто внутренними причинами, связанными с установлением израильского контроля над сектором Газа и Западным берегом Иордана. На этих территориях действовал ряд религиозно-политических организаций с сильной националистической окраской, чьи лозунги после войны 1967 г. стали все чаще встречать понимание и поддержку в среде израильских арабов. Ведя активную религиозную пропаганду, подобные организации провозглашали своей целью превращение Палестины в исламское государство, что предусматривало тотальный отказ от западных идеологий и образа жизни. Примером исламистской организации, возникшей в конце 70-х,

может служить «Усрат аль-Джихад» («Семейство воителей»), духовный лидер которой Абдалла Дервиш был приговорен в 1980 г. израильским судом к тюремному заключению.

В этом контексте важно рассмотреть отношение Организации освобождения Палестины к арабскому меньшинству Израиля. Казалось бы, именно ООП должна была стремиться направлять процессы политизации израильских арабов в нужное русло, развивать и укреплять их связи с палестинцами сектора Газа и Западного берега, подчеркивать их общность и, конечно, использовать эту группу, в значительной мере интегрированную в израильское общество, для политического давления и достижения собственных целей. Однако, как ни странно, в 60-е годы ООП не вела в их среде практически никакой агитационно-пропагандистской и мобилизационной деятельности, считая израильских арабов абсолютно потерянной, подавленной и смирившейся со своим положением меньшинства группой, ничем не способной помочь делу палестинского национализма. Усиление тенденции палестинизации самосознания арабского меньшинства, националистический характер возникающих политических организаций, восстановление позиций ислама – все это на какое-то время было оставлено без внимания руководством ООП.

Изменение столь недальновидной позиции произошло в начале 70-х годов. Изгнание сил ООП из Иордании в 1970 г., известное как «черный сентябрь», а также эффективное противодействие израильских сил безопасности террористическим вылазкам ООП и ее деятельности в секторе Газа и на Западном берегу, поражение арабских стран после столь многообещающего начала в войне 1973 г. заставили ООП во многом пересмотреть свои политические установки. Одним из новых моментов стало провозглашение борьбы за создание независимого палестинского государства, соседствующего с Израилем, как промежуточной цели на пути к установлению суверенитета над всей территорией Палестины и декларация единства палестинского народа с признанием израильских арабов его неотъемлемой частью. В октябре 1974 г. состоялась встреча лидеров арабских стран в Рабате, на которой ООП была признана единственным законным представителем всего палестинского народа, а в ноябре того же года Я.Арафат от имени всех палестинцев выступил перед Генеральной Ассамблеей ООН.

З.Шифф и Э.Яари в своей книге, посвященной палестинскому восстанию – интифаде, начавшейся в декабре 1987 года,

приводят слова израильского востоковеда А.Сассера, который так объясняет произошедшие перемены: «Политическая стратегия и философия ООП по постепенному освобождению Палестины [...] сделали абсолютно необходимым укрепление ее связей с израильскими арабами. Ведь если философия постепенности призывает к образованию государства в части Палестины как шага на пути к окончательному освобождению всей страны, то израильские арабы превращаются в важнейшую политическую силу для распространения борьбы в пределы «зеленой черты»¹⁴⁰.

Проявления этой новой стратегии ООП заметны в налаживании тесных контактов с политическими организациями израильских арабов, прежде всего с РАКАХ. Это вполне объяснимо, т.к. коммунисты по-прежнему оставались наиболее представительной политической силой, которая прочно заняла свою нишу в израильской партийной системе, начиная с 1969 г. неизменно получала на выборах более 20% голосов израильских арабов и имела при этом более или менее налаженные контакты с официальной властью. В 1987 г. сотрудничество между ООП и РАКАХ было закреплено подписанием соответствующего соглашения в Москве. Было очевидно, что именно коммунистов ООП признает в качестве основного представителя арабского меньшинства Израиля, однако это не исключало возможности сотрудничества с другими политическими силами. ООП, стремясь наладить контакт с наиболее широкими слоями израильских палестинцев, поддерживала связи и с «Прогрессивным списком за мир», и с Арабской демократической партией. Как справедливо отмечали З.Шифф и Э.Яари, это сотрудничество было выгодно не только ООП. Все эти партии в борьбе за симпатии своих избирателей нуждались в столь авторитетном союзнике-покровителе, как ООП¹⁴¹.

Участие ООП в делах израильских арабов наряду с описанными выше процессами интеграции и политизации значительно усилило националистические настроения и, следовательно, тенденцию к «палестинизации» их самосознания. Все это вылилось в конце 70 – начале 80-х годов в волну публичных протестов против политики властей в арабском вопросе. Одной из самых болезненных проблем для палестинцев с момента провозглашения Израиля была государственная политика конфискации земель. В 1976 г. в рамках программы развития Галилеи предполагалось изъять еще около 5000 дунамов. Как протест против

этого решения 30 марта 1976 г. были проведены митинги и демонстрации, а сам день был провозглашен «Днем земли», впоследствии ставшим днем траура, ежегодно отмечаемым среди палестинцев и в ряде арабских стран.

В декабре 1987 г. началась первая интифада – восстание палестинцев против израильского военного присутствия на территориях Западного берега р. Иордан и сектора Газа, а уже спустя две недели израильские арабы провели ряд митингов и демонстраций в знак солидарности и как протест против продолжающейся израильской оккупации этих территорий. З.Шифф и Э.Яри так описывают состояние израильских арабов в то время: «Они испытывали гнев и скорбь из-за растущего числа жертв, и гордость за то, что палестинцы осмелились замахнуться на Армию обороны Израиля. Но где-то в глубине души они испытывали и страх за то, что радикально настроенные израильские лидеры смогут использовать это восстание для оправдания массовой резни палестинцев, их депортации и неизбежного изменения их собственного положения как полноправных граждан демократического государства»¹⁴².

Во многом поэтому израильские арабы провели четкую границу между декларативной поддержкой интифады и своим непосредственным в ней участием. Очень точное определение данной позиции можно найти в словах одного из них: «Есть разница между игроками и болельщиками. Мы – болельщики. Наша цель – жить в Израиле и иметь равные гражданские права, в то время как цель жителей Западного берега – создать собственное государство»¹⁴³. И хотя некоторые израильские арабы не ограничились только моральной поддержкой, а проводили митинги солидарности, отправляли гуманитарные грузы на территории, сдавали кровь и т.п., но все же эти действия были далеки от того, на что рассчитывала ООП. А расчет был вполне очевиден: через израильских палестинцев «импортировать» интифаду с территорий внутрь государства. Надо ли говорить, что сочетание внешнего и внутреннего палестинского давления поставило бы Израиль в крайне сложное положение. Именно эта опасность больше, чем какая-либо другая, угрожает самому выживанию еврейского государства.

XII. ПАРАДОКСЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ПРОГРЕССА В АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ НА ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

В 90-е годы политическая ситуация в Израиле изменилась кардинальным образом: ощущение (не столь важно, было оно справедливым или нет), что казавшийся неразрешимым арабо-израильский конфликт движется к своему урегулированию, привело к резкому снижению единства в израильском обществе, основанному прежде всего на чувстве общности противостояния превосходящим силам внешнего врага. Государство, которое десятилетиями подчеркивало свой национальный характер, неожиданно для многих оказалось перед необходимостью сформулировать заново основные идеологические принципы своего существования. Тлевшие, но не потухшие, религиозные и этнические противоречия между многочисленными группами полиэтнического и мультиконфессионального израильского общества стали едва ли не в одночасье важнейшим фактором внутренней политики¹⁴⁴.

Исторически перед израильским обществом стояла крайне сложная задача – превращение иммигрантов в единую нацию. В отличие от других стран массовой иммиграции, где иммигрирующее меньшинство приспосабливается к образу жизни коренного большинства, в Израиле практически никогда не существовало устойчивого большинства коренного населения. Хотя иммиграция осуществлялась по единому национальному признаку, в Израиле – как и едва ли не во всех остальных странах, принявших на вооружение модель «плавильного котла» – не удалось достичь этнического, лингвистического, культурного и конфессионального единообразия населения. В 90-х годах с требованиями о перераспределении общественных благ и переоценке коллективной символической легитимации израильского общества выступили самые разные социально-этнические группы. Во многом катализатором этого процесса стала община выходцев из СССР/СНГ, сформировавшаяся в Израиле в 90-х годах. Миллион русскоязычных иммигрантов

сформировал «критическую массу», которая отвергла традиционную для Израиля политику «плавильного котла».

Сохраняя русский язык и прививая любовь к нему своим детям, создав свои газеты, политические партии, театры, вечерние школы, радиостанции, магазины, рестораны, дома инженеров и медицинские учреждения, русскоязычные иммигранты едва ли не больше, чем какая-либо иная этнокультурная группа, способствовали плюрализации социально-культурного дискурса в стране¹⁴⁵. Спад уровня напряженности арабо-израильского конфликта и сопутствовавшие ему изменения в израильском обществе содействовали созданию общественного климата терпимости к борьбе русскоязычных иммигрантов за право на свое коллективное самовыражение в области политики и культуры.

Еще дальше пошли традиционалистки настроенные евреи – выходцы из мусульманских стран и их родившиеся уже в Израиле потомки, создавшие собственную обособленную систему просвещения (на иврите – «Эль ха-мааян ха-хинух ха-Торани») и заявившие о намерении изменить сложившийся в Израиле еще в конце 40-х годов статус-кво в отношениях между религией и государством; по их мнению, государство утратило свой подлинно еврейский характер, став своего рода Америкой на Ближнем Востоке. Основанная сефардскими традиционалистами в середине 80-х годов партия ШАС («Сефарды – хранители Торы»), сочетающая религиозный фанатизм с социальным популизмом самого примитивного уровня, добилась в 90-е годы невиданных успехов, сформировав к концу десятилетия третью по величине фракцию в парламенте страны.

В противовес требованиям об усилении еврейской составляющей государственной политической культуры израильские граждане арабской национальности (как мусульманского, так и христианского вероисповедания) все активнее выступают за превращение Израиля в обычное гражданское государство. В этой связи ими выдвигаются требования как об изменении являющейся на сегодняшний день сугубо еврейской государственной символики, так и об отмене фундаментально важного для сохранения еврейского характера Государства Израиль принятого еще полвека назад Закона о возвращении, согласно которому евреи всех стран, где бы они ни жили, имеют право на репатриацию в Израиль. Выступая за отмену еврейского

Закона о возвращении, израильские арабы (кстати сказать, все чаще идентифицирующие себя не как «израильские арабы», а как «палестинцы, находящиеся под израильской оккупацией с 1948 года») выдвигают требование о предоставлении права на возвращение в Израиль всем палестинцам, покинувшим свои дома в ходе развязанной арабами войны с Израилем в 1948–1949 гг., а также их потомкам. В ходе первой арабо-израильской войны свои дома покинули примерно шестьсот – восемьсот тысяч палестинских арабов, большинства из которых за давностью лет уже нет в живых¹⁴⁶.

Цифры, касающиеся общего числа палестинских беженцев, приводимые в различных источниках, зачастую расходятся. Так, бывший премьер-министр Израиля Голда Меир была убеждена, что их число не превысило 590 тыс. человек. Согласно приводимым ею данным, 30 тыс. человек уехало сразу после ноября 1947 г., после принятия Генеральной ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины; еще 200 тыс. – зимой и весной 1948 г. (в том числе большинство из 62 тыс. арабов, живших в городе Хайфа); остальные покинули Палестину после провозглашения Государства Израиль и закончившегося провалом вторжения на его территорию армий арабских стран¹⁴⁷. Согласно информации, приводимой другим бывшим премьер-министром Израиля, Шимоном Пересом, в соответствии с оценками Центрального статистического бюро Израиля, переданными министру иностранных дел Моше Шарету 2 июня 1949 г., количество палестинских беженцев составляло 577 тыс. человек. Поскольку часть палестинцев сумела вернуться на территорию Израиля после подписания соглашений о прекращении огня, израильское правительство пришло к выводу, что общее количество беженцев не превышало 520–530 тыс. человек¹⁴⁸. По оценкам британских официальных источников, общее количество палестинских беженцев колебалось между 600 тыс. (в соответствии с данными отдела исследований министерства иностранных дел в Лондоне) и 760 тыс. человек (согласно оценкам Комиссии по примирению). Арабские страны назвали ООН еще более высокую цифру, выглядящую значительно завышенной – 900 тыс. человек. Полвека спустя палестинские лидеры заявляют, что в настоящее время правом на возвращение обладают более четырех миллионов предста-

вителей палестинской диаспоры – потомков беженцев 1948 г.

Удовлетворение этого требования приведет к превращению Израиля в двунациональное государство с равным удельным весом еврейского и арабского населения. А если учесть высокие темпы естественного прироста среди арабского населения (по данным ЦСУ Израиля, у израильских арабов в среднем приходится 4,57 ребенка на семью – против лишь 2,64 детей на семью среди евреев¹⁴⁹), страна в течение считанных лет станет преимущественно арабским государством, еврейское меньшинство которого окажется под угрозой духовного и физического уничтожения: разгром, учиненный палестинцами на переданной под их контроль могиле праотца Иосифа в Шхеме, стал недвусмысленным индикатором и предостережением. Принципиально важным является то, что требование о возвращении в Израиль потомков палестинских беженцев отвергается почти всеми живущими в Израиле евреями, в том числе и сторонниками левого блока МЕРЕЦ и миротворческой организации «Мир – сегодня», подавляющее же большинство имеющих израильское гражданство арабов рассматривает право потомков палестинских беженцев на возвращение на территорию Израиля как неотъемлемое условие любого политического урегулирования между арабами и израильтянами. Этот вопрос стал основным камнем преткновения на переговорах между израильтянами и палестинцами летом 2000 г. – переговорах, провал которых и привел в сентябре того же года к началу нового витка антиизраильского террора.

Представляется чрезвычайно важным отметить, что еще до обретения собственной независимости Израиль принимал тысячи еврейских беженцев, спасавшихся от гитлеровского геноцида, которым удалось уцелеть и самыми непредсказуемыми путями (например, из Польши в Палестину через Туркменистан и Иран) добраться до Земли обетованной. Израиль продолжал принимать еврейских беженцев и после образования государства. Помимо беженцев из Европы, молодому государству приходилось принимать из арабских стран сотни тысяч еврейских беженцев, которые в 1948–1951 гг. были вынуждены покинуть места своего проживания. В эти годы в Израиль прибыли более шестисот тысяч из общего числа приблизительно девятисот сорока тысяч евреев, живших в мусульманских странах. Во многих случаях они бросали все нажитое несколь-

кими поколениями имущество. Всем еврейским беженцам из арабских стран Израиль немедленно предоставил гражданство и соответствующие социальные и политические права, в то время как палестинские беженцы содержались в арабских странах в лагерях для перемещенных лиц, и ни одно государство, кроме Иордании, не предоставило им гражданство. Как отмечает Шимон Перес, «Лидеры арабских стран [...] стремились использовать нерешаемую проблему беженцев в качестве политического оружия против Израиля. Платить же за это пришлось – и приходится сейчас – прежде всего самим палестинцам, которых фактически превратили в нацию беженцев»¹⁵⁰.

Парадоксальным образом заключение в 1993 г. соглашения между правительством Израиля и ООП, а также дальнейшее продвижение переговорного процесса между сторонами поставило израильских арабов в крайне непростое положение. По словам известного арабского общественного деятеля, профессора социологии Хайфского университета Маджеда эль-Хаджа, они оказались как бы «дважды на периферии»¹⁵¹: большинство израильтян считает, что сделанных палестинцам уступок более чем достаточно, и не готово на какие-либо дополнительные шаги по признанию коллективных прав израильских арабов. Палестинские же лидеры, вернувшиеся на территории после десятилетий жизни в странах диаспоры, зачастую относятся к израильским арабам как к живущей бок о бок с «сионистским врагом» «пятой колонне», пренебрегающей национальными интересами.

В последние годы израильские арабы заняты созданием собственных национальных институтов¹⁵². Они копируют сионистскую модель «государства в пути» и уже создали комиссию мэров арабских населенных пунктов, которая выполняет ту же роль, которую играл *Ваад ха-ишув* – руководящий орган еврейского самоуправления во времена британского мандата. В конце 2001 г. ими был создан Земельный фонд – аналог еврейского *Керен каемент ле-Израэль*. И это не считая комиссий по градостроительству и проектированию и исследовательских центров, десятков общественных организаций, которые растут как грибы после дождя, действуя в самых различных областях: здравоохранении, просвещении, борьбе за права национальных меньшинств, недвижимости.

В хайфском районе Хадар ха-Кармель находится офис созданного четыре года назад товарищества «Аль-Итиджаа» – головной организации израильских арабов. Интересно, что эта организация, открыто декларирующая свои сепаратистские устремления, действует в Хайфе – символе арабо-еврейского сосуществования.

Недавно были созданы такие арабские общественные ассоциации, как «Алаан» (занимающаяся общественным развитием), «Ансар аль-Саджин» («Друзья заключенных») и «Аот Амаль», ведающая вопросами образования в арабском секторе. Для борьбы за придание официального статуса арабским деревням был создан «Союз 40». Его председатель Абу аль-Хаджи указывает на явные сдвиги к лучшему: «На севере этой проблемы уже не существует. Однако остались еще 34 деревни в центре и на юге страны». Большинство этих организаций финансируется различными западными фондами, перечисляющими им миллионы долларов, и принимает под свое крыло многих арабов с высшим образованием, которые не нашли себе места в израильских структурах. Один из ведущих деятелей «Аль-Итиджаа» Амир Махуль, как и другие националистически настроенные политические лидеры арабского населения, видит в этих организациях основу инфраструктуры будущей автономии израильских арабов. Махуль начинал свою карьеру в качестве председателя Союза арабских студентов – организации, не скрывающей своей сепаратистской ориентации. «Мы должны создать влиятельный орган, который будет представлять интересы арабских организаций как в Израиле, так и на международных форумах», – так определяет Махуль цели «Аль-Итиджаа», которая борется за право палестинских беженцев на возвращение, за передачу арабам отобранного у них некогда имущества... Мнение Махуля разделяет лидер организации «Адалла» Хасан Джебарин, не сомневающийся в том, что «израильские арабы должны получить культурную автономию»¹⁵³.

Показательно, что данные устремления не находят понимания ни у израильских, ни у палестинских политических лидеров. Для израильтян болезненные уступки палестинцам должны были, среди прочего, именно предотвратить превращение Израиля в двунациональное еврейско-арабское государство. Отказавшись от контроля над территориями Иудеи и Самарии (и в том числе над такими значимыми для истории еврейского

народа городами, как Хеврон, Шхем, Бейт-Лехем и Иерихон), израильтяне в подавляющем большинстве своем полны решимости сохранить еврейский характер государства, поэтому ни о какой национальной автономии арабов в самом Израиле не может быть и речи. С другой стороны, значительное большинство палестинских лидеров до сих пор не смирилось с самим фактом существования Израиля, и с их точки зрения, те, кого они определяют как «палестинские арабы, находящиеся под сионистской оккупацией с 1948 года», должны бороться не за автономию внутри Государства Израиль, а за его ликвидацию и создание единого палестинского государства на всей территории британского мандата. Подобное неприятие стремлений израильских арабов как израильтянами, так и палестинцами ставит эту группу населения в крайне уязвимое положение, последствия которого достаточно трудно предсказуемы.

Дальнейший ход палестино-израильского (и в более широком смысле, арабо-израильского) противостояния будет оказывать решающее воздействие на статус и самоидентификацию арабских граждан Израиля. После того, как в конце сентября 2000 г. палестинская администрация вновь обратилась к террору как к средству политического давления на Израиль, уровень вовлеченности израильских арабов в антигосударственную (а зачастую и откровенно террористическую) деятельность резко повысился. Опрос общественного мнения, опубликованный в начале июня 2001 г. – первый репрезентативный опрос израильских арабов со времени начала второго витка интифады, – продемонстрировал всю глубину их отчуждения от Государства Израиль. Всего 33% из 1202 опрошенных израильских арабов сказали, что термин «израильтянин» наиболее точно соответствует их идентификации. В 1995 г. подобный ответ дали 63% респондентов. 35% чувствуют, что израильские евреи им ближе, чем палестинцы с Западного берега и из сектора Газа. В 1995 г. таких было 50%. Около половины респондентов (46%) отказывают Израилю как сионистскому государству в праве на существование. В 1995 г. это мнение разделяли 35%. Большинство опрошенных (58%) убеждены, что интифада отдалила их от государства, гражданами которого они являются¹⁵⁴.

Сразу после начала «интифады Аль-Акса» многие тысячи израильских арабов вышли на улицы в знак солидарности с борьбой палестинского народа. Особо серьезные столкновения

между евреями и израильскими арабами произошли в городе Назарет 8 октября 2000 г. Полиция применила резиновые пули и слезоточивый газ, в результате один израильский араб был убит и четверо – ранены. Были арестованы десятки человек. Всего же в ходе беспорядков в октябре 2000 г. погибло тринадцать израильских арабов. Несмотря на все усилия тогдашних политических лидеров Израиля Э.Барака и Ш.Бен-Ами по налаживанию отношений с арабским сектором, выразившиеся, в частности, в беспрецедентном решении о создании Государственной комиссии по расследованию деятельности полиции в ходе событий октября 2001 г., израильские арабы бойкотировали выборы премьер-министра страны, состоявшиеся 6 февраля 2001 г. В день выборов по арабским населенным пунктам ездили колонны автомобилей с черными флагами в знак памяти о тринадцати погибших израильских арабах. Участники этих демонстраций, организованных Исламским движением, призывали своих соплеменников воздержаться от голосования, таким образом выразив протест против действий правительства и полиции Израиля в октябре 2000 г.

В последнее время тенденция к усилению палестинской составляющей самосознания израильских арабов еще более усилилась. 15 мая 2001 г. в Иерусалиме прошел совместный митинг израильских арабов и палестинцев – жителей Западного берега и сектора Газы. 15 мая – дата провозглашения независимости Израиля по григорианскому календарю – отмечалась палестинцами как день пятьдесят третьей годовщины «Накбы» (палестинской национальной катастрофы), «день великого горя и страдания» в связи с образованием в 1948 г. еврейского государства¹⁵⁵.

Власти Палестинской администрации уже долгое время пытались склонить арабов-граждан Израиля на свою сторону. Прежде это не удавалось, и в период первой интифады израильские арабы соблюдали почти полный нейтралитет. Однако в ходе нынешней интифады, а фактически военного конфликта Израиля и Палестинской администрации многие арабы не только стали активно помогать террористам (провозили террористов-самоубийц, оружие и так далее), но и начали стали заниматься террористической деятельностью. Наибольшую известность получил террористический акт в Нагари, который совершил в октябре 2001 г. Салах Хушейби, израильский араб, житель Галилеи. Впервые в истории страны израильский араб пополнил

ряды террористов-самоубийц. Этот террористический акт унес жизни трех человек, более двадцати получили ранения.

Однако этот террористический акт не был единственным. 22 ноября 2000 г. в находящемся на полпути от Тель-Авива к Хайфе городе Хадера была взорвана машина: два человека погибли и около сорока получили ранения. Почти сразу же после этого следователи Общей службы безопасности (ШАБАК) начали отработку версии о причастности израильских арабов к исполнителям происшедшей террористической акции. В опубликованном сообщении о задержании боевиков говорилось, что ШАБАК располагает информацией о том, что им содействовали израильские арабы. Сотрудники ШАБАК отметили, что именно арабы – граждане страны снабдили шхемских террористов перекисью водорода, которая используется при изготовлении взрывчатки. По этому делу были арестованы четверо израильских граждан арабского происхождения: житель Восточного Иерусалима предприниматель Маджади Кемаль Кереш и трое жителей Хайфы.

В январе 2001 г. были арестованы четверо членов радикальной группировки израильских арабов, связанных с организацией «Исламский джихад». Арестованные подозревались в планировании и осуществлении террористических актов на территории Израиля. Всего же, по информации первого канала израильского телевидения, в 2001 г. на территории Израиля сотрудниками служб безопасности была раскрыта деятельность 25 террористических ячеек организаций ХАМАС, ФАТХ, «Хизбалла» и других. В начале июня 2001 г. мировой суд города Назарет разрешил опубликовать часть данных о трех израильских арабах, обвиняющихся в принадлежности к террористической организации «Хизбалла». Согласно обвинительному заключению, Махмуд Сархан (из деревни Яфия), Саид Джаухар и Махмуд Салим Авауда (проживающие в деревне Кафр-Кана) занимались, в частности, распространением листовок, передачей сообщений и материалов для СМИ, в том числе для телевидения «Хизбаллы». С целью добычи оружия обвиняемые также вели наблюдение за военной базой Хават ха-шомер. Кроме того, Махмуд Сархан обвинялся в том, что заложил взрывное устройство возле отделения банка в деревне Яфия, которое было обезврежено саперами полиции¹⁵⁶.

13 января 2002 г. Окружной суд Тель-Авива обнародовал детали расследования по делу двадцатитрехлетнего Махмуда

Хамшари, израильского араба, проживавшего в деревне Калансуа района Шарон. Как стало известно в ходе следствия, пять лет назад Хамшари стал членом палестинской террористической группировки ФАТХ, а в ноябре прошлого года был задержан сотрудниками израильских спецслужб по дороге в город Тира, где он, как предполагается, должен был присоединиться к группе палестинцев, планировавших организацию террористического акта на территории Израиля. По данным спецслужб, Хамшари и еще двое палестинцев – террористов-самоубийц – должны были перегнать с территории Палестинской администрации в Израиль машину, начиненную взрывчаткой. Сам теракт планировалось осуществить в одном из ресторанов города Петах-Тиква. Это задание Хамшари получил от одного из руководителей боевой ячейки ФАТХ из Туль-Карема¹⁵⁷.

В аналитической статье, суммировавшей итоги антитеррористической операции «Защитная стена», опубликованной в наиболее популярной израильской газете «Едиот ахронот» 21 апреля 2002 г., также отмечалось, что эта операция способствовала дальнейшей «палестинизации» израильских арабов. По словам автора, «все больше представителей этой части населения страны относятся враждебно к Израилю».

В августе 2002 г. были арестованы две террористические группы, созданные израильскими арабами. Одна из них подготовила и осуществила три террористических акта (два – в Иерусалиме, в том числе в здании Еврейского университета, а один – в молодежном кафе в Ришон ле-Ционе), в которых погибли 35 израильтян, а вторая приняла активнейшее участие в подготовке взрыва рейсового автобуса возле города Цфат (тогда погибли девять израильтян, свыше 40 получили ранения). Всего же за последние три года израильские арабы совершили девять террористических актов, еще 90 попыток совершения террористических актов были предотвращены полицией. За содействие, оказанное палестинским террористам, были арестованы более ста израильских арабов¹⁵⁸.

Много это или мало? Принимая во внимание тот факт, что сегодня в Израиле проживают 1.2 миллиона арабских граждан (82% из них – мусульмане, 9% – христиане, 9% – друзы), речь, конечно же, идет о сравнительно небольшой группе населения. Вместе с тем нельзя не признать, что речь идет о самой верхушке айсберга: многочисленные опросы свидетельствуют, что в среде так называемых «израильских арабов» уровень под-

держки вооруженной антиизраильской деятельности постоянно растет.

Сложность сосуществования евреев и арабов проявляется даже на лингвистическом уровне. Необходимо отметить и то, что хотя арабский (наравне с ивритом и английским) провозглашен одним из государственных языков Израиля, лишь небольшая часть израильтян неарабского происхождения владеет им¹⁵⁹. Жестокая реальность арабо-израильского конфликта привела к тому, что в коллективном сознании израильтян арабский однозначно ассоциируется с языком стран, военное противостояние с которыми унесло жизни почти двадцати тысяч израильских граждан. Хотя начиная с VII–IX веков арабский язык стал разговорным языком большинства евреев, проживавших в странах Южного и Западного Средиземноморья, и хотя именно на арабском языке писали выдающиеся еврейские писатели и ученые средневековья, в том числе Саадия Гаон, который, в числе прочего, перевел Библию на арабский, Хай б. Шрира Гаон (939–1038), среди других сочинений составивший по-арабски глоссарий трудных слов Библии и Талмуда, Ибн Гвириоль (1021–1055(?)), Иехуда ха-Леви (1175–1141) и Маймонид (1138–1204), арабский не воспринимается в сегодняшнем Израиле как один из основных языков еврейской диаспоры. Подобное эмоциональное отчуждение от арабского языка привело к тому, что лишь около 50% израильских школьников изучают его на протяжении трех лет средней школы (в седьмом-девятом классах), как рекомендует программа Министерства образования Израиля¹⁶⁰. Поскольку изучение второго иностранного языка в израильских школах обязательно, существуют все возможности для того, чтобы школьники изучали арабский – язык, являющийся родным для значительной части населения страны (всех израильских арабов и многих евреев – выходцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока) и на котором говорят жители всех граничащих с Израилем стран. Однако большая часть школьников отдает предпочтение французскому, а выходцы из СССР/СНГ – русскому¹⁶¹.

Распространение арабского в израильских еврейских школах сравнительно ограничено, причем готовность министерства просвещения признать изучение французского, русского и других языков легитимной альтернативой изучению арабского стала важным фактором, ограничившим знакомство еврейских подростков с языком и культурой арабских народов. Таким об-

разом, отсутствует формальная структура, поощряющая изучение гражданами страны одного из ее государственных языков. По данным исследования известного израильского социолога Элиэзера Бен-Рафаэля, если 89,8% израильтян, знающих английский, выучили его вне рамок семьи, то 82,8% тех, кто знает арабский, выучили его в ходе общения с родителями¹⁶². Исследование, проведенное Э. Бен-Рафаэлем и Х. Брошем, показало, что израильские арабы лучше знают иврит, чем большинство евреев – арабский; кроме того, мотивация арабов к изучению иврита выше, чем мотивация евреев к изучению арабского¹⁶³. Арабский имеет в Израиле низкий статус – как в еврейском обществе в целом, так и среди самих выходцев из арабоязычных стран, для которых с высоким социальным положением традиционно ассоциировался французский¹⁶⁴. Из стран, основным языком которых является арабский, в *Эрец-Исраэль/Государство Израиль* начиная с 1919 г. прибыло более шестисот тысяч человек, однако среди их детей, родившихся уже в Израиле, тенденция формирования иврито-английского билингвализма в целом соответствует аналогичной тенденции среди других этнокультурных групп. Представляется, что значительное расширение и углубление преподавания арабского языка и культуры в еврейских школах могло бы во многом способствовать улучшению контактов между двумя крупнейшими национальными группами в стране.

Как отмечает Элиэзер Бен-Рафаэль, «каждый этнос, претендующий на сохранение своей культурной самобытности, бросает вызов доминирующей в израильском обществе коллективной идентификации, поскольку на коллективную ответственность перед израильским обществом накладываются обязательства перед конкретной этнической группой»¹⁶⁵. При этом «самому сложному испытанию доминирующую культуру подвергают израильские арабы», принятие которыми «коллективных обязательств по отношению к израильскому обществу станет возможным, только если произойдет такая трансформация израильской идентичности, в результате которой гражданское понятие «израильтянин» станет превалировать над национальными понятиями «еврей» и «араб»¹⁶⁶.

Процессы религиозной радикализации среди израильских арабов (в особенности мусульман) также не могут не беспокоить. Согласно результатам представительного опроса, проведенного во второй половине 90-х годов, 46% арабов-

мусульман и 38% арабов-христиан рассматривают религиозный аспект как основную составляющую собственной идентичности. При этом более 91% представителей каждой из групп желали бы, чтобы члены их семьи вступали бы в брак исключительно с представителями их собственной конфессии, причем среди мусульман почти половина (49,1%) отказывается не только родниться, но и дружить с людьми иного вероисповедания. 39% арабских граждан Израиля мусульманского вероисповедания поддержали идею ликвидации Государства Израиль и создания исламского государства, существующего по законам шариата, на всей территории Палестины. 44% израильских арабов выразили понимание и поддержку палестинским террористам, убивающим евреев¹⁶⁷. В этой ситуации происходящий буквально на глазах рост влияния исламского движения среди израильских арабов (достаточно сказать, что в то время как менее 49% опрошенных израильтян-евреев определили себя как «религиозные» в той или иной степени, среди арабов таковых было более 72%)¹⁶⁸ ставит под сомнение саму возможность мирного существования между двумя крупнейшими национальными общинами в Израиле.

Ответ на вопрос о том, сможет ли Государство Израиль выжить в существующих непростых условиях, во многом зависит от того, сумеет ли оно найти пути интеграции еврейского и арабского населения в единое гражданское государство. Очевидно, что задача строительства государства, в котором бы соблюдался принцип гражданского равноправия при одновременном сохранении (в той или иной форме) еврейского национального характера, является крайне сложной. К сожалению, в последние годы происходят обратные процессы, оставляющие израильских арабов на периферии как израильской, так и палестинской социально-политической и культурной жизни. Существует реальная опасность того, что дальнейшее развитие этих тенденций приведет к значительному обострению обстановки в и без того крайне проблемном ближневосточном регионе.

Интеграция в Израиле евреев – выходцев из арабских стран была хоть и значительно лучшей, но также не всегда успешной. Собственно говоря, тема статусного неравенства между различными национальными и этническими группами, составляющими мозаику современного израильского общества, начала разрабатываться социологами еще во второй поло-

вине 70-х годов¹⁶⁹. В работах Сами Самухи, Дворы Беренштейн, Шломо Свирского, Чарльза Кеймана и некоторых их коллег было показано, что несмотря на провозглашенный в Декларации независимости Израиля принцип равенства людей разных конфессий, национальностей и полов, на практике уровень жизни, образования и доходов представителей этнокультурных меньшинств (прежде всего израильских арабов и евреев – выходцев из стран Востока) значительно ниже, чем тот, которого достигли евреи – выходцы из стран Европы. Анализируя данную ситуацию, социологи делали вывод о том, что подлинная социальная интеграция, декларируемая государственными структурами как их основная цель, так и не была достигнута. Доминирование арабо-израильского конфликта во всех сферах политической жизни страны объясняет не только терпимое отношение израильтян к сложившемуся неравенству между евреями и арабами, но и отсутствие сколько-нибудь значимых движений протеста, выступающих против социально-экономической дискриминации тех или иных групп израильского общества.

Требования об изменении принципов, на которых на протяжении десятилетий базировалась израильская общественная жизнь, были выдвинуты в последние годы не только русскоязычными иммигрантами, традиционалистски настроенными выходцами из восточных общин и арабскими гражданами Израиля, но и некоторыми другими общественными группами. Протестное антиклерикальное голосование светского населения на выборах 1999 г. принесло 5% мест в парламенте партии «Шинуй» («Перемены»), позиции которой по ключевым вопросам арабо-израильского конфликта не были известны ни до, ни во время выборов. Проблемы, связанные с развитием арабо-израильского конфликта, и возможные пути их решения на протяжении многих лет находились в эпицентре всех электоральных противоборств в Израиле.

В середине 90-х годов ситуация несколько изменилась, однако после начала в сентябре 2000 г. нового витка палестинской интифады все вернулось «на круги своя»: именно позиции тогдашнего премьер-министра Эхуда Барака на палестинском направлении предопределили его разгромное поражение на состоявшихся 6 февраля 2001 г. всеобщих выборах. На них Э.Барака поддержали менее 38% избирателей, в то время как его соперника, лидера блока Ликуд Ариэля Шарона –

более 62% избирателей, принявших участие в голосовании. Вопросы культурной и образовательной политики, равно как и статус-кво в отношениях между религией и государством в ходе избирательной кампании вообще не поднимались. Можно с высокой долей уверенности предположить, что до тех пор, пока сохранится нынешняя напряженность в отношениях между израильянами и арабским миром (на сегодняшний день посольства Египта и Иордании работают в Израиле в отсутствие послов, а открытые прежде дипломатические представительства восьми арабских стран были закрыты), вопросы, не связанные напрямую с арабо-израильским конфликтом, не будут иметь сколько-нибудь определяющего значения для израильской общественной жизни. И напротив, неожиданный, но возможный прорыв в области арабо-израильского мирного урегулирования приведет к активизации процессов этнокультурного обособления и внутриобщинной сегрегации, как это и было в 90-х годах.

ХІІІ. АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ И ИЗРАИЛЬСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Такой тяжелый, продолжительный и всеобъемлющий конфликт, как противостояние между шестимиллионным Израилем и миллиардным арабо-мусульманским миром, не мог не наложить внушительный отпечаток на функционирование демократических институтов власти в Израиле и на роль армии и других силовых структур в израильском обществе.

Проблемы взаимоотношений между силовыми и гражданскими структурами в Израиле во многом являются следствием того, что Израиль – единственная демократическая страна во всем ближневосточном регионе. Более того, из всех существующих ныне демократических государств Израиль – только одна страна, которая на протяжении всей своей истории постоянно сталкивалась с военной угрозой. И даже сейчас, после пяти крупномасштабных войн с арабскими странами, а также ограниченной по своим масштабам израильско-египетской Войны на истощение (1967–1970 гг.), большинство из них отказывается признать право Израиля на существование в безопасных границах. Данная ситуация обуславливает необходимость наличия военной структуры, способной одновременно содержать определенную численность личного состава армии, оснащать и обучать ее, решать ежедневные проблемы национальной безопасности и быть достаточно гибкой для того, чтобы переходить, если нужно – внезапно, к состоянию войны¹⁷⁰.

В Израиле ежедневно реализуются разнообразные меры в сфере обеспечения безопасности, включающие не только охрану государственных границ, но и деятельность по предотвращению террористических актов внутри страны, что зачастую требует выполнения полицией сугубо армейских функций, а армией – полицейских функций, как в самом Израиле, так и на контролируемых территориях. Это положение приводит к многочисленным проблемам как на оперативно-тактическом, так и на социально-психологическом уровнях. С одной стороны, лица, служащие в армии и полиции, проходят во многом отличающиеся кур-

сы подготовки, имеют разную мотивацию к службе и неодинаковый опыт (как известно, служба в армии в Израиле является – за определенными исключениями – обязательной, в то время как набор в полицию в основе своей доброволен), а потому эти структуры не могут с одинаковым успехом дублировать друг друга. В то же время необходимость выполнения полицейских функций среди гражданского арабского населения привела к значительному снижению мотивации к военной службе как у призывников, так и у резервистов¹⁷¹.

При этом, несмотря на все сложности, сопряженные с борьбой Государства Израиль за свое право на существование, военные структуры не стали доминирующими в обществе и не подчинили себе демократические институты власти. Напротив, принцип аполитичности армии и невмешательства армейского руководства в политику соблюдается в Израиле, пусть и с определенными оговорками, уже на протяжении более чем полувека. Именно поэтому представляется крайне интересным рассмотреть взаимоотношения армии и политических структур в Израиле подробнее, особо остановившись на изменениях этих взаимоотношений в контексте динамики ближневосточного переговорного процесса в последнее десятилетие. Следует отметить, что в Израиле взаимоотношения между армией и обществом никогда не находились в статичном состоянии. Модели и формы таких взаимоотношений, сформировавшиеся в первые годы существования государства, постепенно изменяются.

С первых дней создания государства контроль и управление вооруженными силами были сконцентрированы в руках гражданского органа власти – Министерства обороны¹⁷². Действующее в стране законодательство предполагает единое управление сухопутными, военно-морскими и воздушными силами, осуществляемое министром обороны. Централизация руководства вооруженными силами в Израиле достигла беспрецедентного для либерально-демократических стран уровня. Это во многом объясняется тем, что на протяжении значительной части истории государства премьер-министр страны одновременно был и министром обороны. Две эти важнейшие должности совмещали в разное время пять из семи премьер-министров Израиля, избранных от Рабочей партии: Давид Бен-Гурион (в 1948–1953 и 1955–1958 гг.), Леви Эшколь (в 1963–1967 гг.), Ицхак Рабин (в 1992–1995 гг.), Шимон Перес (в 1995–1996 гг.) и Эхуд Барак (в

1999–2001 г.), а также лидер «Ликуда» Менахем Бегин (с конца мая 1980 по август 1981 г.). Двое других лидеров Рабочей партии (Моше Шарет и Голда Меир), равно как и три премьер-министра от блока «Ликуд» (Ицхак Шамир, Биньямин Нетаньяху и Ариэль Шарон) по разным причинам ни разу не брали на себя обязанностей министра обороны.

Не менее важно и то, что Министерство обороны контролирует почти всю мощную оборонную промышленность страны. Во многих странах индустриальная база военно-промышленного комплекса приватизирована, тогда как в Израиле почти все предприятия оборонной промышленности, и среди них такие гиганты, как Israel Aircraft Industries и Israel Military Industries, находятся в собственности государства, а некоторые компании непосредственно являются структурными подразделениями Министерства обороны (как, например, Управление по развитию новых видов вооружений). Министерство обороны, таким образом, является не только центральным гражданским органом управления вооруженными силами, но и целиком контролирует весь военно-промышленный комплекс страны¹⁷³.

Руководителями Министерства обороны являются почти поголовно отставные высокопоставленные военные. Министрами обороны в последние двадцать пять лет были, например, бывшие начальники Генерального штаба Ицхак Рабин и Эхуд Барак, генералы Эзер Вейцман, Ариэль Шарон, Ицхак Мордехай и Биньямин Бен-Элиэзер. Собственно, штатскими из всех министров обороны страны в описываемый период можно назвать лишь Шимона Переса и Моше Аренса. Похожее соотношение наблюдается и среди членов руководства министерства. Уволившись в запас и устроившись на работу в Министерство обороны, отставные офицеры начинают курировать своих вчерашних друзей и сослуживцев. В этой связи вопрос о том, является ли Министерство обороны органом, контролирующим вооруженные силы, либо же оно скорее выступает в качестве лоббиста интересов армии в органах представительной власти, остается открытым. Вероятно, зачастую действительное положение вещей ближе ко второму варианту, хотя в соответствии с действующим законодательством Министерство обороны выступает исключительно в качестве контролирующего органа.

Данная модель контроля над вооруженными силами, формально зафиксированная в принятом в 1976 г. Основном

законе об армии, сложилась достаточно давно. В конце периода британского мандата в Палестине действовали четыре еврейские вооруженные организации, имевшие весьма различную политическую ориентацию: отряды Хаганы были близки доминировавшей в политике еврейского ишува социал-демократической Рабочей партии, отряды ПАЛЬМАХа объединяли преимущественно молодежь из левых социалистических движений, в то время как ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ действовали в фарватере правоцентристского ревизионистского движения. Первый глава правительства и министр обороны страны Давид Бен-Гурион крайне жесткими и болезненными мерами добился создания единых вооруженных сил в стране, причем любая политическая оппозиция в их рядах была исключена в принципе¹⁷⁴. В годы правления Д.Бен-Гуриона никто из офицеров – выходцев из отрядов ПАЛЬМАХа, ЭЦЕЛЯ или ЛЕХИ не назначался на должность начальника Генерального штаба; первым стал один из командиров ПАЛЬМАХа Ицхак Рабин, назначенный на этот пост в 1964 г., уже после отставки Д.Бен-Гуриона.

Стремясь добиться деполитизации армии, Д.Бен-Гурион вскоре после выборов в Кнессет первого созыва инициировал запрет на включение офицеров срочной или сверхсрочной службы в списки кандидатов в депутаты парламента страны. Д.Бен-Гурион видел ЦАХАЛ не только как армию, способную отразить любую агрессию извне, но и как важнейший «цементирующий» институт израильского общества, помогающий создать из разнородных групп выходцев из разных стран единую израильскую нацию¹⁷⁵. Так как израильское общество всегда отличалось крайней многопартийностью, задача сохранения непартийного характера вооруженных сил представлялась целью первостепенной важности. И все же, рассматривая вопрос по существу, трудно найти какой-либо период израильской истории, в который армия оставалась бы абсолютно вне политики. Представляется, что в 90-е годы политизация армии достигла своего апогея.

Как отмечает известный израильский социолог Моше Лисак, ставший в 60–70-е годы едва ли не первым исследователем отношений между вооруженными силами и гражданским обществом в стране, взаимоотношения между армейской и гражданской структурами определяются многочисленными пересечениями как на личном, так и на официальном уровнях. На микроуровне самое значительное скрещение военной и граж-

данской сфер обусловлено Законом о всеобщей воинской повинности. Обязательная воинская служба – как срочная, так и резервистская – сопряжена не только с личным риском для жизни каждого солдата и офицера, но и с известными ограничениями свободы слова и свободы передвижения, а также финансовыми издержками. Вместе с тем службе в армии сопутствуют в Израиле (во всяком случае, так было до самого недавнего времени) различные социальные «вознаграждения», которые повышают общественный статус прошедших ее молодых людей, становясь для них своего рода «входным билетом» на отдельные престижные должности и связанные с секретностью работы как в государственном, так и в частном секторе. Более того, на протяжении десятилетий служба в армии воспринималась многими в Израиле как необходимый этап формирования гражданского статуса личности, не пройдя который, невозможно стать «настоящим израильтянином»¹⁷⁶.

В первой половине 90-х годов данная модель восприятия воинской службы изменилась кардинальным образом¹⁷⁷. Можно выделить пять причин этого явления.

Во-первых, ход развития арабо-израильского конфликта в 80–90-е годы привел к тому, что армия оказалась неспособной выполнить те задачи, которые ставило перед ней политическое руководство страны.

Первым «звонком» в этом направлении стало начавшееся 5 июня 1982 г. как антитеррористическая операция «Мир Галилее» вторжение в Ливан, которое обернулось изнурительной войной. Ограниченная военная операция, планировавшаяся как победный блицкриг, подобный Синайской кампании 1956 и Шестидневной войне 1967 годов, превратилась в четырехмесячную войну и последующее восемнадцатилетнее израильское военное присутствие на ливанской территории¹⁷⁸. Ливанская война стала израильским Вьетнамом, самым трагическим военным событием в истории страны, нанесящим ощутимый удар как по статусу Израиля в мировом сообществе, так и по доверию населения к структурам власти. В ходе войны в Ливане погибло 654 и было ранено 3859 израильских солдат и офицеров¹⁷⁹; среди погибших был и заместитель начальника Генерального штаба Израиля генерал Йекутиэль Адам¹⁸⁰. Однако столь продолжительная военная операция, призванная обеспечить спокойствие на северных границах Израиля, вместо этого еще более обострила ситуацию в регионе.

Хотя официально операция «Мир Галилее» закончилась 1 сентября 1982 г. с эвакуацией палестинских террористов и сирийских войск из Бейрута, вывод израильских войск из Ливана растянулся более чем на семнадцать лет. Избранный 23 августа 1982 г. президентом Ливана Башир Жмайель, стремившийся к достижению соглашения с Израилем, 14 сентября был убит. Президентом Ливана был избран его старший брат Амин Жмайель, подписавший мирный договор с Израилем 17 мая 1983 г. Однако этот договор ни тогда, ни впоследствии (А.Жмайель оставался президентом до 1988 г.) не был ратифицирован ливанским парламентом. 29 сентября 1982 г. израильские вооруженные силы были выведены из Бейрута, сохранив контроль над значительной частью территории Ливана в надежде завершить вывод войск после заключения мирного соглашения между странами. Отказ ливанского руководства подписать соглашение с Израилем поставил ЦАХАЛ в крайне сложное положение.

Вывод войск, который стал односторонним актом, не подкрепленным никакими обязательствами с ливанской стороны, проходил в три этапа. На первом этапе (3–4 сентября 1983 г.) был осуществлен отвод израильских сил в западном (прибрежном) и центральном секторах приблизительно на 30 км к югу – до реки Аввали (таким образом была создана «расширенная зона безопасности» шириной 40–45 км). Впоследствии – к началу июня 1985 г. – большая часть израильских войск была выведена из Ливана, однако под контролем Израиля и поддерживаемой им Армии Южного Ливана (ЦАДАЛа) осталась «зона безопасности» шириной восемнадцать километров. И, наконец, согласно решению, принятому правительством Эхуда Барака, к 24 мая 2000 г. все израильские войска покинули территорию Ливана. Однако несмотря на многолетнее израильское военное присутствие на территории Ливана, вожденное спокойствие так и не было достигнуто, а на смену перебравшимся в Тунис, Сирию и другие страны террористам из ООП пришли фанатики из поддерживаемой Ираном террористической организации «Хизбалла». Из-за совершаемых боевиками «Хизбаллы» террористических вылазок граница между Израилем и Ливаном остается одним из наиболее опасных очагов напряженности в регионе. Среди особо дерзких акций «Хизбаллы» выделяются похищение в сентябре 2000 г. трех охранявших границу солдат ЦАХАЛа (их местонахождение неизвестно до сих

пор) и проникновение в марте 2002 г. на территорию Израиля двух террористов, застреливших семерых мирных граждан. Подобные террористические акты, совершаемые боевиками «Хизбаллы» при поддержке Ирана и Сирии, всерьез угрожают возникновением крупномасштабного регионального конфликта.

Вторым испытанием эффективности израильской армии стал вспыхнувший в декабре 1987 года на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа первый виток интифады. Несмотря на многочисленные оперативно-тактические успехи, на протяжении шести лет палестинского восстания израильская армия так и не смогла сломить сопротивление ООП, ХАМАС, «Исламского джихада», НФОП, ДФОП и других террористических организаций, вылазки которых приводили к растущему числу жертв среди израильских войск и гражданского населения. Как отмечал еще в конце 80-х годов известный израильский политолог Йорам Пери (в прошлом – главный редактор влиятельной газеты «Давар»), тот факт, что армейские офицеры утверждают, что палестинское восстание не может быть подавлено военными средствами и данная ситуация требует политического решения, приводит к обвинению офицеров в политической пристрастности. Более того, высшее военное командование все больше втягивается в открытую публичную дискуссию, что угрожает изменить традиционно инструментальный характер роли израильской армии, превратив ее в активного участника острейшего политического диспута, нарушив таким образом принцип невовлечения вооруженных сил в политику¹⁸¹.

Массовое участие генералов в арабо-израильском переговорном процессе в первой половине 90-х годов (как, впрочем, и впоследствии) привело к резкой критике в их адрес со стороны политических «ястребов». Показательным стало выступление тогдашнего председателя комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне, депутата от блока «Ликуд» Узи Ландау (ныне – министр внутренней безопасности в правительстве А.Шарона), сравнившего высший генералитет с игроками в казино и назвавшего его «пленником политических концепций правительства Рабочей партии»¹⁸². Переориентация политического курса в период правления Беньямина Нетаньяху привела к значительной напряженности во взаимоотношениях правительства и армейского руководства, проявившейся, среди прочего, в открытом противостоянии премьер-министра и тогдаш-

него начальника Генерального штаба Амнона Липкина-Шахака¹⁸³. Новый виток интифады, начавшийся в сентябре 2000 г., привел к аналогичной напряженности в отношениях между выразившим готовность к беспрецедентно далеко идущим уступкам на палестинском направлении премьер-министром Эхудом Бараком и не согласным с ним начальником Генерального штаба Шаулем Мофазом. В то время как функционировавший как правительство меньшинства кабинет Э.Барака принял решение согласиться с предложенной президентом США Б.Клинтоном программой израильско-палестинского урегулирования, предусматривавшей эвакуацию десятков еврейских поселений (в том числе городов Бейтар и Гиват-Зеев) и создание Палестинского государства на 95% территории Западного берега, начальник Генерального штаба высказал десять существенных замечаний к этой программе. Армейское руководство, таким образом, оказалось между двух огней: «ястребы» упрекали его в том, что оно обеспечивало легитимацию капитулянтской политике левоцентристского правительства, тогда как «голуби» – в поддержке «непримиримой» правой оппозиции. Как следствие, армия оказалась в эпицентре внутривнутриполитического конфликта, растеряв свой ореол аполитичной организации, объединенной исключительно общенациональными целями и идеалами.

Во-вторых, в ходе Ливанской войны и первого витка интифады в израильской армии впервые в относительно массовом порядке проявилось бывшее прежде крайне маргинальным явление – полный, а чаще – частичный, отказ от воинской службы по морально-нравственным и идеологическим соображениям. За отказ от несения службы в Ливане и на контролируемых территориях в период Ливанской войны и интифады на различные сроки заключения (от 28 дней до нескольких месяцев) было осуждено более 360 солдат, преимущественно резервистов¹⁸⁴. Еще более важными были изменения социодемографического профиля тех, кто отказывался служить. В 50–70-е годы полный или частичный отказ от службы в армии по идеологическим соображениям декларировали лишь выходцы из маргинальных в политическом отношении групп израильского общества: убежденные пацифисты, последователи движения квакеров, некоторые члены просоветской Коммунистической партии и троцкистского движения «Мацпен» [«Компас»]¹⁸⁵. В ходе Ливанской войны и первого витка интифады в числе

отказавшихся служить солдат и офицеров были в основном уроженцы Израиля – горожане и киббуцники с высшим образованием, в большинстве своем – представители свободных профессий, вполне успешно интегрировавшиеся на рынке труда, голосовавшие, как правило, за сионистские левоцентристские партии¹⁸⁶. Эти 360 «отказников», готовых к тому же служить в пределах «зеленой черты», конечно, не повлияли на уровень боеспособности израильских войск, однако широкое распространение дискуссии о легитимности израильского военного присутствия в Ливане, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа среди солдат и офицеров противоречило концепции «аполитичного» характера израильских вооруженных сил.

В-третьих, преобладавшее в обществе в 1993–1995 гг. ощущение скорого урегулирования арабо-израильского конфликта привело к тому, что среди значительной части израильской молодежи (в основном среди выходцев из обеспеченных семей с более высоким, чем в среднем по стране, уровнем образования) армейская служба стала считаться своего рода «пережитком прошлого». Регулярно проводимые опросы зафиксировали резкое снижение мотивации к армейской службе. Так, 65% призывников, опрошенных в 1974 г., ответили, что пошли бы в армию добровольно на три года, даже если бы закон и не объявлял такую службу обязательной. Положительный ответ на этот же вопрос дали в 1989 году 43% призывников¹⁸⁷, а в 1994 году – лишь 34%¹⁸⁸.

Подчеркнем, что большинство опрошенных все же выражало готовность служить, однако не столь продолжительный срок. Вместе с тем, хотя число отказывающихся служить по идеологическим или каким-либо иным соображениям оставалось сравнительно небольшим, оно неуклонно росло. Как известно, в израильскую армию не призываются арабские граждане страны, составляющие около 20% ее населения, однако обнародованные в 1996 г. данные свидетельствовали о том, что и среди еврейского населения в ЦАХАЛ не призываются 17% юношей (из них только 25% по религиозным соображениям) и 30% девушек (из них 67% по религиозным соображениям)¹⁸⁹. Несколько месяцев спустя была опубликована информация о том, что 70% мужчин в возрасте 21–51 года (данная цифра относится исключительно к еврейскому населению страны) не призываются на резервистскую службу¹⁹⁰. Ощущение, что казавшийся неразрешимым арабо-израильский кон-

фликт движется к своему урегулированию, привело к резкому ослаблению основанного прежде всего на чувстве общности противостояния превосходящим силам внешнего врага единства в израильском обществе. В августе 1996 г. в израильской прессе впервые был опубликован большой материал о четырех подростках, аргументировавших свое нежелание служить в армии изменившимся социальным климатом в Израиле, где ценности индивидуальной самореализации превалируют над ценностями коллективизма, а приближение мирного урегулирования с палестинцами и арабскими соседями Израиля ставит под сомнение необходимость обязательного призыва в армию¹⁹¹. Немыслимо представить себе, чтобы подобное интервью появилось в израильской прессе в 60–70-е годы, когда уклонение от службы в армии рассматривалось как заведомо невозможное, подлежащее всяческому осуждению как на формальном, так и на неформальном уровне.

В-четвертых, оказалась значительно ослабленной связь между армейской службой и гражданским статусом, что отчетливо проявилось в двух решениях, принятых государственными учреждениями в период правления левоцентристской коалиции И.Рабина – Ш.Переса. До конца первой половины 90-х годов размер ряда государственных пособий, в том числе выплат по линии Ведомства национального страхования и дотаций на аренду жилья, переводимых через Министерство строительства, зависел от службы в армии претендента на соответствующие пособия. В результате этого арабские граждане страны, не призываемые в ЦАХАЛ, на протяжении десятилетий подвергались дискриминации при получении государственных пособий. Желая покончить с данной дискриминацией по национальному признаку, правительство И.Рабина – Ш.Переса заново сформулировало критерии выплаты государственных пособий нуждающимся гражданам страны, во многом ослабив зависимость размеров пособия от факта армейской службы. Вторым важным шагом в этом направлении стало принятое в апреле 1994 г. решение тогдашнего руководителя Управления государственных служащих профессора Ицхака Галь-Нура о том, что кандидаты на работу в государственных учреждениях более не должны сообщать, каков их армейский медицинский профиль. Данное решение, утвержденное Кнессетом в январе 1995 г. в качестве поправки к Закону о равенстве на рабочем месте от 1988 г. как обязательное для всех работодателей (как

в государственном, так и в кооперативном и частном секторах экономики), стало важнейшим шагом на пути устранения дискриминации граждан, освобожденных от армейской службы по каким-либо причинам медицинского характера, а также тех, кто использовал существующие или вымышленные медицинские проблемы как единственную возможность уклониться от воинской службы. И если в 50–80-е годы речь шла о десятках и сотнях подобных уклонистов, то в 1993–1996 гг. счет пошел уже на тысячи.

В-пятых, все больший вес в общественной жизни страны приобрели представители двух ограниченных групп еврейского населения Израиля, которые не рассматривают воинскую службу как ультимативно обязательную, терпимо относясь как к тем, кто служит в армии, так и к тем, кто не призывается в ЦАХАЛ. Во-первых, речь идет о традиционалистски настроенных выходцах из восточных общин, голосующих за партию ШАС (на выборах 1996 г. ШАС поддержали почти 260 тыс. – это 8,5% избирателей, в 1999 г. – более 430 тыс. – 13,0%), которые сами в большинстве своем служили в армии, однако чьи дети, учащиеся в школах сети «Эль ха'мааян ха'хинух ха'Торани», не призываются в ЦАХАЛ.

Во-вторых, речь идет об иммигрировавших в Израиль выходцах из СССР/СНГ, подавляющее большинство которых по достижении восемнадцатилетнего возраста призывается в ряды ЦАХАЛа, однако отличается весьма и весьма толерантным отношением к тем, кто по каким-либо причинам выбирает для себя иной путь¹⁹². Во многом ошибочная политика армейского руководства по отношению к новым иммигрантам, основанная на поголовном призыве при тотальном игнорировании их специфических социально-культурных и ментальных особенностей¹⁹³, также способствовала формированию атмосферы отчуждения многих иммигрантов от вооруженных сил страны. Служба в армии не играет ведущей роли в коллективном самосознании данной общины еще и потому, что многие выходцы из СССР/СНГ прибывают в Израиль уже в «непризывном» возрасте, в результате чего не служат в ЦАХАЛе.

Рост политической консолидации различных секторальных общин привел к значительному увеличению числа их представителей в высших эшелонах власти. В правительстве А.Шарона в состав членов «узкого» кабинета министров по вопросам безопасности вошли и лидеры партий «Израэль

Ба'алия» Натан Щаранский и ШАС Элиягу Ишай, и это несмотря на то, что ни Н. Щаранский, ни Э.Ишай не служили в рядах ЦАХАЛа – ситуация, практически немыслимая в кабинете по вопросам безопасности в 50–70-е годы. Важно отметить, что хотя обе вышеозначенные правоцентристские партии никоим образом не выступают с пацифистских позиций, укрепляя скорее «ястребиный» фланг израильского политического спектра, обретение ими столь весомого статуса в политической жизни страны способствует ее определенной демилитаризации.

В последнее время, однако, политико-психологическая атмосфера в стране изменилась, и изменилась очень существенно. Проводившиеся на протяжении многих лет опросы зафиксировали восприятие израильтянами «мира» лишь как временного затишья между периодами военной эскалации арабо-израильского конфликта. На вопрос о том, «считаете ли Вы вполне вероятной новую арабо-израильскую войну в течение ближайших трех лет?», в 1987 г. положительно ответили от 53 до 58% опрошенных, в 1990 – от 66 до 73%. В 1993–1996 гг. ощущение приближающегося мирного урегулирования снизило процент положительно ответивших на вышеприведенный вопрос до 28–49% (в разное время в разных выборках)¹⁹⁴, однако в последние два года к израильтянам вернулось ощущение «осады», вернулась горькая убежденность в том, что нет никакой возможности решить конфликт с палестинцами путем мирных переговоров. Индикатором перемен в общественных настроениях может считаться индекс популярности стремившегося к достижению мирного соглашения любой ценой лидера Рабочей партии Эхуда Барака: в то время как на выборах 1999 г. его поддержали около 45% всего обладающего избирательным правом населения страны, в 2001 г. таковых было лишь чуть более 22%. Премьер-министром же был избран человек, прежде считавшийся заведомо «неизбираемым» именно в силу своей «ястребиной» военно-политической ориентации – отставной генерал и бывший министр обороны Ариэль Шарон¹⁹⁵. Избиратели оказались готовы забыть даже инициированную им неудачную Ливанскую войну¹⁹⁶, и дело не только в том, что с момента ее окончания минуло уже более пятнадцати лет, а в том, что число жертв «мирного процесса» оказалось едва ли не большим, чем число жертв этой войны. И если за прошедший после его избрания премьером год граждане страны и подвергали А.Шарона критике, то лишь за недостаточную

жесткость в борьбе с террористической инфраструктурой Палестинской администрации. В этих условиях партнерство военной и политической элиты просто обречено на медовый месяц.

При этом следует в полной мере осознавать, что лишь крайне осторожная политика, основанная на взаимном доверии и максимально тесном взаимодействии военных и политиков, может сохранить данное партнерство на протяжении длительного времени. В противном случае Израиль может вновь оказаться в эпицентре острого внутривнутриполитического кризиса, как это было после Войны Судного дня в 1973 г. и после резни, учиненной фалангами ливанских арабов-христиан в лагерях беженцев Сабра и Шатила, расположенных на контролируемой израильской армией территории в сентябре 1982 года. В обоих случаях идиллические отношения между военными и политиками закончились перекладыванием ответственности друг на друга на заседаниях созданных «по горячим следам» комиссий расследования. Представляется, что предотвращение подобного развития событий должно стать одной из главных задач и без того крайне нелегкого правления Ариэля Шарона. Сохранение либерального характера политического устройства для Израиля столь же важно, сколь и обеспечение безопасности страны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Культура и религия ближневосточных арабов во многом определяют их внешнеполитические взгляды в целом и отношение к Государству Израиль, в частности. Очевидна и прямая связь между степенью религиозности и отношением к миру с Израилем. Весьма болезненным остается для верующих мусульман и тот факт, что исламские святыни оказались на еврейской территории. Вопрос контроля над святынями – это вопрос престижа: не случайно в мирном договоре Израиля с Иорданией, заключенном 26 октября 1994 г., проблеме доступа и контроля над местами, представляющими историческую и религиозную ценность, отводилась особая статья. Согласно этому договору, израильское правительство признавало особую роль Хашимитского королевства Иордании в контроле над мусульманскими святынями Иерусалима.

С точки зрения «арабской улицы», еврейское государство является проводником американской политики и американского образа жизни на традиционно консервативном Ближнем Востоке, своеобразным форпостом Западной цивилизации в регионе. Пожалуй, наиболее лояльными к Израилю являются ливанские христиане-марониты и друзы. Хотя, с другой стороны, можно говорить и о том, что симпатии ливанских христиан-маронитов связаны не с их религией, а, скорее, с чувством солидарности. С их точки зрения, израильтяне так же, как и они сами, – это маленький народ, который мужественно противостоит окружающему его агрессивному мусульманскому миру.

Арабо-израильский конфликт накладывается на многовековую историческую память народов Ближнего Востока. До сих пор среди арабов значительное раздражение вызывают турки, ибо они не забыли несколько веков своего унижения под железной пятой Османской империи. Не забыли они и крестовые походы европейцев, с которыми во многих арабских СМИ сравнивается реализация сионистского проекта по созданию еврейского государства в Палестине. Многие из тех, кто теоретически допускает возможность подписания мирного соглаше-

ния с Израилем, видят в нем не действующий документ, позволяющий постепенно наладить добрососедские отношения, а лишь временное перемирие перед новой войной.

Обратимся к результатам представительного опроса, проведенного коллективом Американского университета в Бейруте в Ливане, Сирии и Иордании в октябре-декабре 1994 г., в рамках которого были проинтервьюированы 1205 человек. Среди них 2% считают мирное соглашение с Израилем возможностью «вернуть оккупированные арабские земли», 10% – возможностью «остановить израильскую агрессию», а еще 35% респондентов считают, что подобное соглашение позволит арабскому миру реорганизовать свои силы для нового и окончательного удара по Израилю. Таким образом, 47% опрошенных не рассматривают соглашение с Израилем как свидетельство начала новой эпохи мирного сосуществования. Альтернативой миру 55% респондентов видят атаки террористов-самоубийц в Израиле или пограничные стычки (8%). При этом лишь 14% опрошенных оценивают мир как самодостаточную ценность, а еще 14% полагают, что заключение мира с Израилем приведет к процветанию всего ближневосточного региона. Остальные 25% считают, что у арабов просто нет другого выхода¹⁹⁷. Показательно, что и в конце 1994 г. – т.е. уже после подписания израильско-египетского и израильско-иорданского договоров, а также серии соглашений с палестинцами – почти половина опрошенных жителей Сирии, Иордании и Ливана (при этом относительно произраильски настроенные христиане-марониты составляли более 15% выборки!) не рассматривала мирное соглашение как шаг на пути к установлению прочной системы добрососедских отношений между странами.

Несколько раньше, в середине 1988 г., подобный опрос был проведен среди жителей Кувейта (как коренных кувейтцев, так и живущих в стране палестинцев) и Египта (всего было опрошено 802 человека). В то время как в Египте категорическое несогласие с мирным соглашением с Израилем, подписанным президентом А.Садатом за десять лет до этого, высказали менее 14% опрошенных, то среди кувейтцев таковых было 44%, а среди работавших в Кувейте палестинцев – более 56%¹⁹⁸. Стоит отметить, что со времени операции «Буря в пустыне» отношение граждан Кувейта к Израилю изменилось. Если до войны в Заливе Кувейт выступал как один из самых непримиримых противников Израиля, то теперь в этом государ-

стве уже всерьез говорят о возможности нормализации двусторонних отношений, и это вызывает значительный протест среди кувейтской интеллигенции. В апреле 2000 г., т.е. еще до начала второй волны интифады, триста представителей свободных профессий из Кувейта, ОАЭ и Бахрейна основали ассоциацию, основной целью которой является противодействие нормализации отношений с Израилем¹⁹⁹. При этом и уровень поддержки кувейтцами палестинцев, активно приветствовавших режим Саддама Хусейна (Я.Арафат в знак солидарности посетил Багдад за считанные дни до начала операции «Буря в пустыне»), упал почти до нуля.

В арабском, да и не только арабском мире распространено мнение, что Израиль в своей внешней политике руководствуется преимущественно позицией силы. Безусловно, на данный момент Израиль обладает самой боеспособной армией на Ближнем Востоке, а израильские ВВС считаются одними из лучших в мире. Однако это совсем не говорит о его непобедимости: история арабо-израильского конфликта показала, что Израиль может выиграть только блицкриг. Продолжавшиеся около недели Синайская (1956 г.) и Шестидневная (1967 г.) войны закончились безоговорочной победой Израиля, однако затяжные противостояния, как, например, израильско-египетская Война на истощение (1967–1970) или война в Ливане (1982–1985) не относятся к наиболее славным страницам истории страны.

Проблема состоит в том, что Израиль до сих пор воспринимается значительной частью арабского населения как агрессор, а подписание мирного договора с ним – лишь как отсрочка будущей войны. В этом контексте особо выделяются палестинцы, новое поколение которых (выросшее после подписанных десять лет назад соглашений в Осло!) ненавидит израильтян еще сильнее, чем их отцы и деды²⁰⁰. Арабы требуют от Израиля пойти на значительные территориальные уступки, но в то же время рассматривают любой компромисс, предложенный израильтянами, как признак слабости. Хорошим тому примером стал вывод израильских войск с территории Ливана. Как отмечал обозреватель газеты «Аль-Ахрам» в июне 2000 г., «модель поведения, которую продемонстрировала ливанская «Хизбалла», заставив израильские войска покинуть страну без каких-либо переговоров или условий, уже заставила многих арабских политологов, а вслед за ними и простых арабов по-

ставить под сомнение целесообразность той политики, которой придерживаются арабские страны после Мадридской мирной конференции 1991 года»²⁰¹. То, что из всех государств Ближнего Востока лишь Израиль обладает ядерным оружием, вызывает особое возмущение в арабских странах. Как заявил в 1999 г. тогдашний министр иностранных дел Египта Амр Муса, «Ближний Восток может вытерпеть два ядерных государства, но никак не одно. У нас не может быть только одного государства с атомной бомбой. Это неприкрытая претензия на господство в регионе»²⁰².

Парадоксальным образом развитие экономических связей между Израилем и арабскими странами куда больше способствовало дальнейшему отторжению, чем сближению между ними. Арабский бойкот израильских товаров был отменен, и если раньше они могли быть импортированы в арабскую страну только под «чужим флагом», то теперь во многих арабских государствах можно встретить и товары с клеймом «Made in Israel». Это, однако, совсем не означает, что экономические отношения между Израилем и арабами представляются обеим сторонам *взаимовыгодными*.

Среди арабов распространено мнение, что единственная цель, которую перед собой ставит Израиль, – это контроль над полезными ископаемыми арабских стран и экономическая гегемония во всем регионе. Несмотря на то, что арабские государства контролируют самые крупные месторождения нефти в мире, практически ни одно из них не смогло создать эффективно функционирующую хозяйственную систему. Ливанский журналист Набиль Ххури пишет: «Наш конфликт с Израилем переходит на новый уровень. Исход этого противостояния определит судьбу арабов в следующем веке. Новая война будет вестись на экономическом, финансовом, индустриальном, коммерческом и культурном фронтах. Несмотря на то, что она еще не началась, мы уже знаем, что это будет неравное противостояние. Мы не смогли выиграть ни одной военной конфронтации с Израилем, а теперь, видимо, проиграем и экономическую»²⁰³. В то время как Израиль может предложить арабам высокие технологии, арабы могут предложить Израилю только дешевую рабочую силу и полезные ископаемые. Нормальное же сотрудничество возможно лишь при равноправии партнеров: в ситуации, когда положение одной из сторон заведомо лучше, чем у другой, выгодное и продуктивное сотрудничество является маловероятным. На-

глядной иллюстрацией этого тезиса является следующий факт: только 12% опрошенных в 1994 г. ливанцев и иорданцев сочли, что от экономического сотрудничества одинаково выиграют обе стороны, в то время как 81% опрошенных ливанцев и 75% иорданцев выразили уверенность, что выгоду получит преимущественно Израиль²⁰⁴.

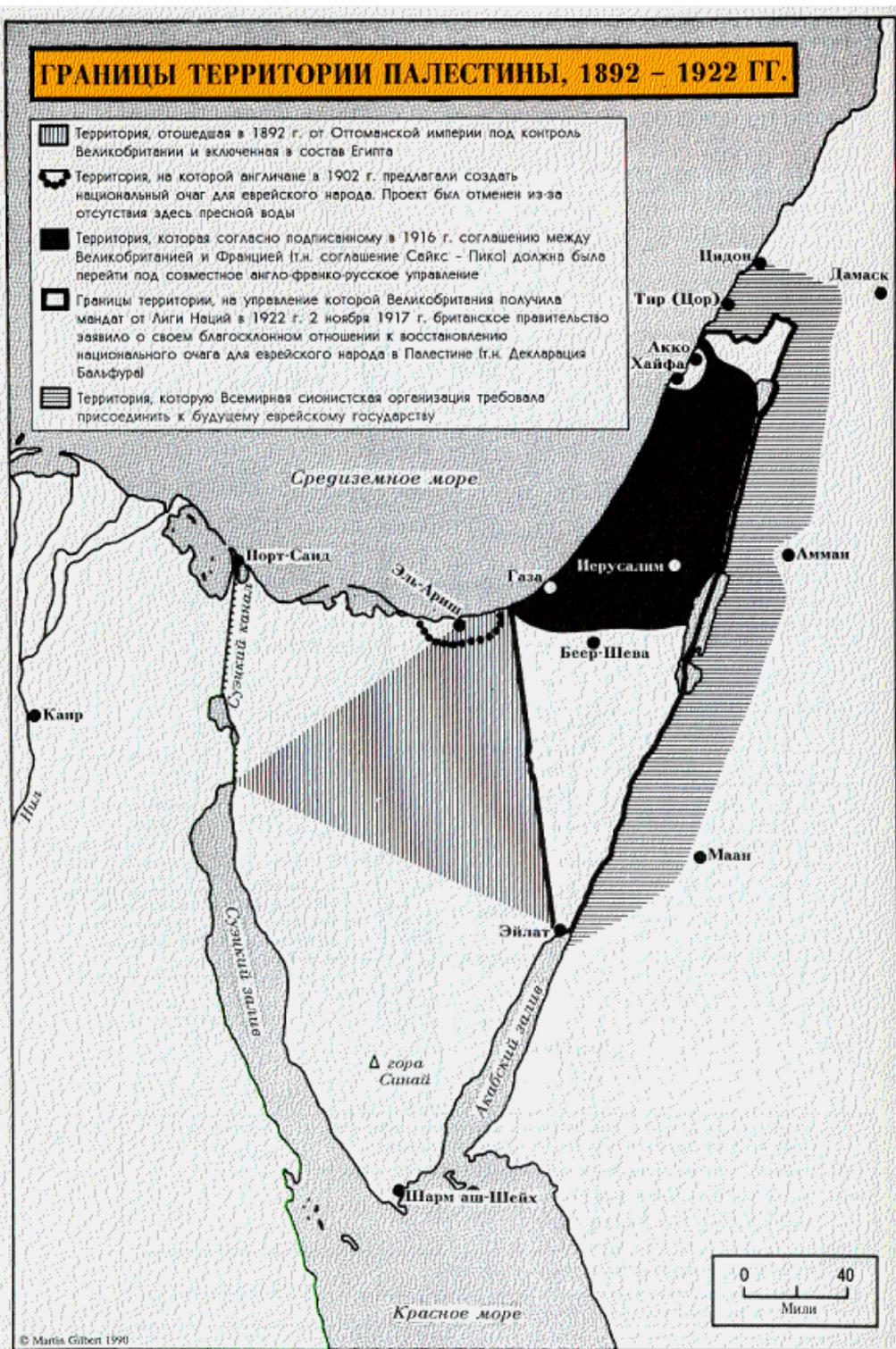
Конец первой половины 90-х годов ознаменовался значительным продвижением процесса арабо-израильского мирного урегулирования: в 1991 г. прошла международная конференция по вопросам арабо-израильского урегулирования в Мадриде, начиная с 1993 г. в Осло, Вашингтоне, Шарм-аль-Шейхе и Уай-Плантейшн был подписан целый ряд промежуточных соглашений с палестинцами, в 1994 г. был заключен мирный договор между Израилем и Иорданией, восемь арабских стран открыли в Израиле свои представительства. Парадоксальным образом продвижение процесса мирного урегулирования между Израилем и арабскими странами и палестинцами привело к обострению внутривнутриполитической ситуации в самом Израиле. Дело было не только – и не столько – в массовых демонстрациях протеста против территориальных уступок правительства И.Рабина – Ш.Переса, которые едва ли не большинство израильтян считало чрезмерными (хотя и эти выступления внесли важный вклад в углубление раскола в израильском обществе), сколько именно в желании слишком многих социальных групп приступить к решению накопившихся в стране проблем, связанных с социально-этническим неравенством в ряде сфер общественной жизни, которые в прежние годы не были предметом пристального обсуждения, ибо едва ли не все внимание общества было занято проблемами, связанными с арабо-израильским конфликтом.

На протяжении последних лет значительные усилия мировой дипломатии были приложены для достижения официальных мирных соглашений между участниками ближневосточного конфликта. Опыт показывает, что налаживание системы добрососедских отношений после заключения договоров является делом, не менее важным и не менее легким, чем путь к их подписанию. Мирные переговоры не всегда заканчиваются успехом, а даже если и заканчиваются, официальные договоры сами по себе не создают новой реальности. Путь к миру и после многочисленных праздничных церемоний может оказаться очень и очень долгим. Несколько лет назад, описывая динамику

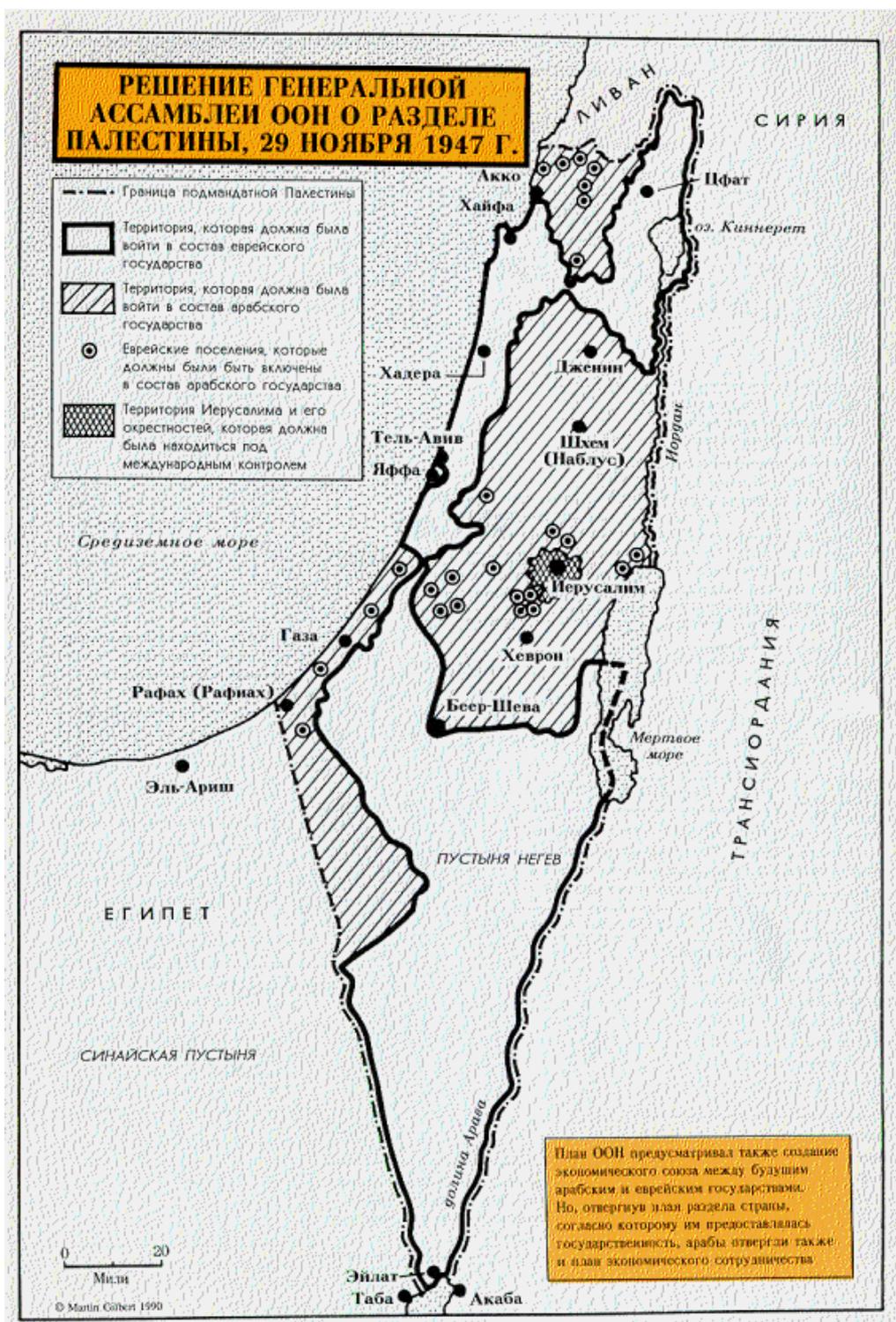
ку иордано-израильских отношений в 90-е годы, Мустафа Навайсех заключал: «Предстоит преодолеть еще длинную дистанцию, которая отделяет нынешние события от действительно прочного мира, который может служить общим интересам региона и содействовать его развитию и уверенному продвижению в будущее»²⁰⁵. Этот вывод полностью сохраняет свою актуальность и в настоящее время; пожалуй, дистанция, которую «предстоит преодолеть», кажется сегодня еще более длинной и трудной, чем это представлялось еще несколько лет назад.

ГРАНИЦЫ ТЕРРИТОРИИ ПАЛЕСТИНЫ, 1892 – 1922 ГГ.

- Территория, отошедшая в 1892 г. от Османской империи под контроль Великобритании и включенная в состав Египта
- Территория, на которой англичане в 1902 г. предлагали создать национальный очаг для еврейского народа. Проект был отменен из-за отсутствия здесь пресной воды
- Территория, которая согласно подписанному в 1916 г. соглашению между Великобританией и Францией (т.н. соглашение Сейкс - Пико) должна была перейти под совместное англо-франко-русское управление
- Границы территории, на управление которой Великобритания получила мандат от Лиги Наций в 1922 г. 2 ноября 1917 г. британское правительство заявило о своем благосклонном отношении к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине (т.н. Декларация Бальфура)
- Территория, которую Всемирная сионистская организация требовала присоединить к будущему еврейскому государству

© Maria Gibert 1990

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОЧАГ: ОБЕЩАНИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, 1917–1923 ГГ.

□ Границы территории, на которую Великобританиям был обещан мандат на конференции 1920 г. в Сан-Ремо и на которой ей предстояло способствовать строительству национального очага еврейского народа

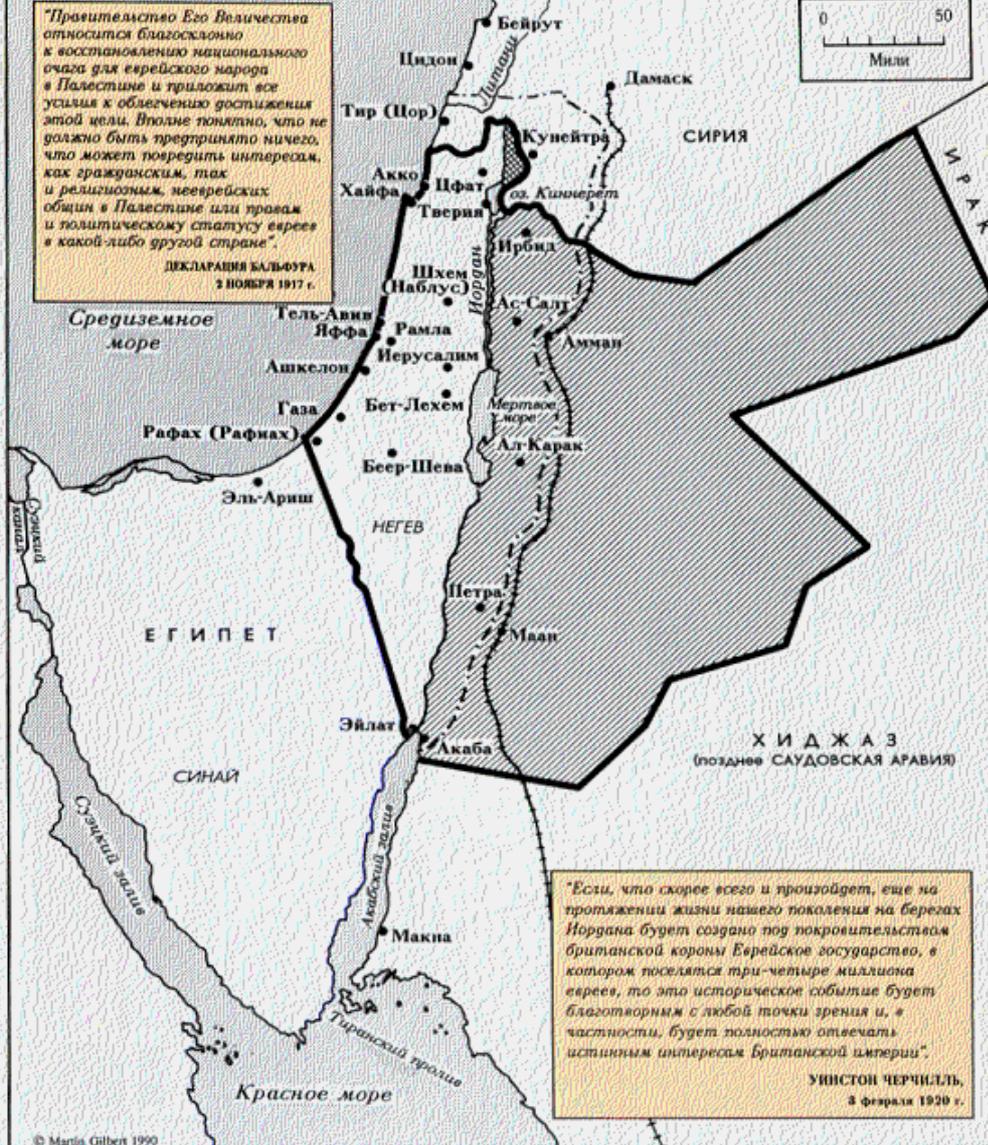
--- Примерная граница территории, которую Всемирная Сионистская организация требовала отвести под еврейское государство

▨ Территория, отделенная в 1921 г. англичанами от подмандатной Палестины и отданная эмиру Абдалле. На этой территории, получившей название Трансиордании, евреям было запрещено селиться

▣ Территория, отданная в 1923 г. англичанами французам и включенная теми в состав Сирии

"Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели. Вполне понятно, что не должно быть предпринято ничего, что может повредить интересам, как гражданским, так и религиозным, нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране".

ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА
2 НОЯБРЯ 1917 г.

"Если, что скорее всего и произойдет, еще на протяжении жизни нашего поколения на берегах Иордана будет создано под покровительством британской короны Еврейское государство, в котором поселится три-четыре миллиона евреев, то это историческое событие будет благоприятным с любой точки зрения и, в частности, будет полностью отвечать истинным интересам Британской империи".

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ,
3 февраля 1920 г.

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ, 1948–1985 ГГ.

Территория, занятая Израилем с 1982 по 1985 гг. Служила базой для Организации освобождения Палестины. Отсюда террористы совершали нападения на гражданские объекты в северной части Израиля

Территория, занятая Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г. (до войны была оккупирована Египтом)

Территория, с которой до 1967 г. сирийцы обстреливали северные районы Израиля и которая была занята Израилем в ходе Шестидневной войны. Кунейтра была передана Израилем Сирии в 1974 г. 14 декабря 1981 г. израильский парламент (Кнессет) принял закон о распространении израильской юрисдикции на Голанские высоты

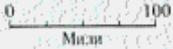
Территория, занятая Израилем в ходе Шестидневной войны 1967 г. (до войны была оккупирована Иорданией)

Границы Израиля согласно резолюции ООН о разделе Палестины от 29 ноября 1947 г. (арабы отвергли это решение)
 — Линия прекращения огня 1949 г. (фактическая граница Израиля в 1949 – 1967 гг.)

Территория, занятая Израилем в ходе войны с Египтом в 1956 г. и во второй раз занята в ходе Шестидневной войны в 1967 г. Израиль дважды отступал с этой территории – в 1957 г. и в 1982 г., после подписания Кемп-Дэвидских соглашений 1978 г.

Государство Израиль было создано в мае 1948 г. Оно подвергалось нападениям соседних арабских государств в 1948, 1967 и 1973 гг., в 1956 г. произошла война Израиля с Египтом. В 1978 г. президент Египта А. Садат стал первым лидером арабского государства, подписавшим мирный договор с Израилем. До сих пор ни один арабский руководитель не последовал его примеру

НАСЕЛЕНИЕ В 1984 г.	
ЕГИПЕТ	47 млн.
СИРИЯ	10 млн.
ИЗРАИЛЬ	4 млн. (в т.ч. 3,5 млн. евреев)
ИОРДАНИЯ	2,5 млн.
ЛИВАН	2,5 млн.

© Martin Gilbert 1990

Примечания

¹ *Даути А.* Создание государства и формирование нации. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001. – С. 19.

² *Хобсбаум Э.* Век империи. – Ростов на-Дону: Феникс, 1998. – С. 212.

³ *Нордау М.* О сионизме [1902]. Цит. по изданию: *Авинери Шломо.* Основные направления в еврейской политической мысли. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1983. – С. 156.

⁴ *Бейн А.* Теодор Герцль – биография. – Иерусалим: Сионистская библиотека, 1977. – С. 416 [на иврите].

⁵ *Виталь Д.* Сионистская революция. – Иерусалим: Сионистская библиотека, 1978. – Т. 1. – С. 199 [на иврите].

⁶ Об этом недвусмысленно писал в своей телеграмме от 12 февраля 1948 года член делегации Еврейского агентства при ООН Г. Руффер руководителю политического отдела представляемой им организации (впоследствии – первому министру иностранных дел и второму главе правительства Израиля) М. Шарету. По его словам, американское военное вмешательство в ближневосточный конфликт «немедленно позволило бы русским вторгнуться в Северный Иран под предлогом защиты своих интересов». Еще раньше, 2 ноября 1947 года, директор отдела по делам взаимоотношений с ООН Государственного департамента США Д. Раск предостерегал советника представительства Еврейского агентства в Нью-Йорке Л. Гелбера от «любого проявления привязки к России». См.: Советско-израильские отношения. Сборник документов. – М.: Международные отношения, 2000. – Т. 1. Кн. 1. – С. 262, 286–287.

⁷ *О'Брайен К.* Осада. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. – Кн. 2. – С. 22.

⁸ *Хамзин К.З.* Пять лет мира: иордано-израильские отношения в 1994–1999 гг. // Ближний Восток и современность. – 2000. – № 9. – С. 250.

⁹ *Сатановский Е.Я.* Россия и ближневосточный мирный процесс // Россия на Ближнем Востоке: Цели, задачи, возможности. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – С. 206.

¹⁰ Там же.

¹¹ Данный тезис был впервые высказан иерусалимским социологом Барухом Киммерлингом в середине 1970-х годов; см.: *Kimmerling B.* Anomie and Integration in Israeli Society and the Salience of the Arab Israeli Conflict // *Studies in Comparative International Development.* – 1974. – № 9 (3). – С. 64–89. С тех пор он неоднократно повторялся в последующих публикациях этого автора.

¹² О различиях подходов между ними см.: *Карасова Т.А.* Ближневосточное урегулирование и израильское общество // *Ближний Восток и современность.* – 1999. – № 7. – С. 59–77.

¹³ См.: *Нойберггер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1997. – С. 6.

¹⁴ О переговорах Хаима Вейцмана с эмиром Фейсалом см.: *Вейцман Х.* В поисках пути. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1983. – С. 243–254; полный текст соглашения между ними в переводе на русский язык см. в книге: *Кац Ш.* Земля раздора. Действительность и фантазии в Эрец-Исраэль. – Тель-Авив: Карни, 1992. – С. 317–319.

¹⁵ Об этих и других контактах и переговорах между еврейскими и арабскими лидерами см.: *Сассон М.* Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе // *Общество и политика современного Израиля.* – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2002. – С. 239–252.

¹⁶ Цитируется по изданию: *Эттингер Ш.* Очерк истории еврейского народа. – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2001 [1972]. – С. 521.

¹⁷ «Меморандум Сионистской организации Парижской мирной конференции» от 3 февраля 1919 года см.: *Кац Ш.* Земля раздора... – С. 319–321.

¹⁸ Цитируется в переводе на русский язык по книге: *Вейцман Х.* В поисках пути... – С. 249.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. об этом: *Шалом З.* Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001. – С. 12–14.

²¹ Справка Ближневосточного отдела МИД СССР «Положение в Палестине после решения ООН о разделе страны» от 13 апреля 1948 года. См.: *Советско-израильские отношения...* – Т. 1. Кн. 1. – С. 292–299.

²² См.: *Советско-израильские отношения...* – Т. 1. Кн. 1. – С. 289–290.

²³ *Меир Г.* Моя жизнь. Автобиография. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. – Кн. 1. – С. 240–241.

²⁴ Там же, с. 247.

²⁵ 5 ноября 1947 года временный поверенный в делах СССР в Ираке А.Ф. Султанов писал в Ближневосточный отдел МИД СССР, что «арабы считают, что если они не помешают созданию еврейского государства сейчас, то потом будет поздно»; см.: *Советско-израильские отношения...* – Т. 1. Кн. 1. – С. 264.

²⁶ Фрагмент Декларации Независимости Израиля. Полный текст Декларации см. в Краткой Еврейской Энциклопедии. Т. 2. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982. – Кол. 299–302. Об отношении Бен-Гуриона к арабской проблеме см. его книгу: *Ben-Gurion D. My Talks with Arab Leaders.* – Jerusalem: Keter, 1972.

²⁷ История Войны за независимость излагается в настоящем издании по следующим источникам: статья «Война за независимость» // Краткая Еврейская Энциклопедия. – Т. 1. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1976. – Кол. 705–717; *Герцог Х.* Арабо-израильские войны. – Лондон: Нина Карсов, 1986. – С. 23–166; *Сакер Г.* История Израиля. От Войны за независимость до Шестидневной войны. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1994. – Кн. 2. – С. 302–370.

²⁸ Подробнее о подготовке и подписании Родосских соглашений о прекращении огня см.: *Шалом З.* Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля... – С. 29–37.

²⁹ Полный текст подписанного в 1949 году соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом в переводе на русский язык см.: Государство Израиль: политика и общество в документах. – Иерусалим: Еврейский университет, 1992. – С. 25–32; цитируемый фрагмент воспроизведен на с. 27.

³⁰ См.: *Гаркави И.* Соглашения о прекращении огня – взгляд назад // «Маарахот» [«Битвы»]. – 1984. – № 294. – С. 2–5 [на иврите].

³¹ См. об этой операции: *Шалом З.* Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля... – С. 68–70.

³² Данный документ приводится в книге: *Мильштейн У.* История воздушно-десантных войск от Войны за независимость до Ливанской войны. – Тель-Авив, 1985. – С. 288 [на иврите].

³³ *Шарет М.* Личный дневник. – Тель-Авив: Маарив, 1978. – С. 800 [на иврите].

³⁴ См.: *Гур М.* Операция в Газе – лидерство, товарищество, воинская дисциплина // Маарахот. – 1966. – № 173. – С. 3–6 [на иврите].

³⁵ *Шарет М.* Личный дневник... – С. 923.

³⁶ Из выступления Моше Шарета на заседании политической комиссии Рабочей партии 16 октября 1956 года.

³⁷ Фрагмент политического доклада Давида Бен-Гуриона «Синайская кампания и ее итоги», представленного Кнессету 5 марта 1957 года; цитируется по тексту, опубликованному в хрестоматии «Государство Израиль: политика и общество в документах». Представляется показательным, что в этом, как и во многих других случаях, трактовка арабских лидеров значительно отличается от трак-

товки израильтян. По словам Хаима Герцога, «египтяне, со своей стороны, утверждали, что не Израиль победил их, а они были вынуждены отступить под угрозой [начавшегося в первых числах ноября 1956 года] англо-французского вторжения. Стойкость Насера в борьбе с англо-французским вмешательством повысила его политический престиж. По мнению Насера, в этом аспекте война для Египта завершилась успешно».

³⁸ Политический доклад Д.Бен-Гуриона в Кнессете 5 марта 1957 года.

³⁹ В Израиле на протяжении многих лет велись дискуссии о целесообразности и оправданности «операций возмездия». См.: *Шалом* 3. Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля... – С. 59–88.

⁴⁰ *Сакер Г.М.* История Израиля... – Кн. 3. – С. 289.

⁴¹ Цитируется там же, с. 290.

⁴² *Черчилль Р. и Черчилль У.* Шестидневная война. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. – С. 178.

⁴³ Там же, с. 209.

⁴⁴ *Сакер Г.М.* История Израиля. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1994. – Кн. 3. – С. 324.

⁴⁵ Полный текст закона см.: *Israel's Foreign Relations. 1947–1974.* – Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1976. – С. 247.

⁴⁶ См. подробности об этих контактах: *Беркович Ш.* Юридический статус святых мест. – Иерусалим: Еврейский университет, 1978. – С. 204–208 [на иврите].

⁴⁷ *Эттингер Ш.* Очерк истории еврейского народа. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. – Кн. 2. – С. 791.

⁴⁸ *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция... – С. 68.

⁴⁹ Там же, с. 97–98.

⁵⁰ *Morris B.* Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–1999. – New-York: Alfred Knopf, 1999. – С. 329, 336.

⁵¹ *Fein L. J.* Politics in Israel. – Boston: Little and Brown, 1967. – С. 209.

⁵² *Черчилль Р. и Черчилль У.* Шестидневная война... – С. 220.

⁵³ См. там же.

⁵⁴ *Сакер Г.М.* История Израиля... – Кн. 3. – С. 332.

⁵⁵ Цитируется там же.

⁵⁶ *Сассон М.* Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе... – С. 248.

⁵⁷ Там же, с. 249.

- ⁵⁸ *Сакер Г.М.* История Израиля... – Кн. 3. – С. 336.
- ⁵⁹ *Кельнер В.* Теневое правительство // Новости недели – Семь дней (Израиль). – 27 июня 2002. – С. 1–3.
- ⁶⁰ *Oren M.B.* Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – С. 134.
- ⁶¹ *Morris B.* Righteous Victims... – С. 327.
- ⁶² Там же, с. 689.
- ⁶³ *Oren M.B.* Six Days of War... – С. 312.
- ⁶⁴ См.: *el-Gamasy M.A.G.* The October War. – Cairo: American University, 1993. – С. 23.
- ⁶⁵ См.: *Shlaim A.* The Iron Wall. Israel and the Arab World. – New-York: W.W. Norton and Company, 2000. – С. 225.
- ⁶⁶ *О'Брайен К.* Осада... – Кн. 1. – С. 124.
- ⁶⁷ Подробнее об этом плане см.: *Халамиш А.* Иерусалим в период британского мандата. – Тель-Авив: Открытый университет Израйля, 1998. – С. 158–160.
- ⁶⁸ Цитируется там же, с. 167.
- ⁶⁹ См. подробнее: *Morris B.* Righteous Victims... – С. 303.
- ⁷⁰ *Oren M.B.* Six Days of War... – С. 311.
- ⁷¹ Цитируется в: *Сакер Г.М.* История Израиля... – Кн. 3. – С. 304.
- ⁷² *Черчилль Р.* и *Черчилль У.* Шестидневная война... – С. 211.
- ⁷³ Цитируется там же, с. 55.
- ⁷⁴ Цитируется там же, с. 229.
- ⁷⁵ *Сакер Г.М.* История Израиля... – Кн. 3. – С. 320.
- ⁷⁶ Цитируется там же, с. 321.
- ⁷⁷ См. об этом: *Герцог Х.* Арабо-израильские войны... – С. 45.
- ⁷⁸ *Safran N.* Israel: The Embattled Ally. – Cambridge: Harvard University Press, 1981. – С. 23.
- ⁷⁹ Цитируется в книге: *О'Брайен К.* Осада... – Кн. 2. – С. 32.
- ⁸⁰ Там же, с. 30.
- ⁸¹ *Герцог Х.* Арабо-израильские войны... – С. 164.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ См. там же, с. 134.
- ⁸⁴ Там же, с. 141–142.
- ⁸⁵ См.: *Меур Г.* Моя жизнь. – Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. – Кн. 2. – С. 490–492.
- ⁸⁶ См. статью «Государство Израиль» // Краткая Еврейская Энциклопедия. – Т. 3. – Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1986. – С. 366.

⁸⁷ *Рубинштейн А.* От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма. – Минск: издательство МЕТ, 2000. – С. 147.

⁸⁸ *Гилад Д.* Экономика и политика. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998. – С. 65–76 и с. 102.

⁸⁹ Цитируется по изданию: *Краткая Еврейская Энциклопедия.* – Т. 3. – С. 470.

⁹⁰ См.: *Stevenson W.* 90 minutes at Entebbe. – New-York, 1976.

⁹¹ См.: *Достровский И.* Создание комиссии по атомной энергетике // Давид Бен-Гурион и развитие науки в Израиле. – Иерусалим: Национальная академия наук, 1989. – С. 44–49 [на иврите].

⁹² См.: *Cohen A.* Israel and the Bomb. – New-York: Columbia University Press, 1998. – С. 137–138.

⁹³ Об этих проблемах и о деятельности Л.Эшколя на посту министра обороны см.: *Perlmutter A.* Military and Politics in Israel. Nation-Building and Role Expansion. – New-York: Praeger, 1969. – С. 102–109.

⁹⁴ Подробности этой операции описаны в наиболее полной форме в книге: *Накдимон Ш.* История бомбардировки иракского реактора. – Тель-Авив: Эйданим, 1993 [на иврите].

⁹⁵ См.: *Ben-Meir Y.* Civil-Military Relations in Israel. – New-York: Columbia University Press, 1995. – С. 143–144.

⁹⁶ Цитируется по изданию: *Краткая Еврейская Энциклопедия.* – Т. 3. – С. 823.

⁹⁷ Цитируется по: *Сассон М.* Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе. – С. 246.

⁹⁸ *Гали Б.* Путь Египта в Иерусалим. Рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке. – М.: Институт Африки РАН, 1999. – С. 350.

⁹⁹ См.: *Ростов Ю.* Что кроется за арабо-израильским конфликтом // Борьба за наши права. – Тель-Авив, 1992. – С. 216.

¹⁰⁰ Следующая часть работы, посвященная иордано-израильским переговорам до заключения двухстороннего мирного договора, базируется на статье: *Навайсех М.* Процесс мирного урегулирования иордано-израильского конфликта // Ближний Восток и современность. – 1998. – № 5. – С. 179–189.

¹⁰¹ *The Middle East Place Process.* – Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1999. – С. 2.

¹⁰² *Поляков К.И., Хасянов А.Ж.* Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – С. 5.

¹⁰³ Там же, с. 6–9.

¹⁰⁴ Там же, с. 23.

¹⁰⁵ Там же, с. 13.

¹⁰⁶ Там же, с. 24–25.

¹⁰⁷ См.: *Перес Ш.* Новый Ближний Восток. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 30.

¹⁰⁸ Следующая часть работы, посвященная двухсторонним отношениям после заключения мирного договора, базируется на статье: *Хамзин К.З.* Пять лет мира: иордано-израильские отношения в 1994–1999 гг. // *Ближний Восток и современность.* – 2000. – № 9. – С. 250–277.

¹⁰⁹ *Хамзин К.З.* Пять лет мира... – С. 262.

¹¹⁰ Цитируется по: *Усова Е.* Арабо-израильские отношения в системе международных отношений XXI века // *Общество и политика современного Израиля.* – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002. – С. 256–257.

¹¹¹ *Jordan Times.* – 19 May 1999.

¹¹² О политической позиции израильских интеллектуалов см.: *Эпштейн А.* Марш одиноких. Иерусалимская профессура в годы триумфа политического сионизма // *Вестник еврейского университета.* – 1999. – № 20. – С. 156–180; сравнение позиций арабских и израильских интеллектуалов см.: *Эпштейн Р.* Лавка иллюзий на перекрестке культур // *Вести – Окна (Израиль).* – 6 ноября 1997. – С. 8–9; 13 ноября 1997. – С. 6–8.

¹¹³ *Khashan H.* Partner or Pariah? Attitudes toward Israel in Syria, Lebanon, and Jordan. – Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 1996. – С. 26.

¹¹⁴ См. там же, с. 30.

¹¹⁵ *Wolfsfeld G., Khouri R. and Peri Y.* News about the Other in Jordan and Israel: Does Peace Make a Difference? // *Political Communication.* – 2002. – № 19. – С. 199–200.

¹¹⁶ *Saad R.* The Last War? // *Al-Ahram Weekly.* – 14 October 1998.

¹¹⁷ См.: *Хамзин К.З.* Пять лет мира... – С. 250–277.

¹¹⁸ Представленный в настоящей статье анализ был выполнен в период работы на кафедре журналистики в Еврейском университете в Иерусалиме.

¹¹⁹ *Поляков К.И., и Хасянов А.Ж.* Палестинская национальная автономия... – С. 41.

¹²⁰ См. текст Палестинской хартии в книге: *Нетаниягу Б.* Место под солнцем. – Иерусалим: ассоциация «Алия за Эрец Исраэль», 1996. – С. 616–623.

¹²¹ День, когда умер мир. Беседа корреспондента газеты «Ха'арец» Ари Шавита с Шломо Бен-Ами // Время искать (Израиль). – 2001. – № 5.

¹²² Там же.

¹²³ Подробности о переговорах в Табе см.: *Чистяков А.Ф.* Палестино-израильский конфликт: от переговоров к конфронтации // Ближний Восток и современность. – 2001. – № 12. – С. 260–290.

¹²⁴ См.: *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция... – С. 92.

¹²⁵ *Smoha S.* The Advances and Limits of the Israelization of Israel's Palestinian Citizens // *Israeli and Palestinian Identities in History and Literature.* – New-York: St. Martin's Press, 1999. – С. 13.

¹²⁶ *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция... – С. 71.

¹²⁷ Цитируется там же, с. 56.

¹²⁸ Цитируется по книге: *О'Брайен К.* Осада... – Кн. 1. – С. 173.

¹²⁹ См.: *Hofnung M.* Democracy, Law and National Security in Israel. – Aldershot: Dartmouth, 1996. – С. 90.

¹³⁰ *Нойбергер Б.* Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция... – С. 13–14.

¹³¹ *Даути А.* Создание государства и формирование нации... – С. 107.

¹³² Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 2. – С. 299–302.

¹³³ См.: *Hofnung M.* Democracy, Law and National Security in Israel... – С. 91.

¹³⁴ *Kimmerling B. and Migdal J.S.* Palestinians: the Making of a People. – Cambridge: Harvard University Press, 1993. – С. 167.

¹³⁵ Там же, с. 169–170.

¹³⁶ Подробные данные и их анализ см.: *Герман Т.* Выборы и поведение избирателей. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2000. – С. 199–200.

¹³⁷ *Ганем А., Осецки-Лазар С.* Израиль как этническая демократия: анализ голосования арабов на выборах в Кнессет 15-го созыва // Выборы в Израиле – 1999. – Иерусалим: Израильский институт демократии, 2001. – С. 190 [на иврите].

¹³⁸ Там же, с. 191.

¹³⁹ *Кофман И. и Исраэли Р.* Голосование арабов в Израиле на выборах 1996 года // Выборы в Израиле – 1996. – Иерусалим: Израильский институт демократии, 1999. – С. 134 [на иврите].

¹⁴⁰ Schiff Z. and Ya'ari E. Intifada. The Palestinian Uprising – Israel's Third Front. – New-York: Simon and Schuster, 1989. – С. 173.

¹⁴¹ Там же, с. 174.

¹⁴² Там же, с. 170.

¹⁴³ Kimmerling B. and Migdal J.S. Palestinians: the Making of a People. – С. 182.

¹⁴⁴ Детальное обсуждение данной проблемы см.: Фридгут Т. Поколения и политика: некоторые изменения в мировоззрении и в политических предпочтениях в современном Израиле // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 36–71.

¹⁴⁵ См. статью: Epstein A. and Kheimets N. Immigrant Intelligentsia and Its Second Generation: Cultural Segregation as a Road to Social Integration? // Journal of International Migration and Integration (Canada). – 2000. – № 1 (4). – С. 461–476.

¹⁴⁶ О проблеме палестинских беженцев в общем контексте арабо-израильского конфликта см.: Morris B. The Birth of the Palestinian Refugee Problem, 1947–1949. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

¹⁴⁷ См.: Меир Г. Моя жизнь. Автобиография... – Кн. 2. – С. 311.

¹⁴⁸ См.: Перес Ш. Новый Ближний Восток... – С. 239.

¹⁴⁹ State of Israel, Central Bureau of Statistics. – Israel in Figures, 1998. – С. 8.

¹⁵⁰ См.: Перес Ш. Новый Ближний Восток... – С. 219.

¹⁵¹ Эль-Хадж М. Идентичность и ориентация израильских арабов: ситуация двойной периферии // Еврейско-арабский конфликт в Израиле. – Иерусалим: Израильский институт демократии, 2000. – С. 13–33 [на иврите].

¹⁵² Гилат А. Израильские арабы создают свою автономию // Маарив. – 10 февраля 2002 [на иврите].

¹⁵³ См. там же.

¹⁵⁴ Нур О. Хоть и стеклянная, но стена // иностранец. – 13 июня 2001.

¹⁵⁵ Ха'арец. – 4 мая 2001 [на иврите].

¹⁵⁶ См. сайт: <http://www.religio.ru> // События // 8 июня 2001 г. Израильские арабы сотрудничали с палестинской организацией «Хизбалла».

¹⁵⁷ Пособником палестинских террористов оказался израильский араб // MIGnews. – 14 января 2002.

¹⁵⁸ См.: *Raxat M.* Знак равноправия. Израильские арабы решили отблагодарить евреев мирным террором // MIGnews. – 29 августа 2002.

¹⁵⁹ Раздел статьи, посвященный статусу арабского языка в Израиле, основывается на: *Хеймец Н., Копелиович Ш., Эшштейн А.* Языковая политика и дилеммы идентичности в Израиле // Общество и политика современного Израиля. – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002. – С. 50–69.

¹⁶⁰ См.: *Spolsky B. and Shohamy E.* National Profiles of Languages in Education. Israel – Language Policy. – Research Report. – Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 1996.

¹⁶¹ См.: *Kraemer R. and Olshtain E.* The Social Context of Second Language Learning in Israeli Schools // Israel Social Science Research. – 1994. – № 9 (1–2). – С. 161–180.

¹⁶² См.: *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. – Oxford: Clarendon / Oxford University Press, 1994. – С. 117.

¹⁶³ См.: *Ben-Rafael E. and Brosh C.* A Sociological Study of Second Language Diffusion: The Obstacles to Arabic Teaching in the Israeli School // Language Problems and Language Planning. – 1991. – № 15 (1). – С. 1–23.

¹⁶⁴ См.: *Ben-Rafael E.* A Sociological Paradigm of Bilingualism: English, French, Yiddish and Arabic in Israel // Israel Social Science Research. – 1994. – № 9 (1–2). – С. 181–206.

¹⁶⁵ *Бен-Рафаэль Э.* Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля. – Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002. – С. 39.

¹⁶⁶ Там же, с. 40.

¹⁶⁷ *Smooha S. and Ghanem A.* Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel. – Research report. – University of Haifa, 1998. – С. 5, 6 and 8.

¹⁶⁸ Там же, с. 10.

¹⁶⁹ См.: *Ram U.* The Changing Agenda of Israeli Sociology. Theory, Ideology and Identity. – Albany: State University of New-York Press, 1995; *Эшштейн А.* Основные направления и новые тенденции в развитии израилеведческих исследований в 80-е–90-е годы // Восток. – 2001. – № 1. – С. 172–180.

¹⁷⁰ *Ben-Meir Y.* Civil-Military Relations in Israel... – С. 84.

¹⁷¹ Подробнее об обеих этих проблемах см.: *Галь Р.* Психологические и нравственные аспекты противостояния солдат ЦАХАЛа интифаде // Седьмая война. Влияние интифады на израильское об-

щество. – Тель-Авив: Изд-во «Ха'киббуц ха'меухад», 1990. – С. 135–148 [на иврите]. См. также: *Dar Y., Kimhi S., Stadler N. and Epstein A.* The Imprint of the Intifada. Response of Kibbutz Born Soldiers to Military Service in the West Bank and Gaza // *Armed Forces and Society (USA)*. – 2000. – № 26 (2). – С. 285–311.

¹⁷² О роли Министерства обороны в структуре политической и военной власти в Израиле см.: *Bar-Or A.* The Link Between the Government and the IDF During Israel's First 50 Years: The Shifting Role of the Defense Minister // *Military, State and Society in Israel*. – New-Brunswick: Transaction Publishers, 2001. – С. 321–341.

¹⁷³ *Ben-Meir Y.* Civil-Military Relations in Israel... – С. 87.

¹⁷⁴ О позиции Д.Бен-Гуриона по вопросам, касающимся строительства израильских вооруженных сил и их деполитизации см.: *Peri Y.* Between Battles and Ballots. Israeli Military in Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – С. 38–69; *Gelber Y.* Ben-Gurion and the Formation of the Israel Defence Forces, 1947–1948 // *David Ben-Gurion. Politics and Leadership in Israel*. – London: Frank Cass, 1991. – С. 193–215; *Pedatzur R.* Ben-Gurion's Enduring Legacy // *Security Concerns. Insights from the Israeli Experience*. – London: JAI Press, 1998. – С. 139–164.

¹⁷⁵ См.: *Avi-hai A.* Ben-Gurion – State-Builder. Principles and Pragmatism. – New-York: John Wiley, 1974. – С. 109–150; *Хакоэн Д.* ЦАХАЛ и абсорбция алии // *Эйдан* [«Эпоха»]. – 1987. – № 8. – С. 115–126 [на иврите].

¹⁷⁶ *Lissak M.* The Unique Approach to Military-Societal Relations in Israel and Its Impact on Foreign and Security Policy. – Hebrew University of Jerusalem: The Leonard Davis Institute, 1998. – С. 7.

¹⁷⁷ См. об этом: *Cohen S.* The Israeli Defence Forces from a 'People Army' to a 'Professional Military' – Causes and Implications // *Armed Forces and Society (USA)*. – 1995. – № 21. – С. 237–254; *Cohen S.* Military Service in Israel: No Longer A Cohesive Force? // *Jewish Journal of Sociology*. – 1997. – № 39. – С. 5–23.

¹⁷⁸ Подробнее о действиях ЦАХАЛа в ходе Ливанской войны см.: *Crevelde M. van* The Sword and the Olive. A Critical History of the Israeli Defense Force. – New-York: Public Affairs, 1998. – С. 285–306.

¹⁷⁹ Эти цифры были обнародованы по израильскому телевидению 30 апреля 1985 года. См.: *Linn R.* Conscientious Objection in Israel During the War in Lebanon // *Armed Forces and Society (USA)*. – 1986. – № 12 (4). – С. 490.

¹⁸⁰ Генерал Йекутиэль Адам попал под артиллерийский обстрел 10 июня 1982 года, когда ехал со своим помощником генералом Менаше Хаимом Селой в штаб ЦАХАЛа в Адморе. Генерал Й. Адам и его сопровождающие попытались укрыться от обстрела в одном из находившихся поблизости зданий, но в нем скрывались террористы, которые открыли огонь. Й. Адам и М.Х. Села погибли. В завязавшемся бою террористы были уничтожены. См.: Так это было... Юбилей Израиля. – Тель-Авив: Вести, 1998. – С. 238.

¹⁸¹ *Пери Й.* Влияние интифады на ЦАХАЛ // Седьмая война. Влияние интифады на израильское общество. – Тель-Авив: Изд-во «Ха'киббуц ха'меухад», 1990. – С. 122–128 [на иврите].

¹⁸² См.: *Барзель Б.* Ландау: Руководство системы обороны – пленники концепций прежнего правительства // Едиот ахронот [«Последние известия»]. – 6 августа 1996; *Барзель Б.* Узи стреляет // Едиот ахронот – пятничное приложение. – 9 августа 1996. – С. 10–12.

¹⁸³ См.: *Peri Y.* Civil-Military Relations in Israel in Crisis // Military, State and Society in Israel. – New-Brunswick: Transaction Publishers, 2001. – С. 107–136.

¹⁸⁴ О дилеммах, связанных с отказом солдат и офицеров служить в Ливане и на контролируемых территориях, см.: *Gal R.* Commitment and Obedience in the Military: An Israeli Case Study // Armed Forces and Society (USA). – 1985. – № 11 (4). – С. 553–564; *Peri Y.* Israel: Conscientious Objection in a Democracy under Siege // The New Conscientious Objection. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – С. 146–157; *Linn R.* Conscience at War: The Israeli Soldier as a Moral Critic. – Albany: State University of New York Press, 1996.

¹⁸⁵ Об истории пацифизма и отказе от службы в ЦАХАЛе по морально-нравственным соображениям см.: *Эпштейн А.* В поисках легитимации. Развитие и трансформация пацифизма в Израиле от создания государства до Ливанской войны // Израильская социология. – 1999. – № 1. – С. 319–354 [на иврите].

¹⁸⁶ См.: *Linn R.* Conscience at War: The Israeli Soldier as a Moral Critic... – Pp. 87–101.

¹⁸⁷ См.: *Майзельс О., Галь Р., Фишофф Э.* Мировоззрение старшеклассников и их мнения по вопросам, связанным с армией и безопасностью государства. – Зихрон-Яков: Израильский институт военных исследований, 1989 [на иврите]. – С. 209.

¹⁸⁸ См.: *Эзрахи Я., Галь Р.* Мировоззрение старшеклассников и их мнения по вопросам общества, безопасности и мира. – Зихрон-

Яков: Институт социальных исследований «Кармель», 1995 [на иврите]. – С. 138.

¹⁸⁹ *Фишман А.* Каждый пятый не призывается на срочную службу в ЦАХАЛ // Едиот ахронот. – 2 сентября 1996. – С. 5 [на иврите].

¹⁹⁰ *Айхнер И.* 70% мужчин в Израиле не призываются на резервистскую службу // Едиот ахронот. – 5 декабря 1996 [на иврите].

¹⁹¹ *Капра М.* Профиль «21» – это не стыдно // Маарив – пятничное приложение. – 23 августа 1996 [на иврите]. В том же номере газеты была опубликована целая подборка материалов по этой теме, в том числе статьи профессора философии Тель-Авивского университета Аса Кашера, главного редактора газеты «Маарив» Якова Эреза и депутата Кнессета генерала в отставке Рехаваама Зеэви.

¹⁹² См.: *Carmeli A. and Fadlon J.* Motivation to Serve in the Israeli Army: The Gap between Cultural Involvement and Cultural Performance // *Russian Jews on Three Continents.* – London: Frank Cass, 1997. – С. 389–405; *Ломски-Федер Э., Ранопорт Т.* Играя с моделями маскулинности: русские еврейские иммигранты в израильской армии // *Израильская социология.* – 2000. – № 3. – С. 31–51 [на иврите].

¹⁹³ Эта политика игнорирования специфических проблем солдат-репатриантов ярко проявилась во время инициированного ими бунта в военной тюрьме № 6 в Атлите в августе 1997 года. Хотя из восемнадцати солдат, осужденных за участие в бунте, пятнадцать были выходцами из СССР/СНГ, армейские представители раз за разом декларировали, что «факт того или иного национального происхождения участников бунта не имеет никакого значения для анализа его причин и последствий». Подробнее об этом см.: *Энштейн А.* Мятеж в военной тюрьме № 6 как зеркало изменений форм социального протеста в Израиле: причины и следствия самого большого бунта заключенных в истории ЦАХАЛа // *Демократическая культура.* – 2001. – № 4–5. – С. 13–54 [на иврите].

¹⁹⁴ См.: *Arian A.* Opinion Shift in Israel. Long-Term Patterns and the Effects of Security Events // *Security Concerns. Insights from the Israeli Experience.* London: JAI Press, 1998. – С. 267–287.

¹⁹⁵ Об итогах выборов 2001 года см. аналитическую статью: *Энштейн А., Марченко В.* Необратимое поражение или временный кризис? Фиаско израильских левых на выборах 2001 года в сравнительно-исторической перспективе // *Ближний Восток и современность.* – 2002. – № 13. – С. 190–208.

¹⁹⁶ Ариэль Шарон был тогда министром обороны, и споры о том, представлял ли он правительству всю релевантную информацию о ходе боевых действий, продолжаются до сих пор. А.Шарон подал

судебный иск против журналиста газеты «Ха'арец» Узи Бензimana (автора одного из материалов, в которых утверждается, что на начальном этапе Ливанской войны А.Шарон умышленно дезинформировал премьер-министра М.Бегина), обвиняя его в клевете, однако Тель-Авивский окружной суд отверг его иск. Верховный суд, куда адвокатами А.Шарона была подана апелляция на решение окружного суда, в конце 2001 года отказался вынести решение по существу вопроса, постановив, что поиск истины в подобных делах является прерогативой историков, а не судей.

¹⁹⁷ *Khashan H.* Partner or Pariah? Attitudes toward Israel in Syria, Lebanon, and Jordan. – С. 26.

¹⁹⁸ *Tessler M. and Sanad J.* Will the Arab Public Accept Peace with Israel? Evidence from Surveys in Three Arab Societies // *Israel at the Crossroads. The Challenge of Peace.* – London: British Academic Press, 1994. – С. 62.

¹⁹⁹ *Bahaa S.* Anti-Normalization in the Gulf // *Al-Ahram Weekly.* – 26 April 2000.

²⁰⁰ *Ганкин Л., Строкань С.* Война для двоих // *Коммерсант – Власть.* – 9 апреля 2002. – С. 45.

²⁰¹ *Editorial.* Lebanon's Lessons // *Al-Ahram Weekly.* – 7 June 2000.

²⁰² *Ezzat D.* What Will be the Shape of the Arab World? // *Al-Ahram Weekly.* – 24 November 1999.

²⁰³ Цитируется по: *Khashan H.* Partner or Pariah? Attitudes toward Israel in Syria, Lebanon, and Jordan... – С. 30.

²⁰⁴ См. там же, с. 32.

²⁰⁵ *Навайсех М.* Процесс мирного урегулирования иордано-израильского конфликта // *Ближний Восток и современность.* – 1998. – № 5. – С. 188.

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Алек Д. Эпштейн

Бесконечное противостояние.
Израиль и арабский мир: войны и дипломатия
История и современность

Подписано в печать 26.02.2003 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 14,375 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 75

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

